

Максим Макаров

Побеждая Пустоту
(научно-фантастический роман)

Максим Макаров

Побеждая Пустоту

<https://litres.ru/74172628>

SelfPub; 2026

Аннотация

С большим опозданием я публикую третью книгу о Веде Вздокине. Первоначально я готовил ее для публикации в 2017 году, но случились непредвиденные обстоятельства, и мне, как и Веде Вздокину, и его товарищам, пришлось бороться с реальными врагами. Противостояние заняло более 4 лет, затем я стал работать над другими произведениями, и лишь недавно смог вернуться к этой книге. Ведя Вздокин, бодрый, негибачаемый, продолжает сочинять и будет так делать всегда, его творчество позволяет побеждать злодеев космического масштаба. Но, как и всегда, большая победа является результатом огромного труда многих товарищей., она складывается из очень многих этапов, путь к ней долог и непредсказуем. Очень часто приходится рисковать - и не только героям. Противостояние ведут не только умы и управляемые структуры, но также идеи, незримые цели существования.

В оформлении книги использованы мои собственные иллюстрации.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зачер Город	4
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Максим Макаров

Побеждая Пустоту

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зачер Город

Зой – «Огненный Скакун», существо размером с комету – долгое время стерег тот Мир, где жили его приятели Вздокины и откуда Веда Вздокин, поэт и фантазер, отправился за победой¹. Победу он добыл (имя ей – Цветок Гармонии), но тогда никто не мог представить всех ее последствий; конечно, Вздокины подозревали, что их успех вызовет внимание соседей – разноликих существ, владевших остальной, подавляющей частью Мира. Соседи гордились собой и своей землей, и богатствами своими, и при этом каждый из них хотел иметь гораздо больше, чем имеет; а Вздокиных они считали дурачками, у которых ничего нет. Правда, еще до появления Цветка все знали: Вздокины бедные, но боевые, поэтому соседи не слишком вредили Вздокиным на земле. А в небе был Зой.

Биоэнергетическое поле Вздокиных находилось в удивительном балансе с собственной энергией Зоя. Лучи – тончайшие нити волн – тянулись от вздокинских умов далеко за облака и как будто совсем терялись среди мощного косми-

ческого шума. Но Зой – чуткий вихрь – всегда находил эти лучи; их особенные свойства придавали телу Зоя гармонию, бодрость и восторг, они позволяли быстро устранить повреждения, полученные в Космосе. Зою приятно была близость со Взмокиными. Поэтому Зой всегда возвращался. И его сверкающая мощь защищала Взмокинский Мир от чрезмерных внешних досаждений.

Однако с некоторого времени Зой стал испытывать странную неловкость; по приближению к Взмокиным его по-прежнему наполняла гармония, но при этом он ощущал не радость, а смущение, даже беспокойство, словно что-то в его действиях было неверным. На пути вырос незримый барьер; Зой захотел разбить его – и вдруг испугался, проникся страхом, которого никогда раньше не знал. Эта преграда была словно не в пространстве, а в сознании.

Зой возвращался и возвращался – и с каждым разом невидимая сила отталкивала его от Мира Взмокиных; это была не злая и не вредная сила, просто очень настойчивая. И она лишь увеличивалась. Едва подойдя к Миру, тело Зоя испытывало вибрацию – вибрацию крайне опасной частоты, от которой могла разрушиться вся его сущность. И как только он уходил, вибрация тут же исчезала. Зой не умел мыслить научными категориями; из-за неумения говорить он знал только простые понятия, и не мог логически оценить все происходившее. Он лишь понял, что Вселенная – не хочет больше, чтоб он оставался со Взмокиными.

Зой должен оставить свой старый путь и искать новый. А как хорошо было возвращаться! сколько сделано оборотов; сколько взмокинских песен он услышал и впитал, сколько раз он чувствовал, как крошечная частичка смысла приводит в порядок огромные структуры. Сколько было прекрасного. И теперь надо уходить.

¹ см. повесть «Веда Взмокин – наш товарищ»

Зой хотел бы сделать Взмокиным что-нибудь хорошее. Но он не мог ни подарить им ничего, ни сказать, ни заплакать; вообще привычные чувства были для него невыразимы. Создавать он тоже не умел. Зой на несколько мгновений застыл – это было очень сложно, поскольку тело Зоя могло нормально существовать лишь в движении – поглядел еще раз туда, где под облаками спряталась Взмокинская земля – и помчался вперед, вперед, в необъятные просторы космоса. Вскоре над миром опустилась ночь.

...Ночь. Ночь бесконечна, думал Зой. Но за ночью приходит день, тоже бесконечный; тьма и свет сменяют друг друга без конца и так будет всегда, и нарушить это не удастся. Правда, нужны те, кто отличает день от ночи, в противном случае не все ли равно – темно вокруг или светло. Свет очень полезен. Но чрезмерное количество света еще вреднее, чем его полное отсутствие...

...Неторопливо и бесшумно, ночь обходит все миры, пряча под собой предметы видимые и невидимые. Она прячет свет. Во многих местах его научились воссоздавать; искус-

ственные лучи пробьют черный плащ ночи, но законы мироздания останутся нетронутыми. Поэтому ночь бесконечна, как и Космос...

Мысли Зоя тоже излучали волны, очень редкой природы, воспринять которые могла только сверхчувствительная аппаратура. Еще труднее было их расшифровать, а ведь Зой не привык думать сложно или затейливо. Поэтому его мысли оставались тайной для Космоса и для всех миров, мимо которых он прошел.

Разве что в одном Мире могли понять, что думал Зой. Однако там все были слишком заняты, чтоб слушать посторонние вещи.

- В секторе 4А-137 опять задержка производства – говорил приятный голос с металлическим оттенком. – Скорость синтеза волокон уменьшилась со 180 до 172 единиц... Я знаю, что расчетная мощность – 170, но это не освобождает Вас от обязанности отвечать за Вами же взятые повышенные обязательства. Усиьте контроль над шумами. Не можете? – в таком случае интегрируйте через частную версию А32-22 Р. Ищите комбинации.

Сигнал передался в специализированный отдел, где был повторен уже автоматической системой.

Программист Айдим легко стучал по клавиатуре.

- Для чего мы синтезируем массу, имитирующую растительные волокна, если их непрочность очевидна? Они годятся для стационарных объектов, но, насколько я представляю,

заказчик хочет с ними куда-то перемещаться. Впрочем, пусть перемещается. Комбинируем через алгоритм «синтез».

Перед ним возник виртуальный образ другого программиста. Это начальник Аём.

- Комбинируйте через алгоритм «рост». Волокна должны не расти, а соединяться. Это же фракталы, а не бесконечные ряды.

- Простите, но Ваше предложение противоречит алгебраической логике.

- Коллега Айдим, Вы что же, хотите со мной поспорить?

- Нисколько, уважаемый коллега Аём, даже мыслей таких у меня нет. Я лишь высказал свое мнение, исходящее из официальной науки. А впрочем, возможны исключения. Комбинируем. Алгоритм «рост» активирован.

Через 20 секунд скорость синтеза увеличилась и достигла 183 единиц.

- Сохраните и продолжайте. – Аём исчез.

- Удивительно. Все работает. Хотя и противоречит. Как Вы полагаете, коллега, – сказал Айдим, обращаясь к программисту Айме – отчего уважаемый Аём с такой скоростью находит нестандартные решения? Я бы ни за что не догадался... так быстро.

На секунду Айме перестала печатать.

- Потому что Вы просто программист, а он – ведущий программист. Это большая разница. Аём вычисляет гораздо быстрее Вас.

- Да, пожалуй, – согласился Айдим и продолжил нажимать кнопки многофункционального пульта. Он нажимал быстро и четко, лишь иногда и на очень короткое время поглядывая вперед, где за таким же пультом работала Айме. Ее длинные тонкие руки двигались плавно и грациозно. При этом у нее не было ни одного лишнего движения.

«Мы не можем допустить погрешностей» – думал Айдим. Он тоже всегда был очень точен. Кроме того, в его компьютерах работало десятка два разных систем, которые выявляли мельчайшие опечатки. Допустить осечку было просто невозможно.

Осечек здесь не прощали. Принцип недопущения погрешностей довлел над всем обитаемым пространством, над всеми его сотрудниками. Это был мир великой точности, разума и логики, Мир Программистов. Он виден из любого окна. Грандиозные и очень легкие дома идеально чередовались с зонами рекреации, безо всякого намека на дым и скученность; стремительные бесшумные магистрали, идущие повсюду и незаметные для жителей; абсолютная чистота при высочайшем уровне технологий. Каждый дом, каждый искусственный объект занимал идеальное положение, тесно связанное с другими объектами. Грамотность и точность линий в комбинации с наукоемкими материалами создавали сложную, но очень гармоничную урбанистическую композицию, о которой мечтают многие, и которую так трудно осуществить. Это было подлинное математически выверенное

изящество, где соседствуют красота и точность. Здесь не было ничего неправильного, ни клочка заброшенной земли, ни пятнышка.

Если же пятнышко все же возникло – значит, кто-то утратил внимание. Позволил себе погрешность. Но это ненадолго.

За осечку наказывают – могут оштрафовать или даже понизить в должности. Работа на более низких должностях тоже есть программирование, но оплачивается хуже; кроме того, абсолютно все в Море Программистов полны честолюбия и хотят лишь повышаться, но не наоборот. За регулярные осечки отправляют на предприятия, где требуется тесно взаимодействовать с механизмами. Собственно последние делают всё, их надо лишь настроить; однако для настоящего программиста трогать автоматы и станки руками считается унижением. Принято так: настоящий программист создает точный алгоритм, по которому управляющий автомат делает исполнительные автоматы, которые в свою очередь работают, или также создают новые автоматы для работы. Таким образом, автоматы – кибернетические тела, роботы, самоходные установки – тоже имели свою иерархию, но все они управлялись программистами. Управление осуществлялось либо дистанционно – путем нажатия кнопок, либо в ручном режиме, от которого даже бойкая молодежь скучает.

Если же по непонятной причине программист допускал осечки очень часто, то всю работу у него отбирали, остав-

для лишь функции вычисления – сложения, умножения, интегрирования и т.д. В этом случае программист мало чем отличался от неживого арифмометра. Удивительно, но чисто механически ум у всех действовал безотказно. Повычисляв год или два, программист мог снова двигаться вверх.

Самой страшной вещью в Мире Программистов была ошибка, т.е. неверный результат работы. С незапамятных времен ошибка воспринималась как нечто чудовищное. Ошибаться может либо техника, либо представители дикой природы – звери, птицы, микробы и т.д. По-настоящему же разумные существа ошибаться не должны, это не только запрещено, но и безнравственно.

За ошибки полагались самые суровые кары. С другой стороны, уже в течение многих веков никто, кроме архивов, не знал, в чем те кары заключаются, и как их следует проводить. Ибо Мир Программистов не ошибался. Наполненный великой логикой, он мог создать грандиозные, порой даже космические конструкции без малейшего сбоя.

Красочная реклама гласила:

«Мы не можем допустить погрешностей». «Только точность – верный путь». «Нет и не может быть ничего прекрасней логики».

Рекламу подавали в самых разных вариантах, но смысл был всегда такой. Ее видно на стенах, крышах зданий, внутри учреждений и в самих компьютерах.

А световые проекторы чертили в небе надпись:

«Точность – это красота».

Однако Программисты ценили точность не только за ее красоту, но и за полезность. Создаваемый товар – и программный, и промышленный – ценился очень высоко как в самом Море, так и за его пределами.

Бедных не было вообще; даже на младших должностях программисты зарабатывали больше, чем помещики с других планет. У руководящих и особо талантливых лиц месячный доход был сопоставим с казной маленького государства. Правда, с ростом прибыли росли и налоги, однако все они шли на укрепление и развитие общественной инфраструктуры, удобства жизни. Эти вопросы решались либо советами ведущих программистов на местах, либо общемировым советом; каждые 10 лет советы переизбирались.

«Еще каких-то 200 лет, размышлял Айдим, и я уже смогу баллотироваться, дабы показать обществу мою несгибаемую логику, способную создать нечто потрясающее. Вот тогда-то перестанут говорить про мой слишком формализованный ум, не способный к нестандартным схемам... Очень они нужны, эти фантазии! А впрочем, не все ли равно, что про меня думают? Дело ведь от этого не меняется».

Программист Айдим был честолюбив, как и все, но особо не стремился к власти. И никто к ней не стремился. В Море Программистов управление представлялось не более чем одной из форм производства, просто повышенной важности, тем более что обществу не требовались ни армия, ни поли-

ция, ни тайная разведка. Безопасность обеспечивали автоматы – обученные распознавать что верно, и что – нет.

На улицах царил вечный порядок. Полностью отсутствовали инвалиды, больные, пьяницы, лица без явных занятий и преступно мыслящие. Совершенство не было обязательным правилом – но вот явное Несовершенство уничтожили столетия назад. Теперь же о нем узнавали лишь благодаря информационным потокам, идущим с других миров. Экран легко показывал войны, взрывы и прочие будоражащие взор вещи.

Но Айдима внешние события занимали очень мало, потому что Айдим очень серьезен и в основном интересовался ростом собственной квалификации. Это было его главным увлечением.

- Управляющая программа построена мной на основе алгоритма «рост» (для краткости его изображали в виде вертикального отрезка). Ее принцип выверен очень давно, он безусловно точен и неоднократно апробировался, но теперь он вызвал снижение темпов. То, что предложил уважаемый Аём – решать через алгоритм «синтез» (символ «отрезок с концами загнутыми влево и вправо») – весьма удивительно; синтез годится для чего-то органического, например, для пищевого производства, сборки белков, но ведь здесь мы создаем каркасы для несущих конструкций. Недаром уже прикладная программа основана на сочетании символов «рост» (вертикальные отрезки) и «сращение» (горизонтальные отрезки)

– строительство зданий, дорог, прочих инфраструктурных объектов. Или же Аём думает, что дома растут будто грибы? Или прочие продукты дикой природы, неразумного нелогичного мира? Конечно, нет. Этого просто не может быть. Но Аём оказался прав. Досадно.

Айдим немного завидовал Аёму – за способность быстро находить нестандартные решения, и за то, что Аём – ведущий программист, т.е. очень важное лицо. Впрочем, от Айдима тоже зависят многие – младшие программисты, программисты-практиканты, стажеры из молодежи, а также те, кто корпел на производстве. Они выполняют его указания – чрезвычайно быстро.

Айдиму нравится стремительная точность; он не любит, когда начинают фантазировать, особенно молодежь. Он очень строг к юным сотрудникам, но не из-за характера: такое правило в Мире Программистов повсеместно. Едва появившись, молодежь сразу отправляется на учебу, а спустя короткий срок – и на работу. Жестокости здесь нет: до определенного возраста и учеба, и работа для молодых носит нестрогий, увлекательно-игровой характер, затем начинают учить всерьез, параллельно приобщая к реальному делу.

Однако даже загруженная работой, молодежь умудряется болтать о легких вещах – гонках, виртуальных играх и прочей несерьезности. Солидные лица не запрещают эти разговоры полностью, поскольку и сами любят поразвлечься – в свободное время. Гораздо хуже, когда, развлекаясь, начина-

ют выдумывать нечто странное.

Айдим помнил, как один парень из его генерации (т.е. рожденный в тот же период), фантазируя, придумал целую философскую систему воззрений, в которой отрицались все основы программирования. Согласно новой философии, четких, математически объясняемых правил вообще не существует, а существует лишь *степень вероятности* этих правил. Иначе говоря, $3+3$ может равняться и 6, и 5, и 0, и даже -1(!); все зависит от системы отсчета и внешних условий. В десятичной системе вероятность того, что $3+3=6$ очень высока, близка к 100 процентам, но не 100 процентов! А все оттого, что всегда найдутся исключения или даже таинственные, необъяснимые события, для обозначения которых используется термин «мистика» и «сверхъестественное».

- Мистики не существует – говорили в Мире Программистов. – Мистика – это признание собственного бессилия, неспособность ума постигнуть сложные вопросы, и не более. Ибо все познаваемо.

(Кстати, реклама «познаваемо все» тоже присутствует, ее часто выводят в дни научно-исследовательских конференций.)

Надо сказать, никто не утверждал, что фраза « $3+3=0$ » неверна в любых обстоятельствах. Вероятно, найдутся условия, где сложение трех единиц и других трех единиц действительно создаст ничто, пустоту. Однако эти условия также должны иметь объяснение, т.е. для утверждения

« $3+3=0$ » должна быть своя логическая система. Парень же говорил, что никаких систем нет, т.к. логики в природе вообще не существует, и что она лишь прикладная условность, выдуманная для удобства работы. По его мнению, Вселенная, звезды, планеты и другие объекты вплоть до субатомных частиц основаны на чем-то нелогичном. Так он думал.

Неразумно было так думать, считал Айдим. Саму теорию нельзя назвать ошибкой, поскольку парень ее изобрел в рамках развлечения и не планировал ничего воплощать в реальной жизни; он всего лишь развлекался. Явная его ошибка заключалась в том, что свою «нелогичную философию» он стал рассказывать всем подряд, в первую очередь, знакомым и приятелям. К счастью, молодые программисты либо вообще не интересовались философией, предпочитая нормальные развлечения, либо постучали по голове, глядя на парня. Головы у всех программистов имели очень ровную, круглую или овальную форму, и стучать по голове – это значит указывать на чей-то умственный изъян. Парень (дурачок!) продолжил болтать – тут-то его и остановили. Мечтатель выискался! Решил опровергнуть все законы мироздания! Нелогично имеют право мыслить лишь аппараты стихосложения, которые сочиняют стихи и песни. Им задают тему и размер, а они уже строчат:

Пытливый ум придумает задачи,
Которые решить нельзя – и плачет.

А дикий зверь, все чаще и упорней,
В полночный час раскапывает корни.

За мыслительные выкрутасы парня на 10 лет направили решать показательные уравнения 120-й степени. Потом он, кажется, пошел работать наладчиком металлорежущих станков или оператором проката, тоже что-то нафантазировал, попал на химический завод, в отдел синтеза полиматериалов, вместе с автоматами дышал хлором... Он мог в полной мере убедиться в косности своих взглядов, думал Айдим, ведь никакое производство не бывает на «нелогической» основе. Надо мыслить правильно.

Эту поучительную историю Айдим рассказывал всем практикантам и стажерам, и все соглашались с Айдимом. Логика превыше всего, а для молодежи это особенно актуально.

Один младший программист робко сказал, что очень интересуется моделями имитации чувств природных (живых) объектов, и хочет создавать свои собственные модели.

- А Вы знаете, что чувствуют в природе? – спросил Айдим.

- Пока нет, но я подумал... А как это узнать?

- Вы биологией на профессиональном уровне занимаетесь?

- Нет пока. А что надо делать?

- Тогда до моделирования Вам нужно сходить в зоопарк. Идёте, выбираете существо дикого происхождения, начинаете наблюдать за ним. Одним словом, действуйте по научной

методологии.

И младший программист побежал к зоопарку. После того, как работа кончилась.

Дикие животные – единственные, кому в Море Программистов разрешено совершать ошибки, причем постоянно. С дикой природы нет спроса, надо лишь умело ее контролировать. Многие зоопарки расположены прямо в зонах рекреации, и гармонично в них встроены. Поэтому можно отдыхать и смотреть, как вокруг ходят звери. Они совершенно безопасны – благодаря проверке, которая начинается еще на стадии транспортировки через Космос. Животных привозят из самых разных мест, поскольку их разнообразие полезно для познавательных и развлекательных целей. Уже на месте звери, птицы, рептилии проходят всевозможную очистку (для удаления любой грязи); затем, с учетом их биологических особенностей, животных помещают в соответствующий ландшафт.

Животные пользуются свободой – если их действия не несут опасности Миру, они могут гулять где вздумается. За каждым зверем налажен строгий контроль. Или почти за каждым.

Покрытый шерстью зверек... попал в руки автомата-биолога и крутится без остановки. У зверька типично лесная, уморительная мордочка, четыре ноги с хвостом и очень много волос; они все перепутались и торчат клоками. Зверь вертелся так, что автомат не мог его ни взвесить, ни расчесать.

Тогда он достал чип, предназначенный для слежения.

Зверек подпрыгнул, выбил из рук автомата чип, а потом схватил тот чип передними лапами и проглотил.

- Что ж. Так тоже возможно. Оральное введение допускается – прогудел добродушно биолог. Он никогда не сердился.

Зверек тем временем пытался что-то отвернуть в настольном компьютере.

Биолог нажал на кнопку – вжть! – пушистого хулигана подхватило и понесло в зону рекреации. Это была совершенно безопасная процедура, хотя зверек и вертелся как ужаленный; его лохматый, согнутый хвост постоянно попадал ему в рот, отчего зверьку было очень досадно. Он мотал головой, но видел лишь поток полос – его транспортировала система, основанная на сжатии материи с последующим переносом по специальным коробам. Зверек только слышал: вжть! вжть! вжть!

За 15 минут его перебросило через пол-Мира.

Он попал в зону, где жили маленькие лесные звери с других планет. При виде нового жителя некоторые попрятались, другие насторожились; чуньки – животные вроде куниц, но живущие стаями, приняли его за своего, окружили со всех сторон и стали тереться боками в знак приветствия. От них пахло жареной птицей.

Зверек сжался – из осторожности; но программистов и автоматов вокруг вроде бы не наблюдалось. Тогда он встал, решительно растолкал чуньков, осмотрел остальных зверей и

многозначительно погрозил им передней лапой. Потом он сделал уморительную гримасу (сердился, наверное) и произнес вслух нечто, начинавшееся со звука «з»:

- Зтыб-лин-гим-ваш-тоб-заело!

Зверек чихнул – из носа вылетела редкая для этих места форма пыли, подумал-подумал, и отошел в сторону. Примечательно, что он перемещался не на всех четырех лапах, как обычные звери, а на лишь двух задних, а передними лапами он то размахивал, то разводил их в стороны, будто удивляясь, то вдруг хватал свой согнутый полукругом хвост.

Этого зверька заметил младший программист.

Он тут же стал настраивать прибор – дешифратор мозговых волн.

- С учетом того, что в живой природе используются лишь простейшие волны с легкодостижимым диапазоном частот... я очень скоро смогу не только уловить его чувства, но и расшифровать их.

В дешифраторе имелась программа, способная понимать сотни тысяч языков и прочих форм общения.

Зверек спрятался за информационное табло. Младший программист подобрался чуть поближе, и мастерски изогнув длинные-длинные руки, направил прибор на зверька. В дешифраторе загорелось:

- Послы, кулаки, чтоб я клубок... интересно есть тут... Раскусить мою сущность!... чтоб им... сладенького бы где достать...

«Какие сложные комбинации – подумал программист – а еще говорят о глупости природы. Да, природа глупа, но очень причудлива».

Он пододвинулся еще ближе, потом еще и еще – и почти плотную столкнулся с зверем. Тот открыл рот.

Младший программист был наготове. Он достал из портативной сумки большой сочный плод:

- Маленький, возьми – он протянул плод зверю; тот насторожился. Тогда программист положил плод на чистое покрытие земли и осторожно убрал с него длинные пальцы (он знал, что от резких движений глупые звери нервничают и лезут кусаться). И смотрел внимательно.

Зверь, гримасничая, подошел к плоду, сел рядом и встал вздыхать. Он посмотрел на младшего программиста и произнес какие-то свои звуки – чрезвычайно смешные. Потом стал ковырять лапкой плод. Кожура не подавалась; зверь вздохнул, поглядел по сторонам – по всей видимости, он имел представление о разумной деятельности, поскольку не найдя ничего подходящего, охватил плод передними лапами и стал с силой стучать им по земле, вернее по ее искусственному покрытию, очень прочному и гибкому. Плод трещал, зверек сердился – пищал, трещал, сопел, кряхтел. Голос у него был забавный – пискляво-хрипловатый, да и весь вид у него был очень смешной, просто уморительный.

Программист так загляделся, что даже забыл про дешифратор.

- Чего не бывает в природе. Уверен, это один из тех лиц, что живут вблизи городских агломераций. У таких зверей расширенное сознание. Интересно, кто его родня. По строению он похож на тех пятнистых лис с планеты Т-...-3. Да, напоминает – и лицо похожее, и лапы. Но где же пятна? Очевидно, внутри.

Программист подошел к зверьку (тот расколол-таки плод и слизывал сладкую мякоть), оглядел еще раз, – в лохматом создании не было ничего страшного, счетчик бактерий показывал четкий «ноль» как вокруг зверя, так и на нем самом. Программисту почему-то очень хотелось узнать про пятна. Он слегка погладил спутанную шерсть на шее (зверек ничего), потом изготавился и сунул в нее два пальца.

Он лишь хотел слегка раздвинуть волоски, но не рассчитал, и схватил прямо за шиворот. А пальцы в Мире Программистов были цепкие. Зверька подняло. И он – завопил:

- Кош-ма-а-р-р! Наших... бьют!

Он взлетел вверх и врезался прямо в голову программиста; программист удивленно закрыл глаза, а когда открыл, зверь уже удирал, причем по очень странной траектории – не по прямой или зигзагом, а по окружности. Зверь бежал – сперва прочь от программиста, а потом стал приближаться. Приближался, приближался – вот он уже рядом!

Программист подумал, что существо на него сейчас нападет и укусит, и совершенно растерялся. Но зверек с размаху ударил нижней лапой по плоду – тот оказался тяжелым и не

покатился. Зато сам зверь кубарем перелетел вперед, потом вскочил, и, шепча что-то под нос, схватил плод и помчался с ним по улицам – то на двух ногах, то на трех.

Программист кинулся было вдогонку, но зверь скакал уж очень резво.

Пробежав шагов десять, программист остановился.

- Мои ноги слишком дороги. И потом, работать ногами неприлично для просвещенных лиц, бегают лишь звери и ди-
кари. Ну что ж. Первый опыт указал нам на то, что чувства природы могут быть быстры и даже очень. Это тоже весьма интересно, но, пожалуй, мне надо найти более неторопливое создание.

И он стал анализировать чувства певчих птиц. Птицы, как и положено, пели о любви.

А зверек еще долго бежал по идеально чистым улицам, нарочно усложняя путь; ему казалось, что за ним летит погоня и он снова и снова ускорял бег. Плод вываливался у него из лап, тянул в разные стороны, отчего зверьку приходилось изгибаться, менять лапы, подпрыгивать на ходу. Все эти комбинации он проделывал с завидной ловкостью, почти не спотыкаясь. Он был очень тренированный.

Наконец он устал бежать и юркнул под монорельсовую магистраль.

Вышел когда уже стемнело.

Первым делом зверь постучал себя по груди, гавкнул и выплюнул чип слежения.

- Выдумали тоже! За разумным существом шпионить! Думают, если у меня шерсть, то им все можно! Хотя, конечно, здорово они тут все понастроили... И снабжение отличное... Но я должен иметь высокие стандарты, я должен их... это как его... рюли... рели... а – рюализовывать (реализовывать)! Я Гониденек с большой буквы!... Ой! Хвост измялся...

Гониденек проник в Мир Программистов!

Однако не стоит думать, что его присутствие несет прогрессивному обществу беспокойство или вред. Гониденек не умеет по-настоящему вредить, да и не желает этого; им движет врожденная, бессознательная тяга к мелким формам богатства, вроде золотых монет или рубинов, но стащить много он не в состоянии; вдобавок ко всему, он не имеет даже карманов, добро теряется и почти всегда остается вблизи своего законного места². Из-за этого Гониденек постоянно вскипает изнутри. И говорит о «высоких стандартах», т.е. о приобретении того, чего у него еще не было.

Гониденек ищет новых удовольствий – это толкает его все дальше и дальше в Космос.

² см. рассказ «Гониденеки не спят»

Наступило новое утро, полное света и бодрящей свежести. Погодой здесь также программно управляли.

Держа под мышкой плод, Гониденек шел по улицам и не переставал удивляться потрясающей гармонии Мира Программистов. Будто в компьютер попал, думал он: все объекты вокруг – дома, магистрали и даже мелкие предметы – от-

личались абсолютной точностью форм, без всяких огрехов вроде трещин или неровностей, при том, что их общий вид был весьма красив. Гониденеку казалось, что он находится не в реальном мире, а в каком-то виртуальном царстве математики. Однако плод – напоминающий дыню – был настоящий. Гониденек черпал лапой его сладкую массу, облизывался, и был очень доволен тем, что его никто не гонит, не наказывает. Наоборот, редкие прохожие-программисты рассматривали его с большим интересом.

Гониденек понял, что он – красивый, и страшно заважничал.

«А мне мать говорила, что я блох корявый. Сама она блох. Дура толстая. А впрочем, какое мне до нее дело...»

Гониденек гордо шел вперед, неся перед собой дыню. Мякоть он съедал, а семечки выплевывал. Попав на землю, они сразу же исчезали.

- Как вода в песок. Любопытно, как это получается? – Гониденек присел и стал ковырять землю – ее покрытие было сделано из высокотехнологичного материала, очень прочного и гибкого. Под давлением материал проседал, сохраняя непрерывность. Гониденеку даже палец не удалось воткнуть, хотя в материале, по всей видимости, имелись отверстия. Семена же куда-то делись.

- А если я плюну? Исчезло. А если я... скажи ты, и лужа исчезла. Любой мусор исчезает, будто проваливается вниз.

Гониденек прикрыл одно ухо лапой, а другое приложил к

земле. Он прислушивался. Под землей, вероятно, тоже что-то было, но работало бесшумно.

От усердия Гониденек даже несколько устал. Он поднялся, стал махать лапами и хвостом. И только теперь он заметил, что за ним наблюдает целая группа программистов.

- Какое прелестное дикое создание! Посмотрите, коллеги, оно пробует заняться исследовательской деятельностью. У него ничего не получится, но какие при этом он делает рожицы! Заглядение. И какой он весь занятый! Весьма, весьма. Да, безусловно, природа глупа, но очень забавна.

Гониденек не понял, о чем говорят, но на всякий случай произнес – как бы в оправдание:

- Да я же, собственно, ничего... У меня никаких таких... апчхи!

Все засмеялись и захлопали:

- Какие звуки! Прелесть.

Гониденек смущенно подошел к своей дыне, поднял ее и тут же мимодумно выронил. Потом зачем-то сел на нее и свалился. И опять чихнул.

Программисты чуть со смеху не попадали.

- До чего же... забавно! Надо побольше таких привезти...

От всеобщего смеха Гониденек застеснялся; он схватил-таки дыню – в ней осталось еще половина мякоти.

«То, что я красивый – ладно. Это очень хорошо. Но вот то, что я смешной – просто поразительно. Никогда про себя не думал, что я смешной. Это можно как-то использовать?»

Гониденек завертел головой, но программисты уже разошлись. Они очень ценили время – и рабочее, и свободное.

В дыне было так много вкусного и питательного, что Гониденеку понадобилось полдня, чтоб съесть все. Кожуру он сунул под лавочку:

- Сюда пристроим, здесь почти не видно.

В этот момент земля под лавкой приподнялась – Гониденек увидел автомат в виде сильно уплощенного конуса. Автомат резво всосал в себя остатки дыни и бесшумно исчез. Так происходило со всеми отходами. Гониденек пощупал: покрытие земли имело такой же гладкий и непрерывный вид, что и до этого, без единой морщинки.

- Это просто поразительно. Что упало, то пропало. Кошмар!

Всю другую половину дня Гониденек развлекался с техникой.

Он катался на огромных эскалаторах, идущих от подножия стоэтажных зданий до самого верха. Там он мог видеть окружающие просторы и вершины других зданий, которые насчитывали по 100, 200 и даже по 500 этажей. Он щупал информационные экраны табло с картинками из других миров. Многое Гониденек уже видел (он был великий скиталец), но каждый кадр показывал все в удивительных красках, и рассмотреть их можно было в мельчайших подробностях. Он играл в бесплатные уличные видеоигры, правда, из-за незнания здешнего языка он часто проигрывал уже в на-

чале. Гониденек не огорчился – он смело давил на все кнопки, бил пальцами в экран, увлекаясь.

Из-за этого в нескольких играх и табло возникли помехи; их сразу же устраняли автоматы-инженеры.

В транспорт Гониденека не пустили – там была особая сенсорная система против диких зверей. Стоило лишь подойти к входу, а тебя уже выталкивают невидимые потоки, выталкивают вежливо, но быстро. Зато Гониденек покатался снаружи, прицепившись к вагону.

Поезда ходили с бешеной скоростью и не было ни одной аварии.

Очередной вагон унес Гониденека на самую окраину.

- А у них оказывается, не все в Мире правильное – бормотал Гониденек, вцепившись в черный буфер. Вагоны были покрыты гладким материалом, и ездить можно было лишь на буфере. Но все равно Гониденек заметил, что за башнями домов видна полоса, за которой расположено пустое, необработанное поле. Внезапно – как по команде, стемнело – наступил вечер или ночь. Поезд остановился. Гониденек, вздрагивая, слез, попрыгал, пробежал двести или триста шагов – перед ним возникла дорожка, идущая между зданий-исполинов к полю. Гониденек пошел по ней – исполины сверкали, а на поле, наоборот, было темно.

Гониденек оказался на свободной площадке, близ которой тянулась непрерывная белая полоса песка или мелкого камня. По одну сторону от полосы, от горизонта до гори-

зонта, стоял благоустроенный сверкающий Мир, а по другую сторону – свободное поле, почти пустыня. Кое-где там есть холмы, маленькие возвышенности. Далеко-далеко мигали разноцветные крошечные искры.

- Да, не все у них в мире правильное. Есть и обычная земля. – Гониденек перешел через полосу. Пустыня была покрыта пылью, причем большей частью внепланетного происхождения. Он потрогал ее на ощупь – пыль рассыпалась мгновенно и уходила меж пальцев.

- Ничего технологичного. Просто прах земной. Бывает. Незастроенная часть Мира Программистов оказалась очень велика, и по размерам сопоставима с урбанизированной частью. Гониденек никак не мог припомнить, чтоб он видел эту пустыню, когда его сюда везли, а ведь он внимательно приглядывался. Впрочем, неудивительно, ведь диких зверей транспортировали сюда с удобствами.

- Это у них космодром или свалка, или.... Или. – Гониденек сел и замер. Прислушался. Тихо, очень тихо. Ничего. Он вдруг ощутил острое смятение внутри и дрожь; смятение быстро переросло в страх. Этот был не тот страх, который испытываешь в момент опасности, но страх перед бездной, бесконечной, унылой бездной, полной мрака и пустоты. «Для чего мне пустота?!!»

Гониденек перебежал через черту обратно.

- Нет уж, я лучше буду здесь, на культурной территории... Тут совсем не страшно. Да. Совсем. Устал я чего-то... надо

бы посидеть.

Он сел на плоский предмет, похожий на диск, собранных из треугольных листков, закрыл глаза – вспоминал сегодняшние удовольствия.

«Завтра опять покатаемся. Еда у них отличная. Не знаю, что они едят сами, но для зверей готовят хорошо. Надо будет в той игре выбрать зеленый самолет. Самое главное – не держать его на одном месте и как можно чаще стрелять. С кнопками я разобрался. Теперь-то они меня не убьют!»

Гониденек открыл глаза и остолбенел – вокруг него было небо, а земля осталась внизу, в пяти тысячах шагах. Оказывается, пока он мечтал, диск взлетел вверх – моментально и бесшумно, совершенно незаметно – и держался на очень тонком выдвижном стержне. Гониденек подумал, что вот-вот диск качнется, и сбросит его, и не на редкость встревожился. Однако круговое поле прочно удерживало Гониденека; снизу вылетали яркие лучевые трассы, чертившие в ночном небе:

«Точность и логика прекрасны!»

- Угораздило меня так влезть... Маяк рекламный, чтоб его... А впрочем, отсюда все видно.

Пишущий рекламу диск висел в небе. С огромной высоты Гониденек увидел чудную, грандиозную панораму Мира Программистов, ее застроенной части. Здания, снизу казавшиеся просто великанами, теперь сливались в единые композиции, размером с горы.

Он видел как жилые дома, будто соединяясь попарно, создают на земле огромный, причудливо изогнутый гребень для волос. Рядом с ним стоит ряд огромных знаков – это уже другой район, чуть поодаль – застывшие волны высотой в сотни этажей, рядом лабиринт из кубиков, река... Это не природа – это все дома, великолепные строения, из которых получаются еще более великолепные композиции, а вокруг них – гигантский орнамент. На горизонте Гонииденек разглядел квартал, чьи строения создавали композицию в форме цветка розы. Роза сияла огнями – желтыми, оранжевыми, голубыми.

- Эту штуку, наверное, и из космоса видать. Красиво. Хотя, по-моему это уже лишнее – создавать красоту для посторонних. Очень надо.

На дне «розы» Гонииденек увидел мелкий бело-золотой лучик с необычным блеском. Все рукотворные лучи в Мире Программистов были другой природы и частоты.

Гонииденек подумал, что где-то он уже видел такой огонек. Он встал и замахал лапами в сторону огонька:

- Э-ге-ге-эй! Я здесь. Привет!

Огонек подмигнул.

Гонииденек опять сел.

- А зачем это я машу? Странно. Так, интересно, а как отсюда спускаться? Прыгать, что ли? Ага, конечно, обрадовались! Гонииденек не такой болван. Что же – всю ночь здесь торчать? Впрочем, тут совсем не холодно.

С другой стороны полосы было тихо. В одном месте возник бугор, шириной шагов в сотню; Гониденек пригляделся, но бугор быстро исчез. Наверное, под той частью земли тоже идут работы, подумал Гониденек и еще раз посмотрел на «розу». Ее огни горели теплым светом, лишь бело-золотой лучик был какой-то колючий.

Он горел не в такт с остальными огнями; внезапно он вспыхнул, затем потух; затем на его месте возникла крошечная точка, или даже две точки. Парой они поплыли вниз, исчезли в лабиринте зданий. В районе листовидных домов точки возникла снова, поднялись и легко пошли над городом.

Они двигались как раз туда, где сидел Гониденек.

«И чего я, дурак, махал!! Сидел бы тихо. Но меня словно заставило! Что-то непонятное. Если это знакомые, то надо... Стоп! А какие у меня здесь знакомые? Я не видел никого... Это точно не Ведя Вздокин, у него совсем другая частота, это...».

Два бело-золотых овала повисли перед Гониденеком. Вблизи стало видно, что они имеют очертания глаз, а в центре есть крошечный зрачок. Глаза были неподвижны, но тьма вокруг них шевелилась.

Гониденек окаменел. Вселенский мороз пробрал его.

Он вспомнил, у КОГО он видел *эти* глаза раньше...

Нужно было что-то делать. Срочно.

- А я с вами больше не вожусь! – выпалил Гониденек детским голосом. – Не вожусь, и все тут. Вы меня больше не

заставите выполнять эти ваши... да вообще... я же просто ничего...

Со стороны глаз раздался тихий звук – не то шорох, не то смех. ОН – тот, кого нельзя было видеть – еще раз пристально взглянул на Гониденека, сверкнул – Гониденек от боли зажмурил глаза, и боялся их открыть, а когда, наконец, решился, страшных точек уже не было. ОН пропал, и все было в порядке. Только треугольники, формировавшие диск, по краям расплавились.

Гониденек не помнил, как очутился на земле.

Его опять окружала гармония. Мир Программистов действовал безотказно.

- Кажется, мне померещилось – бормотал Гониденек. – Да. Померещилось. Хотя, на самом деле... нет, думать про это невыносимо... да этого и не было. Не было. Это все поля непривычной частоты, да; понаделали же таких полей. А еще прогрессивные лица. Надо срочно что-то скушать, что-нибудь сладенькое...

Снова день. Снова работа. Снова логика и точность и никаких ужасов, тем более что прогрессивным умам неведомо чувства страха.

Весь день по ухоженным улицам бегал, подпрыгивая, пушистый зверек с полусогнутым хвостом и одновременно ел груши, яблоки, бананы и арбуз размером с ящик. Он веселился.

...

Гониденек считал, что ему только показалось. Но он не ошибся – глаза, от которых веяло морозом, действительно пришли из жуткого Мира Вор-Юн-Гака, Мира, где правил он, Вор-Юн-Гак, Подлый, Хитрый Змей, любящий повелевать над всеми.

Гониденек видел его глаза!

Только это был не сам Вор-Юн-Гак, а Маливоргем – малый стремительный Змей, порождение Вор-Юн-Гака, существо, повторяющее его черты. Маливоргема нельзя назвать копией – ума и мощи в нем меньше, чем в самом Змее, внутренняя структура идентична Вор-Юн-Гаковой, но имеет некоторые отличия, хотя образ мыслей точно такой же, как у первоисточника. Маливоргем свободен от морали, доброты и прочих чувственных слабостей.

Вообще-то Змей не любил тратить свою сущность на других и никогда не делал этого прежде. Маливоргема он создал для стремительных бросков в дальние районы Космоса, для того, чтобы узнавать и действовать без угрозы самому себе. На это его вынудили особые обстоятельства, о которых Змей никогда ни с кем не говорил. Он извлек из себя небольшую часть, а потом дополнил ее свободным материалом – энергией и веществом – по своему образу, используя тайный подход. Этот подход делал возможным создавать новые образы, как на биологической основе, так и более сложные, продолжая индивидуальность создателя.

Специальных слов для обозначения таких потомков-об-

разов не было; Зергер, чье имя означает «Отец Смерти», называл их родом. Он тоже знал секрет.

Маливоргем – продолжение Вор-Юн-Гака – с момента появления ненавидел Зергера и это неудивительно. Однако его ненависть была несравнима с той, которой горел сам Вор-Юн-Гак.

...Хитрый Змей торжествовал. Возвратясь из Другой Вселенной, он устроил великое, чудовищное торжество по всему своему Миру. В дикой пляске неслись и переворачивались прихвостни Подлого Змея, большие, средние и крошечные; всех их обуревала бессознательная радость, вызванная тайным ядом под названием «мое счастье». После употребления этого «счастья» забывались все невзгоды, и наступало великое удовольствие; правда, отчасти разрушалась плоть, но в мире Вор-Юн-Гака не умирают. Там служат ему, великому победителю. Хитрый Змей победил опять. Победил творения Зергера!³ Пусть не совсем так, как задумал вначале, но победил. Велик и славен он, Господин наш Великий!

Вор-Юн-Гак праздновал победу и был удовлетворен; но глубоко внутри, на самом дне его сознания тлел крошечный уголь сомнения. Этот уголь несильно, но жег Вор-Юн-Гака, поднимая порой гигантский костер злобы.

Злоба – черная, густая, космическая – возникала от сознания того, что сам Зергер остался жив и цел, и продолжает действовать. Несмотря на «победу», Змей вовсе не победил Зергера в Другой Вселенной, и вообще ему было неизвестно,

чем сейчас занят «этот жалкий сочинитель». А сразиться с Зергером в прямой схватке Вор-Юн-Гак не хотел.

Поэтому он придумал Маливоргема, как продолжение своей индивидуальности, чтобы уже он, Маливоргем, проводил опасные операции. Вор-Юн-Гак окончательно разуверился в способности своих многочисленных слуг совершить нечто поистине грандиозное, сопоставимое с его замыслами. А себя лично Змей очень берег.

³ см. повесть «ДОБРЕГОЛЯД устоит» (из сборника «Взмокинские Истории»)

- *Моя мощь* – пусть пока пребудет со мною. Не все же самому возиться.

Маливоргем меньше Змея. Но и перед ним затрепещут Миры, упадут скалы, владыки останутся без сил что-либо придумать. Маливоргем – хитрый, *умный*, изворотливый; и в нем есть особая сила и даже в некотором роде гармония. Его серебристый облик прекрасен – если смотреть издалека. Вблизи – уже возникнут другие чувства, и не только у Гониденека. Смотреть на него вблизи... нет, лучше не смотреть. Маливоргем, Маливоргем – Змей *смертельной красоты*.

В золотом блеске распадающихся ядер Маливоргем стрелой разрезал Космос. Он торопился, потому что так велел Вор-Юн-Гак. Еще ему очень хотелось похвастаться.

В Мире Программистов он провернул одну выгодную сделку.

- Я предстал в виде крупного торговца с планеты К.-Д.-Г. И

мне поверили; возможно, не до конца, однако никто не стал проверять и весь заказ был выполнен в мельчайших подробностях и с поразительной скоростью!

- Конечно. За такую-то сумму. Медлить незачем. Все средства ушли?

- Да. Дешевле, сказали, не получится.

- Естественно. Кто станет делать нечто замечательное за дешево? Это общее правило.

Маливоргем извивался ловким телом.

- Они готовы делать все подряд, причем для всех, были б деньги. Великий Вор-Юн-Гак, а они не боятся...

- Едва ли. Вообще, Программисты мне нравятся. Их интересует только дело, они не лезут в политику. И потом, у них такая плотная виртуально-полевая защита, что туда не проврутся никакие вояки. А нам тот Мир нужен неповрежденным. Ведь так?

Маливоргем сделал клыкастую гримасу – ухмылялся.

В Мире Программистов он приобрел уникальную систему сжатия и переноса данных, позволявшую моментально передавать информацию без потерь. Любую информацию!

- Прежняя система ретрансляторов устарела – сказал Вор-Юн-Гак. – К тому же я слишком положился на кешек с их внедрением, и на кешер с их тупой мобильностью. Кешеры бездарны. Конечно, их много, а численность в некоторых случаях полезна.

С потолка свалился предводитель кешер и закаркал:

- Мы всегда готовы быть беззаветно преданными Вам, Великий Вор-Юн-Гак, служить в каждом Вашем великолепном деле, готовы изнывать и распадаться, умножая нашу славу...

- Говорильник свой закрой – сказал Вор-Юн-Гак. – И не лезь.

Предводитель кешер пропал.

- Кешеры и кешки много орут; их стоит поубавить. Что с того, что они живые и способные к возобновлению? Это мелочь. Помни, Маливоргем: доверять живым нельзя. А неживым – тем более. По настоящему, можно полагаться лишь на свою личность. Больше нет приличных тел. Разве что...

Из-под пола высунулась голова, потом еще одна – точно такая же, только другого цвета. Головы хором сказали:

- Приятели, вы что-то говорили про вояк? Вояки мне нравятся. Я тут немного продрых, но сейчас могу спокойно сокрушать неприятеля.

- Ах да, Воблиду тоже можно доверять. Он мой вечный соратник. Верно, приятель Воблид?

Ящер с множеством голов закивал.

После коловращений в Другой Вселенной Воблид сильно истрепался и был вынужден взять перерыв (и совсем не воевать). Он довольно долго сидел в Мире Хитрого Змея: все это время он поглощал материю и ничего не делал, даже отсталые Миры поблизости он не мог толком побеспокоить. Его прежний летательный аппарат – «Колокол» – был уничтожен, сам по себе перемещаться через космос Воблид не

умел, и потому был вынужден пользоваться помощью слуг Вор-Юн-Гака; это Воблида сильно задевало, ведь он привык считать себя самостоятельным.

В кладовых Подлого Змея имелось большое количество летательных объектов самой разной конструкции, некоторые обладали изрядной мощностью, однако все были с изъянами.

Воблид мог их использовать, но обижался:

- Полетишь на таком, и через сто световых лет он развалится. На части! Вор-Юн-Гак, откуда в них столько мусора?

- Я добыл корабли, уничтожив тех, кто внутри. Согласись, для корабля такое не проходит бесследно.

- Но я-то почему должен летать на такое старье? Мне не нравятся старые аппараты!

- А никаких других нет. У меня. Приятель Воблид, если хочешь иметь совсем новый объект, спроектируй сам и сделай.

- Я что, жалкий рабочий, чтоб работать? Я предводитель воинов Воблид! Надо только подлататься.

Находясь у Вор-Юн-Гака, Воблид восстановил свои потерянные в битвах головы; правда, они не всегда хорошо вертелись и болтали чепуху, но Воблид их очень строго воспитывал. Лишь заметит что-то – схватит на шею, ударит и подождет. Подождет, схватит, ударит. А потом опять. И так пока голова не придет в полное подчинение.

Всего у Воблида 13 голов, которые венчают тринадцать существ, находящихся в одном теле. В нужный момент

каждая сущность может выпрыгнуть и действовать как независимый объект. А все сущности объединяет главная сущность. Ее голова, под номером 1, расположена выше всех, остальные головы образуют вокруг нее два кольца, по шесть штук в каждом. Раньше они нумеровались со 2-й по 13-ю, но после сильной встряски Воблид забыл порядковый номер утраченных голов, и нумеровал их дальше, вплоть до 19-й, хотя он имел только 13 штук.

- 7-я, создай адский огонь. Как не можешь? Ты не огненная? Ты биологическая с ртутью? А кто теперь огненная? 19-я? Но 19-ю я задумывал как волновидную. Или волновидная уже есть? Да, есть. Тогда ты кто? Энергетическая, ледяная, рассеивающая? Не знаешь? Хм, я тоже не знаю... Хочешь стрелять? Стрелять я и так могу, все сущностями. – ворчал Воблид первой, самой главной головой. – Если б дополнительно усилить огневую мощь... у Вор-Юн-Гака ее много найдется, но вот в чем везти? Бедный наш Колокол.

В целом Воблиду казалось, что новые головы хуже старых. Но все они были его, типично воблидовские. Все они умели уничтожать.

- Хороший предмет. – сказал Воблид, глядя на разработку Мира Программистов. – С ее помощью можно в кратчайший срок поднять войска на огромном расстоянии, а самому руководить. Великий Вор-Юн-Гак, нет ли у тебя дельца, где можно пострелять, помахать клинком? Мои сущности жаждут действий.

- Махать клинком слишком мелко, дорогой командир во-
як. Такой подход для слабых умов. Этим можно заниматься,
но зачем тратить время?

Воблид. Маливоргем. Я задумал нечто. Грандиозное.

Вор-Юн-Гак застыл: в его огромном огненном теле бурли-
ла великая мощь, перемешанная с информацией, но гораздо
сильней в нем бурлили хитрость и злоба. Им не было кон-
ца. Желтые глаза Змея испускали частицы, смертельные для
простых созданий.

Змей моргнул и все трое оказались в маленькой комнате,
инкрустированной кроваво-красным гранитом, очень ред-
ким и очень дорогим. Здесь их не мог услышать никто во
Вселенной.

- Значит. Так. Мы поступили опрометчиво, когда решили
бороться с порождениями Зергера своими силами, путем ак-
тивных боевых действий. Впрочем, эта затея принадлежала
Хозяину Пустоты Ничтову и не удивительно, что она прова-
лилась. Ничтов велик, но он олух. Он ничего не смыслит в
космической онтологии. Зато я смыслю.

Маливоргем! В местах, окружающих Мир... да нет, луч-
ше во всей Вселенной – да, во всей – мы должны нанять
себе косвенных союзников против Зергера и его приятелей.
Эти союзники не обязательно должны быть у нас в подчине-
нии, пусть живут как хотят, но – по приказу – они должны
атаковать всех Зергеровских порождений, всех его друзей,
всех этих Взмокиных с балалайками и без! Пусть обитаемый

Космос ненавидит Зергера. Для этого нужно во все Миры вбрасывать *соответствующую* информацию, проводить работу с населением и направлять его сознание *соответствующим* образом.

- Понятно. Надо ли для этого использовать технологию блокировки материи, так называемый «колпак»?

- Нет. Это слишком долго.

- Мудрено будет – сказал Воблид первой головой, – ведь кроме техники «колпака» я не знаю реальных способов, как проникнуть в головы. Если б они были виртуальные... но они же все настоящие, народы и миры эти?

- Настоящие. В том-то и дело, милый Воблид: работать надо с настоящими Мирами, но не очень навязчиво.

- Это как?

- Действовать силой убеждения. Убеждение лучше силы. В данном случае.

- Говоря короче, Воблид, Маливоргем! Общая схема такова: действуем на всех подряд. Раздаем им наши взгляды. Согласных – привлечь, несогласных – уничтожить. Это общий принцип. А поможет нам – вот этот приборчик. По нему я сразу могу среагировать на происходящее, по нему можно передавать информацию.

Навербуйте пока 100 Миров, а там поглядим. Может быть, этого количества уже хватит для того, чтобы обратить Зергерovy фантазии в пепел. И увидев это, он станет страдать... пока совсем не кончится.

- Это будет прекрасно! – Маливоргем уже ощущал вкус власти. – Начинаем сейчас же?

- Да, медлить незачем.

- Тогда я пошел накачиваться мощью. Заодно можно подготовить боевой корабль для Воблида.

- Раскочегарь, пожалуйста, тот, с треугольным профилем – попросил Воблид – мне не нравятся тарелки. И возьми побольше ракет, они надежнее.

Маливоргем, малый стремительный Змей, исчез.

- Не берусь хвастаться – сказал Воблид 2, 3 и 16-й головой – но со всеми несогласными я разделаюсь подобно вихрю. Пусть все знают величие наших целей!

- Слушай, Воблид. – Вор-Юн-Гак понизил голос. – Есть еще одно. Вероятность этого. Крайне низка. Но. Если вы вдруг встретите этого. Фантазера. Я имею в виду Зергера, чтоб он пропал. То постарайся воткнуть в него эту штуку.

В руки Воблида упал небольшой вытянутый предмет, напоминающий кинжал. Его лезвие было закрыто створками. Когда Воблид стал их раздвигать, изнутри брызнула полупрозрачная субстанция, от которой сознание потемнело.

Воблид выронил кинжал и субстанция исчезла.

- Осторожно. В нем скрыт большой запас антиэнергии.

Воблид кулаком стукнул по всем своим головам, кроме первой, негнушимися пальцами поднял жуткий предмет – в закрытом виде он казался просто холодным – и сунул сквозь броню под майку.

- А это точно его уничтожит?

- Какое там! Точно не уничтожит. Здесь слишком мало силы. Сей предмет не уничтожит Зергера, но... испортит его. Ибо в нем заключена часть того существа, что обречено вечно скитаться по Вселенной в поисках несовершенства... Это часть Гирза-Мары! Любопытно будет посмотреть, как ее бессмертная сущность повредит мечтательскую голову!

- А, понимаю! Это вроде той тригняды, которую ты внедрил в Мир...

- Ладно, не болтай зря. Внедрил и внедрил⁴. Эта вещь не тригняда, она есть нечто иное. Воткни и все. Хотя, конечно, нельзя исключить, что Зергер сейчас отдыхает в Мире Возмокина и глядит на мой (!) Цветок.

⁴ см. повесть «ДОБРЕГОЛЯД устоит»

- Слушай, а почему бы нам просто не разнести тот Мир вдребезги? Уничтожить, и все дела.

Глаза Вор-Юн-Гака побелели.

- Скажи, Воблид, я что, похож на идиота?

- Вовсе нет. Наоборот, ты похож на гения!

- Тогда все понятно?

- Ага, понятно – закивал Воблид всем головами, хотя он решительно ничего не понял.

- Тогда, приятель, иди к своему металлическому аппарату, я надеюсь, все трещины в нем заделаны.

«Трещины! Что за чепуха».

Подготовка прошла основательно. Маливоргем и Воблид

накачались до отказа особой энергией Змея.

- Энергия – говорил Хитрый Змей, – бесконечна и неиссякаема. Она летит с космическим ветром, она рождается со светом звезд, она выбрасывается после конца! Взять ее и не давать никому – вот задача, о которой всегда стоит помнить. Кто еще во Вселенной лучше нас? Ничтов – полон формализма. Он не умеет мыслить по-настоящему. Другие владыки? – я смеюсь над ними. А пространство и физические объекты не способны противостоять истинному разуму. Им обладаем мы. Разум сокрушит все! Пусть будет так.

- Да! Именно так! – вскричал Маливоргем. Он задрожал, обратился в луч и через мгновение был уже за пределами. Маливоргем неся вперёд; в нем играла и переливалась ворюн-гаковская хитрость.

Следом, покачиваясь, летел огромный корабль с треугольным сечением. Им управляли 13 существ с разным строением тела и одинаковыми мордами; иногда они ошибались, однако корабль держался курса. В далекие, невидимые еще миры он нес ракеты, бомбы, огнеметы, и массу прочего материала, полезного на войне.

- И все-таки, почему нельзя взорвать? – думал Воблид – Что там такого?

...

Программист Айдим работал и смотрел в монитор лишь одним глазом, а другим он анализировал события, мелькающие на голографическом миниэкране, который висел перед

монитором; Айдим мог мысленно перемещать миниэкран, а также приближать наиболее интересные элементы. Мини-экран способен показать от 1 до 16 различных окон с независимым вещанием. В них опытные программисты обычно просматривают информационные базы данных библиотек, архивов и прочих источников, могут посмотреть фильм (помня о недопущении погрешностей) или фото. Часть окон связана с постоянными камерами наблюдения.

Айдим заметил, как у входа в их здание появился странный клубок, весь растрепанный и взъерошенный. Он представлял разительный контраст со всеми остальными объектами. Клубок вздрогнул, развернулся, из него вылезли четыре лапы и хвост. Существо подбежало к стеклянной двери, поскреблось, постучало – дверь не открылась: ее сенсоры рассчитаны лишь на разумных лиц. Тогда зверек вздохнул, сделал очень смешную гримасу и стал ждать – не сидя или лежа, а стоя на двух лапах.

- Это зверь из зоопарка. Любопытный. По-видимому, дрессированный, поскольку прямохождение у таких существ изначально не развито.

Зверек тем временем чесал передними лапами носик, подпрыгивал, высовывал язык.

– Да, очень любопытный.

Стеклянная дверь открылась и существо пулей влетело внутрь. Несмотря на дикий вид, оно прекрасно разбиралось в принципе действия лифтов и подъемных платформ, и хотя

кнопки располагались очень высоко и тоже блокировались, ему все же удавалось перемещаться в нужном направлении. Зверек хотел попасть наверх.

Между тем Айдим программировал и не переставал следить за тем, как это делает Айме за столом впереди. Ему очень нравилась та математическая четкость и плавность, с которой Айме нажимает на кнопки. Руки у Айме длинные, но очень грациозные, как стебли юных деревьев, а на самых ладонях они покрыты блестящим черным материалом на манер перчаток. Благодаря этому пальцы Айме, и без того тонкие, казались еще тоньше, а ладони напоминали изящные эллипсы.

- Вы что-то хотели сказать, коллега Айдим?

- Да, Ваш талант написания программ на основе логарифмических функций меня просто восхищает.

- Большое спасибо! – сказала Айме, не поворачиваясь. Она работала очень усердно.

Айдим тоже действовал.

В назначенное время в комнату въехал автомат-утилизатор бумаг. На нем, поеживаясь и сползая, сидело то самое существо (это был Гониденек). Он соскочил, сразу полез под стол – его было хорошо видно, в том числе и на экранах камер, но никто не возмущился. Все – и программисты, и роботы – были очень заняты.

Гониденек успокоился и стал рыскать по комнате.

Айдим сказал:

- Коллега, скажите, а Вы не хотели бы приобрести еще одну новую квартиру – в районе Н208, где только что возвели колонные здания с оригинальным каркасом? Там прекрасный микроклимат, а также вид из окон.

Айме повернула хорошенькую круглую голову:

- Да, мне очень нравятся такие дома... но признаться, хотелось бы скорее приобрести дополнительную площадь рядом с рекреационной зоной. Ее вид меня вдохновляет гораздо больше, нежели вид проспектов с летящим транспортом.

- А вы не хотели бы написать программу из раздела А2-3678925170-2?

- Еще бы! Это моя давняя задумка. Правда, у меня не хватает опыта... но вообще я очень хотела бы писать такие программы, и не только вида раздела А2-3678925170-2, но и А2-3678925170-3, и А2-3678925170-4, и даже А3-7000005050, хотя это уже дерзость. Для этого надо сперва стать ведущим программистом.

- Да, я знаю эти программы очень сложны – сказал Айдим, – и все оттого, что они имитируют работу мозга, как например программы типа А2-53322...

Айдим и Айме по очереди перечисляли коды и принципы программ и были очень довольны разговором.

Гониденек между тем залез на самую верхнюю полку, где хранились ящики с готовыми образцами продукции. Один ящик, кажется, не закрыли; Гониденек схватился за него, но ящик словно примерз. Или его зажало. Из всех сил Гони-

денек и толкал и пыхтел, но ящик едва шевелился. Тогда он передними лапами схватился за самый край ящика, повис в воздухе и стал раскачиваться. Раскачивался, раскачивался – ящик стал понемногу выезжать. Раскачивался, раскачивался – ящик вылез наполовину.

«Поехали!» радостно подумал Гониденек. Со всего размах он ударил по стене, оттолкнулся – и тут ящик выскользнул и полетел с Гониденеком вниз. Гониденек не ушибся (пол был такой же гибкий, что и покрытие на улице), однако на всякий случай спрятался. Но поскольку шума не было, а весь беспорядок устраняют автоматы, то программисты не обратили на него никакого внимания.

- В научно-образовательном центре №129 – говорил Айдим – проводится демонстрация когнитивных и общих свойств животных, живущих в воде. Утверждается, что их сознание потенциально позволяет им даже осуществлять примитивные виды трудовой деятельности Любопытно, как это возможно, ведь их тела настолько высоко специализированы, что не имеют даже ладоней. Вряд ли они могут двигать предметами на расстоянии. Это же дикая природа. Но все равно занято.

- Да, занято – согласилась Айме. – Я давно хотела посмотреть на тех созданий, но одной идти как-то неинтересно, лучше с кем-то.

- Так пойдемте вместе! – предложил Айдим.

- Да нет, я имела в виду не Вас, а вообще.

Гониденек, чувствуя, что он пока свободен, опрометью бросился к ящику и стал его ворошить. В ящике были бумаги, диски, электронные данные. При нажатии на них возникали искусственные кристаллы, очень красивые. Но это были лишь голограммы.

- Так это у них не алмазы! Это у них... информация об алмазах! Тьфу ты, дьявол! – Гониденек умел ругаться на многих языках – Это что же, это как же... А чего они тогда пишут по базам... Конечно, я мог ошибиться и не так прочесть, тем более что язык их я совсем... Здесь одни изображения и ничего более. Камушков нет. Жа-а-а-а-лко!

От огорчения он наподдал по ящику. Диски и кассеты рассыпались; в ящике загорелся красный индикатор, возникло легкое дуновение. Гониденек с удивлением смотрел, как выпавшие материалы сами собой возвращаются внутрь, а когда они уложились, ящик захлопнулся и взлетел на прежнее место.

Гониденек чуть языком не подавился – произошедшая картина поразила его гораздо больше, чем все грандиозные структуры Мира Программистов. Вжавшись в пол, он пополз хвостом вперед, мечтая лишь, о том, как бы удрать незамеченным. Выход через дверь закрыт; но зато есть окно!

Недолго думая, Гониденек подлетел к окну, перемахнул одной ногой – другая осталась внутри, и очень хорошо, что осталась: до земли было этажей 200. Карнизов не было; у стены был идеально гладкий профиль, без малейшего наме-

ка на неровность. Гониденека перекосило; в стороне от окна виднелась небольшая тяга, покрытая рельефной мозаикой. Тяги шли по всей высоте зданий.

Гониденек зажмурился, вскочил на подоконник, и прыгнул – наружу и вбок.

Мокрый нос уткнулся в рельефный рисунок тяги, пальцы свело – Гониденека прижало к стене.

- Кош. Ма-а-а, а-а, а-а, а-р-р! Угораздило меня! – сказал Гониденек.

Смотреть вниз он боялся, поэтому пополз вверх. Рельеф был достаточно контрастным и карабкаться было несложно. Гониденек поднимался два или три часа; за это время он успел целиком промокнуть и невесть сколько раз помянуть своих родственников, на самых разных языках. Наконец, он долез до верха; на крыше был небольшой бордюр, а за ним – огромные блестящие пластины, собранные в группы.

- Световые батареи! – догадался Гониденек. – Наступишь, и вмиг испечешься. Я лучше по краю, по краешку...

Гониденек бежал по крышам зданий и по тонким проводам, их соединявшим. Он умел бегать даже по самым тонким поверхностям. Он выглядывал лифт или иной безопасный спуск – лифтов не было; наконец он увидел, как неподалеку несется скоростной транспорт. Гониденек еще раз зажмурился и прыгнул.

Он попал точно на крышу поезда, однако скорость была такова, что Гониденека вихрем понесло назад. У самого кон-

да он сумел ухватиться за крошечную антенну.

В ушах свистел ветер.

- Прощай, мое призвание, совсем, совсем прощай, напрасны все старания, наследство завещаю... .

Поезд круто повернул – Гониденека тряхнуло, и он полетел прочь. Но это случилось уже рядом с землей.

- Ах, как я ушибился... ошибился... С такими кристаллами можно легко поймать любой из известных типов энергии, чтоб потом ею повелевать. Но мне их не дадут... ох, какая жалость, что никто нас не любит... Ну ничего. Я здесь на правах дикого зверя, которого любят все. Погуляю, поиграю, а там Ведя обещал за мной прилететь. У него новый аппарат – не то, что тот, деревянный.

Тут Гониденек вспомнил, что Ведя Взмокин посадил его совсем в другом Мире, а сюда он попал с разными приключениями. Это как-то из головы вылетело.

- Ах я груша! Я же не сказал Веде, что поеду в этот Мир... да я сам тогда не подозревал, что поеду. Что же делать? Ладно. Буду жить здесь, пока меня заберут. Ну да. Ведя не может меня не забрать, он же мой товарищ...

Гониденеку часто приходилось попадать в тяжелые ситуации, но он верил, что Судьба не позволит ему пропасть бесследно, и что все, что он делает – правильно.

Далеко-далеко во Вселенной сверкает огнями Мир Программистов, его жители полны ума и сосредоточенности. И никакие выкрутасы Гониденека не мешают им заниматься

серьезным делом.

...

- Куда пойдём сначала? – спросил Воблид.

- В одно место. Тамошние народы всерьёз увлекаются армией и почти все готово для нашей цели. Надо лишь умело обработать правящие слои – обработать их умы, разумеется. В этом не должно быть сложности. Я займусь, а ты, приятель Воблид, оставайся в засаде, на чеку, чтобы в случае необходимости устранить кого надо. Но действуй скрытно, исключительно под маск-полем.

- Ясно!

- Демонстративность здесь ни чему. Местные очень увлекаются компьютерами; они думают, что нажатие кнопочек делает их прогрессивными. Но они не Программисты, они всего лишь – потребители. Уровень их мышления очень ограничен.

Этим стоит воспользоваться.

Маливоргем в виде светло-золотой стрелы вошел в нужную планету. Воблид остался на орбите – его корабль закрывало маскировочное поле, не доступное для планетной аппаратуры.

Обитаемая часть планеты состояла из множества государств; большинство из них не собралось воевать вообще – ни на своей, ни на чужой территории. Однако каждое государство из соображений безопасности старалось как можно больше усилить военную мощь, показать преимущество сво-

их армий перед остальными.

Основу армии везде составляла живая сила – солдаты. Ни у кого из правительств не было технологий по созданию даже простых автоматических существ, поэтому все резервы брались из населения, и довольно многие хотели стать солдатом, а еще лучше – офицером: военнослужащие получали огромное снабжения и почет, а взамен от них требовалось беспрекословно выполнять приказ. Приказ бежать, приказ молчать, приказ убить. Или умереть.

Однако всерьез воевали крайне редко. Поверхность планеты изрезана горными хребтами, между ними – плато и долины, где сосредоточена основная часть жителей. Хребты – сросшиеся клыки – огромны, и переходить через них, да еще большими силами, было невозможно. Авиация была мало-подъемной, транскосмических перелетов не знали. Флот мог драться в открытом море, но подойти с большим десантом мешала сильно изрезанная береговая полоса.

«Берега похожи на фрактальные завихрения, а материки – на корявую сеть. Жители никогда не договорятся. Их легко будет склонить».

Маливоргем тайно приземлился возле военной базы одного из государств покрупнее.

Большую часть времени солдат гоняли на учениях, подвергая бесконечным испытаниям и проверкам. Слабый рекрут никому не нужен.

Если ты настоящий солдат – докажи, что ты солдат.

Визг! – Сигнал к атаке!

Хватай оружие и беги! Будь готов, что спину ломит, экипировка испорчена, а в ботинках полно сажн. Это ничто. Главное – успеть!

Атакуй! Будь первым! Бей первым! Винтовку заклинило, нет патронов? – все равно бей! Солдат должен драться.

Рядом враг! Стрелять нельзя! Бей первым; бой должен длиться не более 1 мгновения и за это мгновение надо уложить врага. Зазеваешься – враг уложит тебя, или набегут его приятели. Не давай им опомниться – бей первым! Учись атаковать в толпе и в одиночку.

Враг повержен? Лети, скачи, ползи дальше. Остановишься – конец! Время вышло. В бою не бывает снисхождений; сухо стучат часы контроллера – прибора, будь он проклят! Он измеряет твою скорость, твой бег, твою ловкость.

Бенг! Время пошло. Бенг! Время вышло.

Ты не успел. Начинай снова. И так пока не уложишься в норму.

Через огромную полосу препятствий бежал солдат, высокий, с кривоватыми ногами. Он прыгал, отмахивался, полз, падал головой в глину. Лицо у него вытянутое и плоское, почти прямоугольное, покрыто желто-серой краской. Носа не видно, внизу торчит подбородок, наверху – глаза, забитые пылью. Посредине – рот; он перекошен, но сжат. Солдат старается.

Он перескочил через все ямы, преодолел шипы, валуны

и лестницы, два раза упал и получил вывих. Но контроллер молчит. Еще есть время.

В конце участка возникают враги - механические манекены. Парень растолкал их. Опорная точка!

«Испытание препятствием пройдено» – гудит контроллер.

Полоса продолжается.

Парень бежит по прямой дорожке. Никаких препятствий нет. Вдруг сзади – удар! Еще, еще удар! Обжигающий дождь сзади! По ногам хлещет розгами.

Это быют тренажеры – специально настроенные, чтоб бить прицельно. Ими управляет простая механическая тяга от ручного завода. Но его запас велик!

Парень бежит – он не может ни согнуться, ни даже остановиться, поскольку в подобном случае испытание сразу засчитывается как проваленное, и надо начинать снова. Снова бежать, ползти, отбиваться. А это и на первый раз очень непросто.

Парень бежит – удары сыпятся со всех сторон. Не смертельные, но жесткие. Парень терпит, но молчать уже нельзя, во рту появляется щель и из нее ползет писк.

- А-х-х-а-а-а-а.... у-г-г-е-е-е-...

В голове ничего нет. Только вязкая липкая масса. Глаза видят, но информацию солдат уже не воспринимает.

Нога касается опорной точки.

«Испытание болью пройдено».

Парня качает и трясет. Дальше... что дальше?

Парень уже ничего не соображает; он лишь помнит: надо зайти куда-то внутрь и там будет третья точка, последняя. Достигнув ее, уже не надо изнывать, торопиться и падать – испытание пройдено.

А что будет внутри – никто заранее не знал. Известно лишь, что там что-то показывают.

- Скорей, скорей! – подгоняет командир по рации.

Парень (скорее на ощупь) отыскал вход – ноги отказывались сгибаться, он втянул себя руками.

Что? Что?!...

Темный коридор, за ним – комната с экраном. Стены задрапированы черным, с экрана льется тусклый, но довольно мягкий свет, изображение размыто. Постепенно оно твердеет и можно видеть дома, деревья, горы. Этот вид успокаивал; парень стоял, чуть покачиваясь, и думал когда конец. После конца все испытания пройдены.

На месте пейзажа возникла клякса – словно из чернильницы вытекла; ее острые углы тянутся и ползут как живые. Края кляксы вибрируют. Постепенно из них выползают лезвия, зубы, рога. Парень смотрит, а на месте кляксы уже сложные геометрические фигуры – они вращаются, набирают объем... Парень смотрит и не понимает, его способности в математике очень слабы. Но внутри колотится чувство.

«Вот сейчас... Вот сейчас...»

- Ничего не будет? – прошептал парень. Он надеялся.

«Вот сейчас... Вот сейчас...»

ВОТ ОНО – отвратительный бледный монстр с коровьей мордой, в стальных доспехах. Рога на голове, на руках, повсюду. С них течет смола.

Солдата затрясло от ужаса.

Рога поворачиваются на парня и стреляют. Огонь!

Парень зажал лицо руками – он не мог этого видеть.

Но надо! Надо смотреть!

Открыл.

Из пасти монстра ползут щупальца и Смерть. Конец.

Парень упал на колени, хватался за голову – в ней вертелись обрывки мыслей, идей, воспоминаний, всего того, о чем он когда то думал; все сталкивалось и рассыпалось. Это конец, качало парня, это конец...

Демон взглянул на него и исчез.

Зажегся свет.

«Испытание страхом не пройдено! Испытание страхом не пройдено!» – гудит контроллер.

- Неверно – процедил сквозь зубы командир. – Неверно. Испытание страхом... провалено! Провалено как... Ладно бы просто испугался. Нет – ты... развалился!! Развалился как барахло, как нюх паршивый! Ты – труха! С тобой нельзя пойти в бой! Увидишь танк и обо...

- Господин диганг, но ведь это же был не танк!... Это было нечто... ужасное! – бормотал парень с пола.

- А ты думал, на войне весело будет! Болван! Труха ты, труха, и ничего более. С виду здоровый, бежать можешь, а

внутри...

- Ладно, – произнес другой командир, старший диганг – Это еще не конец. Есть еще одна попытка. Вероятно, она будет счастливой. Это уж как карта ляжет. Сворачивайтесь, господин диганг.

- Слушаюсь! – командир щелкнул шпорами. Потом медленно наклонился к парню.

- Слушай, грибок. Думай сам и решай. Гонять тебя я не буду. У меня и без того полно салаг, чтоб еще заниматься таким... взрослым охламоном. Сколько лет ты на службе? А? Вот видишь – за такой срок уж пора бы научиться контролировать себя. Значит так. Всего есть три попытки. Две из них ты провалил. Остается третья. Иди и подумай, как не трусить!! Как бороться со страхом!! Тренируй свой мозг. Если провалишься в третий раз, тебя вышибут вообще или предложат идти в полумойки. Но полумойки ты не хочешь, ты слишком гордый. Значит – вышибут просто так, и всем начхать, что ты застрелил пятерых врагов на границе... Военных уважают настоящих, а не бывших. Так что, иди и хорошенько подготовь свои глазки. Понял?

Парень сидел на полу, дрожа.

Диганг – невысокий, но очень плотный, почти квадратный – схватил парня за шиворот и выволок наружу.

- Проветрись!

Парень просидел довольно долго, прежде чем стал что-либо соображать. Слова командира казались ему вроде тех

клякс, которые он видел – жуткие и непонятные. Он еле встал, посмотрел куда-то невидящим взором – кругом рябь, и даже небо какое-то рябое. Смеркалось.

Парень побрел в лагерь.

«Испытание страхом» входило в обязательную программу подготовки как молодых новобранцев, так и более опытных солдат. К ней, как и прочим контрольным точкам, готовились постоянно. Тотальная проверка проходила сначала раз в год, потом раз – в полгода; это делалось затем, чтоб долго служащие «старички» не теряли боевой формы.

- Что – не прошел «страшную комнату»? – спросил парня знакомый капрал. – Я слышал, как диганг разорвался. Спрятался, обдулся! Эх ты! А как ты на врага пойдешь?

- Таких врагов не бывает. – прогудел парень уныло. – Не бывает, чтоб корова ходила в железных латах, а рога ее стреляли...

- Откуда же ты знаешь лицо врага? Оно может быть любым, враг способен надеть любую маску. Что же тогда – ногами кверху болтать? Дело не в образе, а в нутре. Коли нутро боится, то и все. Пропал!

«Будь прокляты биосенсоры» – бубнил парень, яростно сдирая с себя тонкие нити проводов, – «все мешают, ничего не пропускают. Вычисляют, кто боится!!!»

Он бы с наслаждением порвал разорвать провода, но они строго подотчетны. За порчу имущества полагается карцер.

На следующий день командиры опять гоняли новобран-

цев, «старички» готовились сами.

Длинный парень с прямоугольным лицом сидел под вяжом и пытался одной рукой сделать курительную самокрутку. Другой рукой, вернее двумя пальцами – большим и указательным – он тер глаза. В его народе на руках у всех было по 4 пальца, но только два из них достаточно длинны, чтоб ими работать. Остальные два были редуцированы. В них не держалось ничего, даже папиросы.

Командиры говорили, что двух пальцев вполне достаточно.

Парень выдумывал план.

- Вот бы мне кто-нибудь помог... Волшебство или колдовство там какое! Вот бы наколдовать и все... и не дергаться... Эх!

До третьей попытки было больше недели. Однако никаких идей не намечалось.

Монстра с рогами рисовала специальная графическая утилита, проецирующая свои рисунки на экран. Ее создали для проверки солдатской отваги; как и здешние компьютеры, она довольно проста, но крайне засекречена. Все тренировочные программы писались по заказу правительства и министерства обороны и в свободную продажу совершенно не поступали.

Для того, чтобы тренироваться заранее, нужен друг или хотя бы знакомый в штабе. Таких не предвиделось.

Подсмотреть во время испытания других тоже не полу-

чится – «страшная комната» стоит на открытом месте, туда не подползешь скрытно. К тому же, снаружи ничего не видно.

А рассказы других – разве это тренировка?

Парень купил поддельную версию на толкучке. От исходной ее отличало разве что низкое качество звука и регулярные сбои в демонстрации быстрых кадров. Остальное было в норме. Программа рисовала все формы чудовищ, которые возникали в «страшной комнате». Производством таких программ подрабатывали бывшие офицеры-техники, обслуживавшие цифровую аппаратуру штабов; все они давали подписку о неразглашении, но никто из тех, кто продавал поддельные версии, не считал, что он что-то разглашает. Что секретного в тех картинах? – любой ум может придумать чудовищ не хуже. Секрет касается государственной безопасности, а тут... просто чепуха!

Парень повертел дискету – решил, что разберется сам.

Первой же ночью он пролез в компьютерное отделение, располагавшееся глубоко в подвале армейского корпуса. Под землей сосредоточено огромное количество служб, склады, вычислительные, комнаты, тренажерные. Правда, большая часть из них стоит без дела, поскольку подвал очень велик и крайне запутан. Старослужащие утверждали, что в дальние комнаты ведет, по меньшей мере, дюжина разных путей, которые совершенно не пересекаются. Весь подвал окутан сумерками: нормальное освещение включается только когда

есть приказ, а в остальное время на двадцать шагов горит одна тощая диодная спичка. Не заблудиться в темноте можно лишь, если знать особые пометки на стенах – трещины и выпуклости.

Парень служил достаточно долго; он знал, что до нужной комнаты его доведет треугольная иззубрина чуть выше плеча. Идти надо именно ночью, поскольку пользование компьютерами запрещено для не-офицеров. Самовольное проникновение в подвал, в общем-то, также запрещено, но кто поймает опытного солдата?

Парень нащупал иззубрины – точно, треугольные. Он пошел, держась за стену. В полумраке коридоров все было глухо, размыто, и довольно-таки жутковато; парень шел, спотыкаясь, и всякий раз судорожно хватался за стену, чтоб не потерять ориентиры. Иззубрины он находил; расположенные через 2-3 шага, маленькие треугольные вмятины тянули его дальше, вглубь, в секретные участки. Здесь тоже можно тренироваться страхом, подумал парень; очень не хотелось кого-то случайно встретить – например, запоздалого офицерского специалиста или других долгослужащих, таких же изобретательных. Парню необходима полная тайна.

Потребовалось не меньше часа, чтоб пробраться в нужное отделение. Оно закрыто, но запор – не преграда для храброго воина. Вот и нужный прибор.

Компьютер состоял из множества блоков; в каждом блоке было не меньше трех пудов. На панелях – пирамиды из

пыли; в назначенные дни новобранцы обязаны регулярно ее протирать, однако пыль всякий раз возвращается. Ее рождает сам воздух.

Парень сел, нажал на пуск, попутно вспоминая какие блоки нужны ему для работы, а какие не очень. Он довольно плохо разбирался в подобных устройствах, но нажимать на кнопки умел.

На экране возник вопрос: «Запустить?»

- Да! – парень стукнул по столу.

Раздался скрежет – мерзкий лязгающий звук!

Парень испугался: вдруг компьютер испорчен и невыносимым хрипом своим призывает начальство вмешаться? Он стал барабанить по блокам – скрежет шел все время, грозя разбудить весь корпус. Поддельная версия имела отвратительный звук – она трещала до тех пор, пока парень не догадался выключить динамики.

Треск пропал, и тишина выползла из-под блоков; можно было тренироваться.

На экране возник первый монстр – с хоботом. Парень не испугался. За ним возник следующий – с клювом: этот уже жутковат. А на третьего парень не смог взглянуть.

- Ужас. Ужас. Ну-ка, еще раз.

Парень нажал на перезапуск. Первый монстр, второй – уже не страшно, третий – парень зажмурился, подергал короткие сегментированные волосы на макушке, посмотрел опять. Снова – первый, второй, третий, четвертый... Сно-

ва первый, второй... Он пересматривал все изображения чудищ подряд, начиная с самого первого кадра, и так пока чудище на последнем кадре не перестанет вызывать дрожь. Тогда он переходил к следующему кадру. После 20-го стало легче; после с 30-го все нарисованные образы уже не казались ему сколько-нибудь пугающими. Парень решил, что можно и кончить бы, но решил еще капельку потренироваться. Он же очень храбрый.

Вот перед ним возник серебристый Змей с золотыми горящими глазами. Сам образ не казался страшным, но глаза пронзали насквозь. Из них вылетали лучи, колкие и леденящие.

Парень отъехал назад и отдышался.

-Так. Так. Ничего. Это действует на мозг. Не надо смотреть. Нет – надо! Так. Так. Вот и ничего. Не страшно.

Он нажал на перемещение. Картинка осталась. Надавил – опять осталась. Постучал по другим клавишам. Ничего. Компьютер не реагировал. Завис, подумал парень, и с раздражением посмотрел в центр экрана.

Змей повернул голову и сказал:

- Ну. Чего уставился?

Динамик отключен. Отключен. Но он слышит голос:

- Привет. Есть ли тут еще кто? Нет никого. Прекрасно.

Парень обмер; руки оцепенели и не слушались. Назад, шептал разум, назад. Парень отползал, а на него, со стороны экрана двигался Змей, с золотыми горящими глазами. С

каждым мгновением голова его увеличивалась – еще мгновение назад она была размером с треть экрана, и вот она уже в три четверти экрана, и вот уже загородила экран собой; она растет, растет. Змей не выдвигался сам, и росла только голова. Змей был спокоен, но это пугало еще больше. Парня всего сдавило изнутри.

Змей заговорил:

- Не бойся! Грибок. Я не собираюсь причинить тебе боли. Будь благоразумен, и все пойдет отлично. Не смей орать! Дернешься – конец. Грибок. Так вас, кажется, называют господа командиры?

Змей говорил, и каждое его слово гирей ударяло в сознание.

- Слушай. Я знаю о твоём желании. О том, ради чего ты запустил эту примитивную демонстрацию. Грибок. Ты получишь это. Я сделаю так, что все картинки, которые ты увидишь, не принесут тебе ни малейшего волнения. Забудь про страх. Грибок. Я тебя освобожу и от других испытаний, но. Ты должен. Сделать кое-что. Возьми-ка вот эту вещь – из туловища Змея вылетел крошечный камень – и отнеси ее. К дому местного руководства. Не трепись. Если скажешь о нем хоть слово – тогда конец. Полный. Не делай глупостей. Грибок. Помни, что я сказал. А захочешь говорить, даже думать обо МНЕ – уничтожу. Первая же мысль станет последней. Понял. Грибок? Иди и сделай. Ты ведь сделаешь?

Парень поклялся.

В камне был крошечный кибернетический аппарат, позволявший управлять чужим сознанием. Так задумал Вор-Юн-Гак.

...Во время третьей попытки парень не заметил, как вихрем прошел все, а на экран смотрел будто в ведро с водой. Ни один мускул не дернулся. За это ему пообещали чин капрала...

- Посмотри, приятель, Воблид, чьим сознанием мы теперь обладаем!

Воблид взял распечатку.

- Заместитель начальника разведслужбы при штабе полка Три-тор-пар. Первый секретарь тайной службы 137-й колонны Квыщжур-ээ... Имена какие дурацкие. Командир специальной группы... быстрого реагирования при Ве-Не-Сеском губернаторстве... и все в таком же стиле. Жалкие мелкие чиновники. Но зачем они нам, Маливоргем? Что может какой-то секретарь чего-то там первого? Это не монарх, не президент, вообще не лицо высшей власти.

- Да, конечно. Малый чин почти ничего не может. Но он общается с другими малыми чинами, и со средними – тоже; средние уже имеют доступ к высоким, а высокие – к высшим. Но умы у них у всех одинаково примитивны. С помощью наших технологий мы очень скоро овладеем сознанием руководителей тайных служб – во всех их государствах.

- А дальше?

Змей изогнулся в восхищении:

- Ни одно из правительств – на данном уровне развития – не способно обойтись без тайных и других специальных служб. Они как могучие рабы при богатом слабом хозяине. Они ему целиком подчиняются, но без *них он* ничтожен. Его скovyрнет любой соперник, если слуг не станет. Или если они взбунтуются.

Понимаешь, Воблид. Тайные службы знают тончайшие ходы ко всем структурами, ко всем группам, к личности каждой. Они могут воздействовать на всю реальную власть – совершенно незаметно. Хотя внешне они полностью подчинены

Очень скоро все разведки здешних стран будут полны МОИХ интересов.

По всей планете пошла волна воздействия. Ничтожно маленький аппарат – всего несколько сот молекул – движимый страшной энергией Маливоргема через чиновников, заместителей и секретарей проник в сознание высшего руководства. Маливоргем не ошибся – их умы не могли ни изгнать, ни даже ослабить влияние этого крошечного и всесильного устройства, для разработки которого требуются сотни тысяч лет. Перед ним не устоит ни одна средняя цивилизация.

- Будь готов, Воблид. Я ощущаю смятение и трусость в их умах. Это неудивительно – далеко не все могут вместить идеи Великого Вор-Юн-Гака. Устраняй колеблющихся.

В одного из горных княжеств чиновник – связанный со шпионажем – внезапно стал бормотать нечто дикое о драко-

нах. Он говорил, что «дракон велит ему кормить огонь».

Маливоргем это заметил. Через 5 минут чиновник исчез и никто его больше не видел. Также было и с другими болтунами. Важный агент спокойно гулял по улицам, а оставшись один, рухнул замертво; его проткнуло!

«Лег барин спать с головой, а проснулся без головы» – сатирическая сказка, придуманная здесь в старину, теперь стала жуткой обыденностью.

Спецслужбы были в растерянности, правительства – в панике.

- Не делайте глупостей – сказал Маливоргем.

На секретнейшей подводной лодке собрались представители разведок разных стран, с целью обмена информацией странных событиях. Едва заседание началось, раздался взрыв. Уцелевших, равно как и саму лодку, не нашли.

- Я сказал. Не делайте глупостей. Разве так сложно. Помолчать?

Все разведки – а через них и правительства – оказались под властью Вор-Юн-Гаковской пропаганды.

Маливоргем (оставаясь невидимым) передал всем разведкам фото с размытым изображением Зергера.

- Убивайте всех таких, как он, и похожих на него. Безо всяких сомнений. Делайте так, и все будет прекрасно.

(Пусть еще свезут побольше платины, потребовал Воблид, куда-нибудь в пустое место. Моим сущностям следует упрочниться).

- Кажется, в этом мире достаточно – сказал Маливоргем.
– Сообщим о наших успехах великому Вор-Юн-Гаку.

Депеша умчалась в космос. Через секунду возник ответ:
«Превосходно. Победили практически без усилий. Зойто-мара. Действуйте дальше»

Много в космосе обитаемых Миров и повсюду Вор-Юн-Гак хотел нести свою пропаганду.

«Средние (среднеразвитые) цивилизации покорятся. Некоторые, вероятно, окажут строптивость, но для них есть нечто убедительное. Мор. Мор. Мор – изгонит несогласных, а новые будут – если они будут – посговорчивей».

Так рассуждал Маливоргем, малый стремительный Змей; он опутывал Вселенную невидимой сеткой моментальной связи.

На отсталых планетах дело шло еще проще. Спустившись с небес, Маливоргем объявлял себя богом. Его облик и тринадцать голов Воблида избавляли вождей от всех сомнений. Они прыгали, орали, катались по земле. Они были готовы отдать все «великому величателью».

Вор-Юн-Гак велел в каждом Мире собирать наиболее талантливых детей, а потом заключать их в невидимое пространство с помощью «колпака». Их умы по возвращению Змей желал переделать в собственных интересах. Ему нужны были умные слуги – старые давно наскучили и изнасились.

Змей захотел новых умников... а потом подумал, и стал

мыслить иначе. Несколько в иной плоскости...

А Маливоргем и Воблид при деле!

На планете, полной чудес и таинств, стоял замок князя, и пробраться к нему по земле не мог никто. В замке шел веселый пир – с песнями, плясками, фейерверками.

За огромным столом сидели 13 голов Воблида. Каждая голова поглощала то, что ей нравится.

Биологические сущности истребляли яства, глотая по целому барану за раз; физическая сущность пила ртуть, ледяная – воду с избытком дейтерия. Огненная голова требовала нефти, но о ней здесь никто и не слыхивал.

- Да я вас сожгу!!! – кричал Воблид огненной головой. – Пни безмозглые!!! Остолопы! Такой мелочи достать не можете!! Зараза!!

Все кто был в замке, тряслись от грохота и страха; хозяин – высокий и толстенький князь, с шишечкой на лбу – уговаривал Воблида не сердиться и ласково предлагал взять золотом.

Золото Воблид брал, но не успокаивался.

Хозяин хлопал в ладоши и пляски с музыкой возобновлялись.

На самом почетном месте, в центре стола, сидел Маливоргем и, подперев рукой голову (он принял форму с руками и ногами) пристально следил за всем происходящим. Он не ел, не пил, ничего в себя не втягивал, словно боялся подвоха; молчал.

Пир длился день и ночь, и еще один день, и еще вечер. Маливоргем наконец заговорил.

- Вы. Нас. Обрадовали. Ваше гостеприимство похвально.

Вот не знаю только, жечь вас или нет. Но.

- Да жечь, конечно – еле ворочая языком, произнесла огненная голова Воблида. Она доверху накачалась чем-то одуряющим. – Чего тут думать. Т-а-а-аких пеньков не жалко.

- Но. Есть один способ. Оставить вас целехонькими. Дайте-ка нам своих ребятишек – штук 500 – из числа наиболее талантливых, и тогда все будет прекрасно. Мир ваш останется в целостности, а детишки ваши будут приобщены к великой силе и благодати.

Под великой силой Маливоргем подразумевал безграничную ярость Вор-Юн-Гака.

- Ну что. Дадите. Или как?

По всему залу прошел ропот – такой, что стены задрожали. Воблид встал из-за стола – в его руках вдруг возникли пулеметы, ракетницы и гигантские меч-пилы. Все затихли – даже ветер за окном пропал. В абсолютной тишине Маливоргем рассматривал лица обитателей мира, и они ему казались не выше каких-нибудь червей.

Хозяин замка заговорил.

- Господа! Не в силах наш народ вам перечить. Ваша благодать, пришедшая с неба, знает все лучше нас, несчастных. Но уж пусть тогда хозяйка отберет.

Рядом, словно из-под пола, выросла маленькая круглень-

кая особа – хозяйка замка. Воблиду она напостила одну из деревенских бабулек. Хозяйка ахнула, завертелась юлой, а потом пропала – вместо нее возник лишь столб искр.

А сама она уже стоит перед Маливоргем

- Для дорогих гостей, пришедших с неба, мы дадим самое лучшее! Лучших ребятишек найдем – самых смелых, самых красивых. Только вот не знаю, дорогие боги, а не слишком ли они для вас хороши? Может, чего попроще надо?

- Это как это. Слишком хороши? Они что же, лучше нас?! – закричал Маливоргем.

- Может и лучше – хозяйка снова закружилась.

Маливоргем захотел ее прикончить – а ее уж нет. Только искры цветные висят гирляндами.

- Покажите! – сказал Маливоргем дурным голосом.

Из колонн, покрытой мрамором, вышел парень – внешне такой же, как и все здешние жители, разве что наряд его был из углеродных композитов. Маливоргем не придавал этому значения.

Хозяин объявил:

-Этот парень – самый крепкий. Никто еще не смог его победить, никто не смог с места сдвинуть. Кто с ним не сразится, всяк отступит. Рука у парня тяжелая; раз ударит – век собрать не могут.

«Эге?» – подумал Маливоргем. Он послал запрос Вор-Юн-Гаку. По стремительной связи пришел ответ:

«Вранье. Таких не бывает. Вспомни хотя бы Бырчу. Пус-

кай Воблид развлечется»

- Воблид, разнеси-ка этого филистера – неслышно сказал Маливоргем.

- Ла-адно! – из-за стола прыгнула ловкая, волновидная голова, порождающая ветер. Все ее тело состояло из упорядоченных завихрений; они поглощали любое колебания. Зато ветер был страшен.

Волновидная голова Воблида выхватила свой «шумобой» – не то плетку, не то хвост:

- Щелдык!!!

Гиперзвуковая волна ударили в парня. Во все стороны понесся жуткий свист, стон, скрежет. Ломались столы, крошились стекла, стены пошли трещинами, а некоторые даже рухнули.

Парень стоял. Он подошел к сущности Воблида и слегка толкнул ее.

Воблид не понял, как его волновидная голова перестала держаться на ногах и полетела назад. Это противоречило физическим законам. Однако ее несло! – несло назад – сквозь комнаты и перегородки.

Волновидная голова Воблида остановилась лишь после удара о дальнюю стену. С превеликим трудом она поднялась.

- Кажется, в моем уме что-то треснуло...

- Ах ты...!!! – разозлился Воблид. Он схватил гранатомет с явным намерением стрелять. Маливоргем его остановил.

- Погоди. Здесь какой-то подвох. Или гадость.

Вслух он сказал.

- Этого. Вы. Так уж и быть. Оставьте себе. А еще кто имеется?

Возник мальчик с всклокоченным чубом. Хозяин говорит:

- Это Гоник-непоседа. Ни минуты на месте посидеть не может, все бегает. Как бежит не слышно, где бежит – не видно. Быстрее нет никого. Даже свет обгоняет.

«Ну уж тут вы врете», подумал Маливоргем. «Без специальной аппаратуры превзойти скорость света нельзя. Доказано наукой».

- Ладно. Пробежим вокруг земли! Кстати, если вы соврали, то он может не вернуться.

Маливоргем глянул на мальчика – а тот уж на горизонте. Маливоргем дернулся, и понесся, понесся с огромной скоростью, раскаляя воздух, но вопреки всей своей космической мощи он не мог приблизиться. Не мог подойти к Гоннику.

Летит, летит Маливоргем, подгоняемый злобой – Гоник все равно впереди. Маливоргем промчал четверть – Гоник половину, Маливоргем промчал треть – Гоник два трети. Он недостижим.

Гоник и Маливоргем пропали и тут же появились. Для всех наблюдателей они возникли одновременно, но Маливоргем знал, что Гоник его обошел. Неведомая сила работала так, что мальчуган держался впереди того, кто его догоняет. Преследователь сам выталкивал Гоника вперед, и чем

резвей был он сам, тем быстрее двигался Гоник. Маливоргем этого не знал.

«Зойтомарово отродье!!! Не понимаю!» – передал он Вор-Юн-Гаку.

«Попробуй счет».

- Какой счет?! – Маливоргем позабыл про скрытность и заговорил вслух. – Ах счет... Да. Цифры знать полезно. У вас тут кто-нибудь умеет считать или вы все пни...

Перед ним возникла тоненькая фигурка – девица. Все ее тело скрыто мантией с капюшоном. Хозяин приобнял ее и говорит:

- Умница, красавица ты наша! Потешь богов! Сосчитай песчинки – ну хоть в этой куче.

А тем временем слуга привез большую тачку золота.

Девица посмотрела на золото:

- Семьсот тридцать семь тысяч восемь сот семьдесят.

«Это верно? – спрашивал Воблид Маливоргема. – Верно, нет?» Маливоргем молчал.

- А теперь разложи ее на три доли – так, чтоб в каждой доле число песчинок было равным квадратом, а разница в основаниях квадрата была б равна 311.

Девица развела руки – куча тут же распалась на три, причем в одной число песчинок составило 115 в квадрате, в другой 426 – в квадрате, в третьей – 737 в квадрате.

«Я не понимаю, откуда у дикарей *такие* способности?! – передал Маливоргем Вор-Юн-Гаку. – Или мы недооценили

уровень развития этой планетки?»

«Я вспомнил. В одной байке так было: победи несокрушимого, обгони необгонимого. Зойтомара. Кончай с этим, Маливоргем»

- Понял! – Маливоргем и сам почувствовал, что пора прекращать эти странные, необъяснимые испытания; он открыл рот и произнес – нечто совсем другое:

- А кто у вас тут самый молчаливый?

Перед ним сразу же возник крохотный мальчуган.

- Это мальчик простой – сказал хозяин. – Все молчит. Хоть бы слово за жизнь молвил. Секи его, вези, тряси – все стерпит. Его раз в огонь бросили – целехонек и молчит. Наполам разрубили! – молчит. Целехонек!

- Нет, я так не могу – пробормотал Воблид – чтоб наполам распасться, а потом срастись... этого вы меня не заставите.

- Ах, говорит хозяин, вот уж тогда не знаю, дорогие боги, чем вас потешить. Ведь жена-то моя – кроткая, жалостливая; она вам слабеньких поставила, самых неумелых! А они вам не годятся. Кого же еще вам показать – просто ума не приложу... А может, и не боги вы?

Тут Маливоргем снова стал Змеем – злым, стремительным. Змей заговорил:

- Я не понимаю. Вы что. Смеяться над нами вздумали, что ли?! Воблид, приятель!! Подгони-ка ближе свой аппарат, сбрось одну штуку... где-нибудь неподалеку.

В небе возник заостренный объект и упал в 10 градусах восточнее замка. Удар! На горизонте половина неба покрылась чернотой, а посреди нее возникло истребительное красное пламя. Оно поднималось на сотни тысяч шагов вверх, до самых облаков – оно втягивало в себя и облака. Горела земля, горел воздух.

Маливоргем посмотрел на побелевших хозяев и их слуг.

- Не считаете меня Богом? Дело ваше. Но. Имейте это в виду.

- Эта штука вроде твоих детей. Слабенькая – добавил Воблид.

- Что же вы от нас хотите, дьяволы? – заплакал хозяин. – Зачем сюда пришли? и чего теперь выискиваете? Детей?...

Маливоргем перевернулся.

- Не нужны мне ваши... дети!!! Вот его – он бросил фотографии – вы должны ненавидеть и изгонять! Понятно?!

- Кто се есть? – прошептали все.

- Зергер!! – заорал Маливоргем – Зергер!! Отец Смерти, чтоб его!!

Он опять забыл про скрытность.

Много, много тайнств хранит Вселенная; недоступны они и для науки, и для самой жизни.

Стрела, горящая бледно-золотым светом, вновь несется через Космос а вслед за ней – огромный корабль.

Воблид долго молчал (залечивал волновидную голову), потом стал вспоминать, где и как он мог встретить нечто по-

хожее. В омуте памяти он нашел только сказки. Но Воблиду никогда не нравились сказки и он не любил их слушать.

- Чертова пивоварня! Дурацкий и непонятный мир! А Вор-Юн-Гак сказал, что в нашем деле не нужно силы и достаточно одного лишь убеждения...

- Это и было убеждение – Маливоргема изнутри распирала ненависть.– Очень настойчивое. Активное. Убеждение. Это было. Убеждать не значит действовать лишь болтовней. Есть и другие способы, более наглядные.

- Да, они там нагляделись. И еще наглядятся на то место, куда мы сбросили болванку. А что было в той земле?

- Понятия не имею. Какое – нам – до этого дело?

Маливоргем летел дальше, к новым Мирам, чтоб посеять в них смятение, выгодное Вор-Юн-Гаку. Он действовал и словами, и знаками, и кибернетическими конструкциями; всюду он разносил мысли Хитрого Подлого Змея и не было головы, способной их изгнать. За ним шел Воблид, собиравший на каждой подходящей планете наиболее талантливых и не старых. Всех пойманных он помещал в «колпак» и половина сразу же попадала в распоряжение Вор-Юн-Гака, а другая оставалась ему, Воблиду. Всех пойманных умников Воблид и Змей делили поровну, как и договаривались.

Хитрый Змей говорил:

«Помни, Маливоргем. Разнося наши идеи, мы не только сокрушаем Зергера. Есть и другие. Великие. Цели.»

«Я понимаю. Нам нужен весь Космос»

«Да. Власть над Космосом. И над Пустотой. Его наполняющей»

- Не понимаю, в чем разница между космосом и пустотой. – говорил Воблид – И то и другое имеет в своей основе всего лишь... ничего.

- Да, так оно и есть – согласился Маливоргем. – Вселенная представляет собой вакуум, в котором иногда мелькает содержание.

- Так зачем же Вор-Юн-Гаку пустота? Непонятно.

- По всей видимости, здесь есть смысл, не открытый еще до конца. Великий Вор-Юн-Гак откроет нам его позже. Пока же есть чем заняться.

«Согласных склонить, несогласных – уничтожить!»

Глядя на покорные Миры, Маливоргем испытывал удовлетворение. Из прежних Миров он также получал удовлетворительные новости. Народы полны решимости. Они сжигают пророков. Они ненавидят высокое творчество. Им не нужно новое! Изю дня в день растет желание иметь побольше денег любой ценой – и все готовы выполнить любой приказ Змея. Это хорошо.

На нейтральные территории высадился десант, благодаря чему каждый камень там украшен великой Вор-Юн-Гак-овской пропагандой. Замечательно.

Маливоргем уже подумал, что их миссия близка к завершению. Однако по мгновенной связи ему пришел странный сигнал – от одного управляемого создания, в мозг которого

были внедрены вор-юн-гаковские микросхемы.

Сигнал передавал, что на одной из планет убит главный агент Маливоргема. Эту планету они с Воблидом склонили к содействию еще в самом начале операции, склонили легко и больше к ней не возвращались. Агент – советник по войне – совершил переворот и заставил всех подчиняться ему напрямую. В этом не было ничего плохого (с точки зрения Маливоргема). Агент-советник, проповедуя ненависть ко всему зергеровскому (прямое указание от Вор-Юн-Гака), почему-то вдруг решил уничтожить все варварские племена, обитавшие на планете. Это странно, ведь Зергер никогда не работал с этими племенами, скорее всего, он вообще о них не знал. В облике варваров и в их разуме не было ничего, связанного с Зергером. Они всего лишь дикари, природные твари, к тому же они жили в самых дурных районах, сред чащ и гнилых болот. Однако советник (а теперь уже – диктатор) велел известить всех аборигенов. Он послал войска.

В той планете почти повсеместно была высокая влажность, а прогрессивных материалов не знали. Примитивная техника ржавела, пройдя по болоту всего два-три десятка верст, поэтому войска использовали преимущественное ручное огнестрельное оружие или даже простые тесаки. Ими они перерубили от четверти до половины аборигенов. Те почти не сопротивлялись и лишь очень громко жаловались. Войска заняли все их земли.

И тогда, по свидетельствам местных, «с неба сошел белый

луч и стал (встал?) на ноги». Он «выхватил из себя огненный клин (меч, клинок?) и тем клином рассек всех, кто имел случай убивать. Не успевшие этого, малым числом (вероятно, та часть войск, которая не выполняла активных действий) были рассеяны и изгнаны на исходные пределы. Всю технику поглотил огонь (сгорела она, что ли?), остановить который не способна даже пена; войска пали, а советнику огонь придал большой беспорядок в теле». Очевидно, агента разорвало. «А сам огонь взмыл на небо и исчез. Дикари прекратили стон...»

- Стиль изложения напоминает мне дешевую басню. Агент, по-видимому, действительно накрылся – в этом нет беды, тем более что на том жалком шарике мы имеем и прочих подвластных тварей. Агент – ерунда. Но возникает вопрос: откуда – и самое главное, зачем – к ним пришел этот «белый луч с клинком»? Понятно, что это болтовня примитивных умов. Но что-то там все-таки произошло.

- Лететь туда, что ли? – спросил Воблид.

- Мы слишком далеко от того Мира, чтобы тратить свою драгоценную мощь на их мелко-политические выкрутасы. Пускай разбираются сами. И великий Вор-Юн-Гак говорит о том же.

Хитрый Змей передавал:

«Идти специально не стоит. Но. Будьте внимательны. Маливоргем. Здесь может быть участие некой посторонней силы. Незвестной даже нам. Зойтомара. Все нормально. Пус-

кай Воблид не болтает о Вечных»

- Да я и не думал про них – сказал Воблид первой головой – очень они нужны, хотя, признаться, я их немного... Или даже очень. По слухам, Вечные следят за порядком Вселенной и нет силы, чтоб им противостоять. Хотя, по правде, я ни разу так и не встретил ни одного Вечного, и очень может быть, что разговоры о них – сплошное вранье. Да, вранье.

Воблид – также как и Гониденек, и многие другие обитатели Космоса – очень хотел верить, что его страхи не имеют под собой реальной основы.

Далеко, далеко от Мира Вор-Юн-Гака ушли бледно-золотая стрела и аппарат с треугольным сечением. Они видели огромные скопления звезд, галактик и сверхгалактических образований и среди миллионов безжизненных планет находили те, куда следовало проникнуть. Воблид биологической головой, склонной к живому восприятию, насчитал не менее 700 оттенков синего и не менее 900 оттенков красного в спектрах галактического свечения. Это получалось оттого, что лучи, испускаемые космическими объектами, перемешивались в экране регистраторов самым причудливым образом. Это была бесконечно богатая палитра красок, но Воблиду неинтересна живопись.

- Сколько Миров мы уже накопили? – Маливоргем изверг струю плазмы.

- Девяносто. Этот будет девяносто первым. Стоит ли с ним возиться? Скрининг показывает полное отсутствие в

нем признаков цивилизации. Городов, зданий, даже примитивных орудий нет. Чистая глухомань. Хотя ментальные волны регистрируются.

- Понятно. Это сгустки биологической плоти. Перед ними еще миллионы лет развития. Но стоит на них посмотреть, а то придумают нечто... противоправное.

Маливоргем вошел в атмосферу планеты и облетел ее несколько раз.

«Передаю. Приятель Воблид. Можно не напрягаться. Разумных существ здесь нет, а вся жизнь тесно прижата к земной поверхности. Абсолютная глушь. Но. Судя по всему. Здесь имеются большие запасы низкомолекулярных углеводородов».

- Горючие смеси? Это же как раз та вещь, которой не достаёт моим боевым головешкам! Накачаем огненную сущность! Кроме того, аннигиляция газов применяется во многих типах моего оружия.

«Если ты хочешь, можешь извлечь необходимое. Я пока перенесу половину нашего добра Великому Вор-Юн-Гаку. Заодно получу у него новый заряд премудрости»

- Да какая там премудрость, – сказал Воблид – все элементарно просто. Подгони аппаратуру и качай.

В корабле, которым управлял Воблид, имелось большое количество автоматических машин по опустошению грунта. Их использовали в мирах, богатых полезными ископаемыми: несмотря на грандиозный размах операции, Хитрый Змей не

забывал о простой выгоде. Он выдавливал из земли не все подряд, а лишь самое ценное. Затем золото, платина и прочие материалы подвергались сжатию – процедуре, при которой материя превращается в информацию о ней самой и умещается в самом малом объеме. Но при необходимости, материя извлекается в исходном виде. Таким образом можно было транспортировать огромные массы вещества почти не тратя энергию.

(Похожей способностью обладает шапка Веди Вздокина. Гониденек однажды поместился в ней целиком, хотя был заметно больше шапки)

Покрикивая на машины, Воблид принялся готовить спускаемый зонд, который при случае можно было использовать и как боевой штурмовик. Всего он имел 5 таких зондов, не считая двух резервных. В первые четыре он распахал побольше добывающих машин, а в пятый полез сам – правда, не весь, а 7-й, 10-й и 18-й головами.

- Мне не терпится наполнить свои танки – сказала 10-я голова (именно она была самой огненной) – а то уже достала эта бедность!

- Я должен проверить их ландшафт – сказала 7-я (биологическая) – в нем может быть органическая или размножающаяся гадость, о которой не сказал приятель Маливоргем. Мне не требуется барахло на корабле.

18-я голова лишь подрагивала. Ее сущность не умела еще складно разговаривать и думать, поэтому Воблид использо-

вал ее для прямых военных целей. Атаковать, рубить, взрывать. С ног до головы 18-сущность увешана разным вооружением, ростом она в полтора раза больше 7-й и 10-й, а ведь они почти всем кажутся огромными.

Зонды пошли на спуск в районе экватора. Для большей сохранности они двигались по уходящей вниз спирали. Их двигатели покрякивали:

«Квэрк! Чверк! Щувырк!»

Воблид заметил, что обшивка корабля деформируется гораздо слабее, чем на других похожих планетах. Над всей ее поверхностью отсутствовали циклоны и антициклоны, воздух содержал немало влаги, но был весьма легким благодаря некоторым очень редким примесям. Воблид не анализировал подробно ни состав примесей, ни количество осадков – его интересовала земля.

До определенного момента он ее вообще не видел – из-за плотной пелены облаков, а потом вдруг сделалось ясно.

Поверхность планеты была вся словно обернута пестрым покрывалом с тысячами различных пятен. Среди цветов преобладали зелено-серые, зелено-желтые, бирюзовые и коричневатые цвета, опутанные черной ниткой рек. Местами виднелись рыжие и багряные вкрапления. Океанов Воблид не разглядел. Его техника могла действовать лишь на суше, поэтому незачем глядеть на море. Тем более что он никогда не признавал значимости военно-морского флота.

Земля приближалась: ее узоры росли – они не образо-

вывали правильных орнаментов и не имели четкой формы; все же можно было различить, что поверхность разделена на некие участки, контактирующие друг с другом. Между ними тянулись узкие тяжи розоватого или рыжего цвета (Воблиду они напоминали рыбы кишки). Одна растительность, заметила биологическая голова, и ничего серьезного. Как же тогда удалось поймать мыслительные волны, они же четко прослеживались. Аппаратура Вор-Юн-Гака не врет своим хозяевам. Вот и сейчас она передает чьи-то сильные переживания – даже очень часто.

- Чужие переживания мне неинтересны – сказал Воблид. – Все типично биологическое крайне уязвимо и ненадежно, и эти его так называемые чувства – такая же ерунда, как и оно само. Мне важно другое: достаточно ли прочна здешняя почва. А то наступишь и провалишься к... Бывает же так, что все растет на воде. А с водой я не связываюсь.

По приказу первый зонд сел на зеленое пятно; пятно просело, но выдержало. Из пасти зонда выкатились машины-добытчики полезных ископаемых – Воблид велел им двигаться как можно быстрее, чтобы оценить сопротивление поверхности. Машины свободно носились во все стороны, безо всяких неудобств.

- Значит, ходить можно.

Из открытого люка вылетела огненная сущность, выпрыгнула биологическая сущность, потом полезла 18-я, обвешанная оружием. Она была очень велика, к тому же ее стволы

цеплялись за выступы в кабине. 18-я высунула одну ногу и едва не вывалилась.

- Зар-раза. Ничего. Оружие не может быть лишним. Так. Чего здесь есть? Одна плесень?

Плесенью Воблид называл любую растительность ниже 5-этажного дома. В районе, где он высадился, не было крупных объектов, только небольшие наросты – кустики на камнях, бело-розовые тяжи, а между ними – зеленеющие зоны с неровными краями, похожие на лужайки. Ими покрыты все возвышенности и низины. Зеленый ковер тянется на восток и на запад, с севера к нему примыкает другой ковер – бордово-коричневый, с юга – серый. Среди бордовой массы можно различить множество больших деревьев.

«Елки. – подумал Воблид. – С них тоже можно иметь прибыль. Но сейчас у меня нет желания заниматься лесопилкой».

Все три сущности Воблида пошли прямо по зеленому ковра. Добывающие машины ждали приказа.

- Я что-нибудь чувствую? – спросил Воблид

- Я нет – сказала огненная сущность.

- Я тоже – прорычала 18-я голова.

Зато биологическая хваталась за ноги.

- Меня снизу кто-то жжет. И не просто жжет, а очень сильно. Ах, это вы! – Воблид увидел как маленькие серые и сиреневые бугорки, примыкавшие к ногам биологической сущности, брызгали в нее чем-то бесцветным. Эта жидкость не

проникала внутрь, но ее действие вызывало в ногах биологической сущности великий зуд. Изю всех сил Воблид топнул – бугорки распались. Он посмотрел – все пространство вокруг занято подобными объектами, сходного размера и цвета, как растения на грядке. Но в отличие от огородных культур, их тела содержали лишь простые, недифференцированные клетки.

Биологическая голова наклонилась вплотную к бугоркам. Воблид ощущал их колебания.

- Ага. Вы все-таки чувствуете? И думаете. Всякая зеленая дрянь воображает. Ну так ощутите!!

Он раздавил бугорок ногой – его колебания пропали. Раздавил другой – и те пропали. Третий Воблид уже не слушал.

В ярости огненная сущность выпустила столб огня и половина лужайки сгорела. Но Воблид остановился.

- Так. А чего это я буду тратить свой драгоценный материал на такое барахло? Я могу воздействовать простейшими методами! Жалкая плесень! Смеет мне еще перечить.

Воблид пошел, давя ногами все бугорки подряд. Биологической головой он слышал, как разносится по округе мыслительные частоты; точного смысла он не расшифровывал, но знал, что это стон и смятение. Он прыгал, пока не осталось ни единого создания.

- А это еще что? – на краю лужайки стоял с серо-голубыми лопастями, к которому тянулись все бугорки. От куста во все стороны разлетались молекулы с информацией об угрозе.

Меч-пилой Воблид рассек куст.

- Можешь не телеграфировать! Опухоль тлетворная, зараза. – он оглядел просторы – До чего тут природа... самонадеянна. Она воображает, что сможет мне помешать. Она, видите ли, не хочет, чтоб я (!) что-то делал. Какая наглость! Я – предводитель воинов, покоритель непокорных Воблид! Я буду действовать согласно моим великим планам.

По сигналу Воблида машины помчались по планете в поисках углеводородных пластов, давя гусеницами все, что мешало им проехать. Излучаемые растениями слабые биоэнергетические потоки полностью терялись в грохоте и пiske искусственных передатчиков. Планета наполнялась механическим воем – Воблид очень старался.

Ему необходима нефть, горючие газы, элементы с нестабильными ядрами. Содержащуюся в них мощь он частью пустит для своих существей, частью загонит в ракеты, автоматы и прочие боевые вещи. Воблид, кошмарный Воблид, Предводитель воинов, Воблид-Завоеватель! – эти титулы он слышал в течение своей долгой деятельности, завершать которую не намерен никогда. Он воевал среди бесчисленного числа планет, иногда сам за себя, иногда – выполняя военные задачи владык. Нельзя сказать, что Воблид – наемник, продающий свою боевую мощь за деньги. Это для него слишком мелко.

Воблид воюет не ради денег, а ради того, чтоб воевать, ради самой войны. Боевые действия, спецоперации – вот ос-

новной и единственный интерес всех 13-ти Воблидовых голов; некоторые из них имеют и другие занятия (например, биологическая сущность не прочь заняться запугиванием и обольщением), но главное свое призвание Воблид видит именно в войне.

- Это мое призвание. Ну и что? Кто-то скажет, что оно неправильное. А каким вообще оно должно быть, ради чего вообще стоит существовать. Ради того, чтоб размножаться? Или защищать интересы других, которые на тебя же и наплюют? Это все очень глупо. А война – дело грандиозное, и не стоит тут ограничивать себя какими-то нормами. Их выдумывают те, которые сами ничего не могут.

Впрочем, Воблид не является абсолютно беспринципным. У него есть пристрастия. Он всегда на стороне Вор-Юн-Гака и ни за что не будет сражаться в единстве с Зергером и его творениями, также как он не будет воевать за тех, кого презирает. И в эту, и в предыдущую историю Воблид ввязался не потому, что так уж сильно ненавидел Зергера, а потому что всегда сотрудничал с Вор-Юн-Гаком. Ведь Подлый Хитрый Змей его приятель.

В поисках сырья добывающие машины объехали всю планету. Кое-где им удалось обнаружить действительно перспективные источники и те края наполнялись великим грохотом. Машины бурили, копали, стрекотали, выли. Время от времени они ломались, и Воблиду с отвращением приходилось их чинить.

- Вожусь, будто слесарь бездарный.

У живых существ, населявших эту планету, была поразительная способность к регенерации. Из небольшого фрагмента мог со временем вырасти целый организм. Любая его клетка могла стать репродуктивной. Это позволяло местным жителям не только восстанавливать самих себя, но и создавать новых жителей. Новые организмы появляются в виде простых округлых тел без выпячиваний (те самые бугорки). В процессе развития у них формируются лопасти и выросты, чаще всего овальной или волнистой формы, со временем число лопастей увеличивается и во взрослом состоянии может превышать 100 на один организм, причем размер лопасти и ее форма могут быть любыми. Основная часть тела идентична таллomu водорослей; она также способна расти вверх и в стороны, образуя кусто- и деревообразные структуры. Из них формируются целые «леса».

Своими выростами жители собирали влагу, передавали друг другу информацию в виде летучих молекул. Воблид улавливал эти сигналы («пахнет, глина!») и регулярно выжигал воздух огненной головой. Сигналы исчезали; но жители могли общаться еще и контактным способом, при помощи длинных ветвящихся тяжей, идущих по земле. То, что Воблид принял за рыбы внутреннейности, использовалось для тесного взаимодействия между жителями. Разделенные большим расстоянием, они могли передавать друг другу тепло или радость. Но сейчас они обменивались лишь тревогой.

Укрепившись на планете, Воблид явно не собирался оставлять ее до тех пор, пока не выкачает все полезные материалы до конца. При этом добычу он вел абсолютно не задумываясь о природосбережении. Воблид даже слов таких не знал, как «бережное обращение с природой», «защита природы». Он знал, как защищаться в обороне или при бомбежке.

Машины, повинаясь приказам Воблида, опустошали огромные пространства, покрытые цветными узорами. После их ухода пропадали не только краски, но и сама почва оказывалась непригодной для роста – ее отравляли выхлопы, газы, материалы, не нужные Воблиду. Для восстановления там нормальной жизни требовались века – при условии, что останутся те, кто способен восстанавливать. Воблид нервничал. Его 18-ю голову страшно злил тот факт, что ее клинки и пилы постоянно зеленеют на открытом воздухе, словно на них что-то хочет вырасти. Огненная сущность сжигала «вредные» районы – на которые ей указывала биологическая голова. Она бегала по планете – легкая, худющая, а вслед за ней, громыхая и спотыкаясь, неслась 18-я сущность – тоже худая, но очень высокая, с огромным размахом рук и ног. Ей Воблид велел следить за небом. Оно разделено на три части – нижняя примыкает к земле и ее воздух очень прозрачен, средняя вся состоит из сплошного облачного слоя, внешняя уходит в космосе, где на орбите висит ужасающего вида корабль, с ящерами на борту.

Небо было чисто, разве что у границы облаков порой поигрывали «огнецы» – яркие всполохи света, собранные в виде размытых фигур. Иногда фигуры принимали более конкретные формы – рыб, птиц, и даже разумных существ с руками и головой. Воблид думал, что это фантомы, т.е. не рассеянная до конца психофизическая энергия чьих-то тел. Они возникали под вечер, собирались в стаи и висели, висели, висели... В ночном небе были отчетливо видны их силуэты, их яркий мерцающий огонь, излучавший слабые, неупорядоченные волны. К утру небесные огни исчезали.

Воблиду «огнецы» не вредили нисколько, однако время от времени 18-я сущность выпускала по ним длинные длинные очереди. Он палил чем попало – из автоматов, гранатометов, лазеров.

- Опять горят! Сосульки. Их дурацкий свет меня раздражает. Откуда они вообще берутся, здесь же, в конце концов, не зоны полюса (огнецы появлялись над всем пространством планеты). Еще одна выдумка этого жалкого шарика. Ничего, скоро я со всем покончу...

Добывающие машины гудели, не снижая оборотов. Воблид их подгонял.

Огромный трактор прошел по рыжей полосе земли и прочертил широченную черную полосу, определяющую границу будущего прииска. Под полосой уже не было ничего, никаких уцелевших жителей. Гусеницы перемалывали все в прах.

Они чуть-чуть не задели маленький кустик с тонкими гнутыми лопастями. Кустик рос на желтом таллومه, примыкавшем к рыжей области; каждая его клетка застыла от ужаса, но трактор уже укатил далеко. Мало-помалу оцепенение стало проходить, кустик расправил лопасти и стал думать, вернее, передавать свою информацию. Она обращалась не к здешним жителям – которые и без того все знали – а к «огнецам».

Звали кустика Холодок. Он был еще очень молод и потому верил в магические, сверхъестественные вещи. Противостоять машинам он, безусловно, не мог (вся планета была бессильна), но внутри его жила надежда. Ее он обращал в мысли, исходившие волнами.

«Огнецы! Ваше дивное сияние испокон веков радовало наш мир, и всех, и каждого кто в нем жил. Оно по-прежнему велико и чудесно, но разве способны мы радоваться теперь?»

«Огнецы! Почему вы так строги к нам? Почему не взгляните на наши страдания, не обратите на них ваш дивный свет? Наш мир в смятении – все горит, все превращается в пепел и ничего нельзя поделать? Огнецы! Кто поможет нам, если не вы? Кто еще услышит наши стоны, кто наполнит наш ум надеждой? Мы всегда почитали вас; так помогите же нашей бедной земле?»

Холодок обращал свои призывы к тем, кто сиял в небе – это все что он мог сделать. Холодок – да и другие жители – верил, что огнецам принадлежит великая сила, которую они в трудный час направят на доброе дело. Он надеялся.

Он говорил. Он обращался к небесным огненным образам, не зная даже, могут ли те его слышать.

Тем временем, Вор-Юн-Гак подсчитывал свою часть прибыли, собранной Воблидом и Маливоргемом. Ее огромное количество удовлетворяло Змея; кроме того, ближние и дальние Миры склонились перед убеждениями Змея и теперь несут его, Вор-Юн-Гаковские «стремления действовать лишь в нужном направлении». Мгновенная связь передает им все Змеевы приказы, она действует безотказно. Она удаляет все шумы.

Но по странному совпадению среди тех шумов появлялись песни Веди Вздокина; их стремительно удаляли, но такие шумы были. Они каким-то чудом пробирались сквозь космос и вонзались в мощные информационные связи, работавшие для Вор-Юн-Гака. Змей их ненавидел – не потому что презирал творчество вообще, а оттого, что колебания волн, в виде которых переносились песни, были для него непривычны. Собственные волны Вор-Юн-Гака были с ними словно в антифазе, т.е. нейтрализовались и даже исчезали при очень сильном взаимодействии.

Песни, конечно, не могли повредить Вор-Юн-Гаку, но они его бесили. Лишь услышав нечто взмокинское, Змей начал метаться в ярости; его огненно-алмазные хвост сшибал все, пробивал землю на тысячи шагов вглубь. Он желал – нет, дико требовал – уничтожить те антифазные колебания, уничтожить вообще. Однако по тайным соображениям Змей

не приближался к Миру Вздокиных, и песни не исчезали. Их несло через Космос.

Змей потребовал от Маливоргема, чтоб никто в управляемых Мирах даже заикнуться не смел о сотрудничестве со Вздокиными, даже при условии гигантских выгод. Маливоргем, конечно, обещал.

- Смотри, смотри, Маливоргем. Умей предсказывать подвохи. Невнимательность – прямой путь к катастрофе.

Высокоразвитые Миры не угрожали Вор-Юн-Гаку, однако он всех подозревал, и желал наносить превентивные удары.

- На всякий случай мы должны иметь наготове тех, кто может выполнять боевые задачи – еще на дальних подступах. Кто умеет хорошо убивать и кому умирать не больно. Скажи Воблиду, чтоб тоже занялся этим. Он уже начал воспитывать своих талантливых вояк?

- Нет, все еще держит их в «колпаке». Приятель Воблид весьма увлекся опустошением недр. Что ж. В этом нет ничего плохого. Материалы должны работать, а когда они просто лежат в земле, это очень глупо.

- Смотри, Маливоргем. Жалость – это не для высоких умов. Высокие умы вообще не знают такого слова, или, если уж на то пошло, относятся к нему с усмешкой. Величие! – вот настоящая цель и смысл.

Так учил Вор-Юн-Гак.

Маливоргем, стремительный Змей, побеждал всех, кого считал соперником; не встречая, преград, он разносил идеи

Вор-Юн-Гака по Вселенной. В любой момент драться за них были готовы целые армии.

Воблид тоже готов. Его машины грохочут.

Холодок меж тем не оставлял мысли о том, что в их мир придет надежда, и даже спасение; не веря в разговоры взрослых о неизбежном конце, он продолжал слать свои сигналы.

...

Аппаратам Воблида потребовалась вода, поскольку прежние запасы они исчерпали, работая практически непрерывно. Воблид послал все свои сущности, бывшие на планете, искать источники с объемом стока не менее 500 тыс. кубов. Это оказалось не просто, поскольку на планете не было ни озер, ни крупных рек. Влага поступала по мелким и мельчайшим речушкам, ручьям, родникам, в некоторых местах они образовывали сложные гидрологические системы.

Искать лучше всего получалось у биологической головы. Она бежала прямо по руслу реки, поднимая синие брызги. Следом, вдоль берега шла обвешанная оружием 18-я голова, а за нею катились грузовые автоматы с танками для воды. Вода в реке была темная и непривычно густая; биологическая сущность зачерпывала ее, а потом плевалась с отвращением. Вода не подходила для Воблидовских тел, однако годилась для автоматов.

Речка долго кружила и извивалась, терялась в болотах, разбивалась на крошечные рукава. Но Воблида трудно обмануть геодезическими приемами – он знает, что вода, рано

или поздно, притечет в большой водоем, и его не спрячешь.

- Здесь, что ли. Пришли. – Биологическая голова махнула в сторону долины, где блестел целый лабиринт из водоемов. – Давайте выкачивайте, а то мне уже надоела эта глушь.

18-я сущность – вся в шипах и неровностях – посмотрела на свое отражение: там ее кривые шипы казались еще кривее.

18-я зевнула и дала очередь по воде.

- Да. Выкачивайте. Надоело.

Автоматы загудели, с явным намерением выкачать абсолютно все.

Биологическая сущность оглядывалась.

Воздух на западе менял свой цвет, делался более вязким и тягучим. Ближайшее к планете светило спешило укрыться за горизонт, и очень скоро на небе осталась лишь узкая желтая полоска, наполненная летучими химическими элементами. Это местные жители обращались к небесам, их невидимые прерывистые волны тянулись ввысь, под самые облака, где в белом свете мерцали «огнецы».

18-я голова направила на них лазер, но стрелять не стала.

- Очень нужно тратить свои заряды на такую чепуху. Это же просто игра атмосферы, физическое явление. Глупость одна – сказал Воблид биологической головой. – Любопытно, куда эти штуки денутся, когда я... не полетят же они в поисках других миров, у них на это явно не хватит сознания. Пускай пляшут – пока могут.

Смеркалось.

Появился еще один всполох – помимо белого огня в его спектре явно прослеживался голубой и синий. Всполох двинулся прямо на стаи огнецов и, наверное, напугал их, потому что все они вмиг потухли. Воблид видел только 2 или 3 фигуры, а потом и вообще ничего. Небо сделалось очень темным, почти черным.

Биологическая голова протерла глаза.

«Огнец» стоял на земле шагах в тридцати, но нельзя сказать, что от него исходило настоящее свечение – очевидно, огонь или плазма, находились внутри объекта, предавая ему некоторое сходство с плазмой. Однако Воблид четко видел руки, ноги, вообще все туловище; образующая их субстанция подрагивала, словно на ногах были штаны, а выше – майка с неярким орнаментом; видно лицо с выступающей нижней частью, глаза, полные пламени, и выросты на верху головы, похожие на волосы.

Вообще фигура была отчасти даже похожа на воблидовскую – такая же высокая и худая, но без всяких мелких деталей, без шипов, когтей и трещин.

Воблид почувствовал, как от «огнеца» к нему летят ментальные волны.

- Убедительно прошу вас прекратить опустошать пространство планеты. Здесь жители имеют простое устройство, но их страдания огромны, а все, что вы здесь творите, приведет природу к коллапсу.

- Это почему это я должен беречь всякую мелочь?! – вспылil Воблид (биологической головой) – Кто она такая? Да она никто! Плесень корявая на ветках! Она какая-то жизнь? Смешно. Как будто я запрещаю им жить.

- Тогда зачем вы убиваете миллиарды безобидных существ?

- У меня – грандиозные цели! Всякая мелочь пусть не лезет, а все эти грибы, кусты и веники – Воблид ощупывал автоматы – слишком много воображают о своей роли в истории.

Он подумал и добавил:

- Кстати, а почему вы о них беспокоитесь? Вы здесь что, хозяин?

- Я не хозяин, но постоянно борюсь со злом.

- Слушайте, вот только не надо избитых фраз! – скривился Воблид. – «Добро, зло» – такие общие, неконкретные слова, что вообще за ними стоит? Для одних добро одно, для других – нечто противоположное, и то же самое со злом. Так повсюду! Фантазеры, вообразившие себя борцами за какое-то «общее добро» умирают в первую очередь, и все их считают идиотами. Цель – вот что важно! Лично у меня цель – побеждать.

- А моя цель заключается в том, чтобы не дать разрушающей силе восторжествовать окончательно, не позволить ей привести Мироздание к краху.

- Что же, вы – уничтожаете врагов?

- Не всегда; иногда достаточно убеждения. Но с Вами будет трудно договориться.

- Почему?

- Я тоже люблю побеждать.

Воблид разговаривал, а тем временем его главная сущность командовала. Воблида охватило великое возбуждение.

Огненной голове он велел срочно собрать все добытое и не вывезенное еще сырье, половину подвергнуть сжатию, а другую вкачать в себя, для роста мощи; огненная голова суетилась, в спешке активировала не те схемы и материя не сжималась. Все танки с горючим (сжатые заранее), а также добывающие машины она запихивала лишь в один зонд, напроочь забыв об остальных. Перегруженный, зонд не мог взлететь. Воблид разъярился, и приказал вынуть и переложить.

Голова выдернула груз из одного зонда, а потом стала запихивать все в другой зонд. Переполненная огнем, она извергала лишнюю мощь, не глядя.

В результате, 40% добычи удалось вывезти и доставить на корабль, а остальные 60% сгорели в атмосфере. Воблид куда-то нажал и зонд разорвало. Вероятно, в аппаратуре колпака возникли некие неучтенные изъяны.

Огненной сущности Воблид велел пока сидеть в засаде.

По мгновенной связи он срочно соединился с Маливоргем.

- Дуй сюда, а то мы здесь вообще того этого почти начали!!
Маливоргем был неподалеку и возник через секунду.

- Ты не мог бы выразиться более конкретно?

- Нам страшно повезло – Воблид пристально смотрел на свои головы. – Не зря мы шлялись по Вселенной, не зря я задержался на этом шарике. Да. Ну да. Это он. Он, и сомнений быть не может.

- Кто – он?

- Зергер!! Зергер ваш! Думаешь, я не знаю его изображения? Да я уже тысячу раз глядел. Зергер стоит – там, внизу – и пока разговаривает с моей биологической сущностью. Повезло, что называется.

Маливоргем посмотрел в мониторы.

- Мне кажется, это не Зергер. Ты говоришь, фотография сходится. Да, он *похож* на Зергера, но, насколько я знаю, фантазер имеет несколько иную одежду и структуру. И потом, где его мешок?

- Мешок он спрятал. А структура... а структура изменилась, потому что все кругом меняется.

- Я не понимаю, сюда-то он зачем притащился? – сказал Маливоргем.

- Ну ты, Змей, даешь! Спрашиваешь очевидные вещи. Если у нас и у него прямо противоположные цели, должны же они когда-то встретиться.

- Да, этого нельзя было исключать. Но. Меня смущает уровень концентрации его энергии. Такое впечатление, что он словно впитал в себя маленькую звезду.

- Ничего, наша все равно больше – бормотал Воблид. –

Сейчас организуем!

Огненная сущность Воблида, до этого прятая у самой высокой точки планеты, поднялась в воздух. В отличие от Вор-Юн-Гака или Маливоргема она не умела летать через космос, но собранной ею мощи было столько, что она смогла залезть под самые облака и оттуда высмотреть цель.

- Наблюдаю его. – сказал Воблид – Стрелять? Стрелять.

- Мне надо отлучиться, пробормотала биологическая сущность, а то нас сожжет. Через мгновение она уже вихрем неслась прочь от того места, где был «огнец». 18-я голова тоже бежала быстро, но отставала.

В небе над экватором возник огромный раскаленный шар – плазма и горючие смеси, извергнутые огненной головой, слились в единый заряд. На мгновение небо стало ярким – почти красным.

Со световой скоростью заряд ударил по «огнецу».

Взрыв.

Биологическую сущность сбilo с ног; Воблидова голова рухнула в какую-то бурную массу, выпрыгнула и застыла. В ста шагах от нее торчали шипы 18-й головы (ее тоже сшибло), а еще дальше воздух раскачивало.

Заряд разорвался в атмосфере, не долетая, прямо над «огнецом».

- Все, что ли? – сказала биологическая сущность.

В глазах рябило. Воблиду показалось, что он видит звезды, хотя из-за вечных облаков небо планеты всегда было мо-

нотонным, и прежде он их никогда не замечал. Звезды плясали и подмигивали. Воблид сел и стал изо всех сил тереть биологическую голову, вправляя ее.

- Вот теперь порядок. – он посмотрел и убедился, что небо вновь сделалось черным.

Только бело-голубой луч шел над землей, градусы в 30-ти от места удара. Воблид подумал, что это остатки боевой плазмы, однако его огненная голова была в другом месте. Она опять сидела на земле, опустошенная – на создания заряда пошла вся впитанная ею энергия. Но откуда же взялся луч? – он уже подошел к земле, вспыхнул и...

Опять стал «огнецом».

- Он ушел от удара! – закричал Воблид. – Взлетел в космос и ушел! Ну я сейчас...

Вскочив, 18-я сущность открыла дикую пальбу – из автоматов, пулеметов и прочих орудий, прямо по фигуре «огнеца». Пули и снаряды сыпались в него густейшим роем, но, не долетев полшага, разбивались в клочья о невидимую стену. Очевидно, «огнец» мог создавать полевой барьер, который гасил кинетическую энергию.

Воблид палил гранатометом – впустую.

- Ты что. Не видишь. Эти средства его не берут! Не берут! – кричал Маливоргем. – Меняй тактику!

- А, да, сейчас, сейчас... – бормотал Воблид. – Сейчас найду лучше... Сущность... сущность...

18-я голова не заметила, как «огнец» подлетел к ней

вплотную. В руке «огнеца» возник клинок.

- Гранату! Гранату бросай! – заорал Воблид – Бей! Врукопашную!

- Вас надо остановить. – «огнец» размахнулся и хлестнул 18-ю сущность наискось.

Биологическая сущность видела, как шея 18-й сущности стукнулась о спину вместе с головой. Огнец не отрубил ее полностью, но удар был страшен. Огромное шипастое туловище поползло вниз и рухнула прямо на голову.

- Нам надо спускаться. Понимаешь? Спускаться. – Маливоргем выговаривал каждую букву с металлической злостью. – Надо атаковать всей мощью. Снаряды бессильны. Нужны заряды с антиматерией.

Его бело-золотые глаза били яростью.

- Ну что стоим?! На спуск!!

- Сейчас, сейчас... а как там моя голова, я не чувствую с ней связи...

- Плюнь на голову. Их у тебя много.

Огромный корабль с сечением в форме треугольника вошел в атмосферу; он не снижал скорости – наоборот, Маливоргем его подгонял.

Корабль рухнул плашмя; из него вылетели Воблид, ящер с множеством голов, и стремительный Змей Маливоргем. Воблид на ходу выдергивал из себя сущности. Навстречу им бежала огненная голова.

- Это какой-то бред! Я использовал заряд, способный уни-

чтожить целую армию, но этот тип стоит, Маливоргем!

- У него природа другая. Вели биологической голове заманить его сюда...

Но «огнец» уже был рядом.

- Вы желаете кончить вместе?

- Что он говорит? – сказал Маливоргем.

Вместо ответа Воблид дал залп – всеми сущностями; в сторону «огнеца» летел злющий рой пуль, в каждой из которых боевая антима́терия – при ударе пули она высвобождается и происходит жуткий взрыв.

Однако странным образом «огнец» проскочил через пулевой вихрь и остался нетронутым, даже майка не качнулась.

- Его энергия придает ему мобильность. Ничего – вблизи он не успеет ею воспользоваться. Воблид! Стой сзади, будь готов.

Маливоргем – ловкий Змей – создал вокруг себя поле мрака, и помчался на «огнеца»; в тумане было не разобрать его туловища, из которого уже во все стороны ползли мощные когти плазмы. Ударом такого когтя разбивалось любое физическое тело.

Из тумана в голову «огнеца» полетели ослепляющие поля.

«Огнец» сжался и отскочил; часть поля его едва коснулась, он изогнул голову – из тумана в нее полетел коготь – прямо в клинок. Коготь распался с гроханием – «огнеца» толкнуло, но он был цел; сзади у него вырос плащ темно-синего цвета. Этот плащ тоже отражал удары.

Маливоргем хлестал «огнеца» плазменными ударами, но никак не мог пробить его тело; «огнец» отбивал все атаки – он не видел Маливоргема, но чувствовал все его изгибы. Он ударял энергией – Маливоргем извивался.

- Эта энергия не аппаратная. Зойтомара!!! Это какой-то пламя-воин, с внутренним реактором. Ничего, со всем вблизи он не сможет ускользнуть. Чтоб я сдох!!!

Маливоргем нажимал вплотную. Он бил – пламя-воин отражал атаки, а потом сам бил – Маливоргему приходилось уворачиваться. Змея колотило внутри от ярости, но он сдерживал себя – чувствовал, что одной только мощью здесь не взять. Он лупил по ногам воина – воин прыгал, иногда сгибался; Маливоргем стремительно бил в него и промахивался. Один раз он почти попал в голову – пламя-воин изогнулся, словно падая на землю; Змей тут повис сверху и выпустил сразу 20 плазменных когтей. Плазма прожгла землю; воина не было. Маливоргем выругался.

В этот момент пламя-воин ударил его клинком – стремительный Змей отскочил, но клинок все же его задел. От сверкающего тела Змея отлетел маленький кусочек.

- Зойтомара!!! – Маливоргем выплюнул густейшее поле мрака; тьма опутала пламя-воина и в течение нескольких секунд он ничего не видел.

Маливоргем тем временем был уже с Воблидом.

- Воблид!!! Пора кончать с ним! Я его ослабил – иди и добей. Я тебя прикрою.

- Понял! Так это Зергер?

- Зергер... почти.

Все головы Воблида вместе с главной головой понеслись в атаку. Туман еще не рассеялся; а на воина со всех сторон навалились ящеры – шипастые, злые, разноруженные. Волновидная сущность была своим хвостом не разбирая; ледяная была холодом, физическая стреляла, другие головы выли. Это продолжалось две или три секунды, после чего пламя-воин выпрыгнул – в неожиданном месте – и врезал по первой сущности.

Удар был такой, что Воблид услышал звон сотен разбитых стекол. Его сущность сделала шаг назад, а потом просто рухнула. Над ней возникла 3-я – ее страшный рык прервался вторым ударом. Со всех сторон навалились 2-я, 9-я и 17-я – их то же раскидало.

13-й головой Воблид вдруг вспомнил про кинжал с антиэнергией Гирза-Мары. Он выхватил его из-под брони дар Вор-Юн-Гака.

Пламя-воин сокрушал ящеровы головы.

- Надо его обездвигить!!! – закричал Воблид. – Задержать хоть на миг! Тогда легче будет.

Еще не помятые сущность разом прыгнули на воина – спереди, с боков, сзади. Энергетическая пыталась опутать ему ноги. Воин отбивался и бил страшно – клинком, плащом, ногами; от его ударов Воблиду хотелось развалиться. Но одна сущность все-таки смогла прорваться вплотную.

- Ага!!! – на мгновение она повисла на воине, держать за плечи; воин ее скинул, но кинжал уже пропал под его плащом.

- Сделали!! Воткнули!! Это так!! Победа!! Видал, Маливоргем, как я его...

Но Маливоргема рядом не было.

- Он, наверно, на орбите, прикрывает. Теперь-то я победил?

Но несмотря на смертельный укол, воин не ослабел. Он стремительно рубил врага.

Воблид вдруг понял, что не чувствует шести своих голов – он утратил с ними всякую связь. Более того он не ощущал их сущностей, как будто они окончательно распались.

Надо отступать, решил Воблид. Главное сделано, кинжал использован, а там все само собой делается...

Он поднялся (первой головой) и тут же упал.

- Отходим!!! Отходим...

Из последних сил волновидная голова создала большой вихрь. Шлбэг!!! Воина отбросило шагов на 40.

Воблид втягивал в себя сущности.

- Аппарат!! Аппарат!!

Страшно скрипя, корабль с треугольным сечением оторвался от земли.

Пламя-воин вскочил и увидел ползущего Воблида. Но не успел он сделать и трех шагов, как из-за облаков выскочил зонд и моментально оказался у земли. Из него высунулись

два существа с одинаковыми мордами (биологическая и огненная сущности); они схватили и втянули Воблида со всеми его головами внутрь. Зонд вздрогнул. Исчез.

Пламя-воин не стал его преследовать.

Воблида раздирало на части; все сущности – кроме разве что биологической, самой предусмотрительной – изнывали от страшного беспорядка внутри. Воблиду доводилось сносить удары, но таких жутких повреждений он не испытывал никогда. Он не мог ни пойти, ни сесть. Биологическая сущность бегала от одной головы к другой, спотыкалась, нажимала не те кнопки. Помочь было некому, поскольку огненная сущность сама лежала обессиленная, а роботам Воблид не доверял.

Он искал Маливоргема, но того не было ни на корабле, ни на орбите. Маливоргем пропал.

На самом деле, Малый Змей покинул планету еще в тот момент, когда Воблид кинулся «добивать» пламя-воина. Хитрый, изворотливый Маливоргем почуял новые и неясные волны, испускаемые воином; вероятно, в их основе лежали колебания редких субатомных частиц или нефотонных типов света, также малоизученных. Маливоргем ничего изучать не стал. Он стремительно вернулся к Вор-Юн-Гаку.

- Ящеру опять надавали! По всем головам сразу.

- Это неудивительно, поскольку приятель Воблид напрочь позабыл адекватную тактику.

- Но я тоже не мог справиться с этим... пламя-воином!

Откуда он только берет свою мощь?

- Из материи – проговорил Змей. – При обычном распаде каждый атом теряет за один раз лишь малую, крошечную частицу; для полного исчезновения атома в этом случае требуется время, иногда даже огромное. Атомы могут разваливаться в течение миллиардов лет – в сумме их энергия велика, но безнадежно размазана по времени. Хотя, несомненно – ее можно использовать, или – хотя бы – наблюдать за ее волнами.

- Их еще называют радиоактивность. – сказал Маливоргем. – Это все понятно. Но тот тип имел совсем другой спектр излучений.

- Это потому что он использовал быструю аннигиляцию. Если обычный распад тянется миллионы лет, то быстрый – всего лишь секунды. Также выделяется энергия – но – она не успевает рассеяться и целиком – ну или почти целиком – остается в аннигиляторе. А дальше – естественно – она используется. Вы с приятелем Воблидом уже наблюдали ее возможности.

Другое дело. Что. Я всегда думал, что подобный процесс может происходить лишь в установках космического масштаба. Да. Никак не меньше. А тут. Какой-то недоносок с клинком. Вытворяет вещи совершенно катастрофические. Ты говоришь, что он может пересекать Космос без аппаратуры?

- Да; он способен создавать защиту и от пуль, и от гранат.

Более того! он отбивал заряды с антимагией!

- Это плохо. Если б я не знал вас с Воблидом, то решил бы, что вы просто не умеете стрелять. Однако. Здесь мы столкнулись действительно с редким видом мощи. Такой, что имеет наглость даже сразиться с нами.

- Что Вы говорите, Великий Вор-Юн-Гак!

- Да, как ни противно это осознавать. У нас теперь есть явная помеха. Сквозь бесчисленное пространство я ощущаю поганое влияние жалкого фантазера.

- Но ведь, несмотря на сходство лиц и общих очертаний, пламя-воин не может быть Зергером. Насколько мне известно, Зергер никогда не мог испускать подобных волн.

- Ты совершенно прав, мой приятель Маливоргем. Это был не Зергер, а его... порождение! Зойтомара, так и есть. Зергер сотворил новый образ, который с клинком будет проповедовать его, Зергеровы, идеи. Зойтомара. Обычное оружие его не берет, ты сам видел. А для создания необычных форм оружия порой требуются миллиарды лет.

Этот зергеровский тип станет нам досажать – на дальних рубежах. Вероятно, он уже начал действовать. Проклятье! Что за гнусное, пошлое устройство имеет эта Вселенная – обязательно на пути к великой цели обнаружится какая-нибудь загогулина, мелкая, но принципиальная переступить через которую нельзя, и нужно делать огромную петлю вокруг чтобы ее обогнуть...

Утешает одно: такие создания обычно уникальны, их

нельзя создавать сотнями. Скорее всего, он вообще один во Вселенной.

Но и *одного* слишком много!!

Будь внимателен, Маливоргем.

Следи. Смотри. Не теряй из виду.

Я займусь раскодированием его волн, займусь изучением их природы – необходимо понять, *что* влечет неистребимого пламя-воина.

Ненависть Вор-Юн-Гака разлеталась во все стороны миллионами искр, способных прожечь любой камень. Некоторые попадали на Маливоргема, и тогда он – изворотливый Змей – изо всех сил молчал: не хотел показать Вор-Юн-Гаку, что ему хоть сколько-нибудь больно.

...

Машины Воблида заглохли. Нет больше взрывов, пожаров, широких шрамов на живом лице планеты. Катастрофа, казавшаяся неизбежной, предотвращена; огромная часть живого орнамента погибла, но здесь очень хорошо умеют управлять регенерацией. Каждое живое тело растет, думает, создает – и так пока не перестанет дышать; если кто-то имеет острый недостаток в материале, с ним обязательно поделится более сильные. Через бардово-розовые тяжи здоровые перебрасывали пострадавшим влагу и химическую энергию.

- Полагаю, что многоликий узурпатор еще не скоро остынет от нашей встречи.

Со всех сторон к пламя-воину летели ментальные волны;

в них жители выражали свою радость, восхищение, искреннюю признательность. Пламя-воин не стал слушать долго – он сразу же превратился в луч и помчался в Космос. В представлении жителей он так и остался чудесным огнем, благодетельным и непостижимым.

Пламя-воин ушел так быстро, поскольку услышал скорбь в другом Мире. Кроме того, он очень не любил разговоров, не касающихся серьезного дела напрямую; и совсем он не выносил пустой болтовни.

На предыдущей планете (куда Воблид с Маливоргемом так и не успели проникнуть) морское судно попало в шторм. Не имея парусов, оно двигалось благодаря электрической тяге, создаваемой энергией самого моря. Судно имело форму гантели или арахисового плода. Из-за сбоя в управлении возник вращательный момент. Море тут же его поймало и стало усиливать (вероятно, ему не нравилось, что морскую силу используют посторонние). Вращательный момент стал с огромной скоростью расти, герметические створки не выдержали и на палубы, расположенные внутри корпуса, хлынула вода. При попытке отключить двигатели сгорела вся проводка в рулевом управлении. Двигатели застыли, но руль уже не слушался, вода бушевала. На судне находилось много народа и быть бы им всем на дне, если б не пламя-воин. Едва поймав ментальный сигнал, пламя-воин вошел в тот Мир.

Он избегал контактов с водой (от ее диполей он испытывал внутреннее неудобство), однако спрыгнул прямо в море;

волны изрядно его побросали, пока он вылавливал тонущих. Корабль качался на волнах, но уже не переворачивался. Пламя-воин вынул из-под плаща небольшую пластину, сплошь покрытую микроскопическими горошинами; очевидно, это были микросхемы. Он поместил пластину в блок управления рулем и тот заработал.

- Часов на триста его хватит – сказал пламя-воин.

- А как оно... – промямлил капитан, до этого просто стоявший с открытым ртом. – А как оно движется?...

- Благодаря точным знаниям.

- А оно не ?...

- Не волнуйтесь, я настроил параметры таким образом, чтобы максимально подошло к вашим агрегатам.

- Так мы можем идти?

- Да, безусловно; надеюсь, вы помните маршрут.

Судно вернулось к прежнему курсу. По дороге пламя воин выловил еще несколько лиц. У всех были индивидуальные спасательные средства, и всем удалось продержаться до прихода помощи. Часть спасательных средств имели расширенный функционал, включая портативные двигатели. С ними можно было плыть в открытом море – правда, шторм случился вдали от берегов и туда бы не хватило заряда. Поэтому всем очень повезло, когда их заметил пламя-воин.

Последней он вытащил одну особу, которая пробыла в кипящем море довольно долго и потому очень волновалась. Когда ее уже несли по кораблю, она открыла глаза и увидела

пламя-воина – точнее его руки.

- Ангел!! – завопила она – Ангел пришел!! Конец света!!

Пламя-воин смутился: он перестал ее держать и не будь вокруг других лиц, она бы стукнулась о скользкую палубу. Крик не проходил; более того, поглядеть на «ангела» сбегались и другие особы. Их оказалось чрезвычайно много: пламя-воин и не заметил, как его зажали в кольцо.

Все вскрикивали и причитали:

- Ох, какой был ужас! Какой кошмар! Не приведи Боже пережить еще раз страсть такую – волны, как стоэтажный дом, валятся вниз, и все бурлит, все бурлит! Это ужас! Вы такой герой! А как вас зовут?

- Да, как вас зовут?

- Это неважно – сказал пламя-воин. Он хотел бы уже уйти, но вокруг стояла толпа.

- Нет, скажите обязательно! Или вы от чего-то скрываетесь?

- Вот еще! Ни от чего я ни скрываюсь, просто я считаю, что прославлять себя неуместно, в этом нет необходимости, надо лишь заниматься хорошим делом. А впрочем, меня зовут Зачер Город.

- Зачер Город? Какое странное имя; а что оно означает?

- Это секрет.

- Секрет? Ого! Почему? – зашебетали все. – Что может быть секретного в имени? Откуда вы родом?

- Это тоже – неважно.

Судно уже стояло в порту, но никто не расходился – все напирало на Зачера Города.

- Вы – посланец Бога?

- Нет.

- А чей вы посланец?

- Да ничей же! Я лишь действую в соответствии со своими убеждениями.

- А кто ваш отец, мать?

- Никто, у меня их никогда не было.

- Как это не было? Появление любой вещи невозможно без предысточки.– говорила одна женщина наставительным и даже строгим тоном. Наверное, она была учителем по профессии. –Как же вы возникли на свет – неужто из идеи?

- А почему Вас это так интересует?– довольно резко сказал Зачер Город. – Ну да – я возник из идеи! Неужели это запрещено?

Учительница едва не позеленела – от ужаса.

- Да как же это может быть?! Да вы понимаете что рассказываете?! Вы, с такими возможностями, такой силой, ведете такую деятельность, а сами – даже ничего про себя ничего не знаете. Говорите что вы какой-то город; да ведь город – это совсем другое, это комплекс домов и улиц. А вы говорите такую чушь...

Зачер Город не стал дальше слушать.

- Граждане, прошу извинить, но мне необходимо подняться на орбиту. Корабль доплыл, все кто нужно спасен, и

больше делать нечего.

Он раздвинул женщин и стремительно превратился в луч. Через 5 секунд он уже летел далеко за пределами орбиты. Зачер Город летел и все размышлял о тех, кто внизу; он не сердился, а скорее удивлялся.

- Как чудно с их стороны убеждать меня в незнании меня же! Это необъяснимо. А впрочем, такое встречается повсеместно.

Наверное, спасенные им женщины хотели бы видеть его ангелом, а никак не «городом». Но Зачера Города действительно зовут Зачер Город.

И он возник из идеи – той, что когда-то придумал Зергер, Отец Смерти, который хотел активно бороться со злом, распадом, несправедливостью. Надо бороться и побеждать, поэтому задача Зачера Города – до победы драться с разрушительными силами, какие только есть во Вселенной.

Зачер Город мчится через Космос. Ему неинтересна слава и он даже стесняется, когда слышит слова благодарности. Он не думает о своем предназначении как о высшей цели – ему просто хочется действовать; он борется за жизнь, но создать ее не в силах, он видит и понимает новое, но не умеет много изобретать. Он испытывает радость, когда побеждая зло, помогает хорошим лицам. В этом суть Зачера Города.

Он идет на самое трудное, самое невозможное дело.

Где-то в стороне – не так уж далеко по меркам Космоса – висит аппарат с треугольным сечением, по которому ходят

ящеры на двух ногах, и охают, и охают:

- Никогда еще в моей практике не было таких жутких форм воздействия. Ох. Все сущности словно выжало. Э-х-х. Но материал-то ведь еще остался. Я требую реванша.

Однако Подлый Хитрый Змей по мгновенной связи предостерег Воблида от чрезмерной инициативы.

«Тот, кого вы видели – страшное порождение Зергера. Гораздо хуже его самого. Маливоргем был вынужден уйти, иначе б вас обоих уничтожило вконец. Зойтомара. Не связывайся с ним. Но следы»

- Понял!

- «Займись наблюдением за покоренными Мирами. Как бы этот воин не начал действовать и там. Займись подготовкой кадров. Извлеки всех своих талантливых из «колпака», научи их воевать»

- Понял!

- Все всё поняли, только толку от этого как от... – Вор-Юн-Гак выдохнул столб огня. – Ладно, это все слова. Но мы не должны забывать, мой приятель Маливоргем, что быстрая аннигиляция вероятна лишь в случае предварительной обработки разлагаемого материала. Неважно, что распадается – земля, вода, камень – энергия выплескивается из всего, но. Это все. Нужно довести до того состояния. При котором возможна сама аннигиляция. Теоретический расчет говорит, что для подготовки аннигиляционного материала требуется чуть ли не галактический год, причем общая масса не играет

особой роли. Понятно, что у творения Зергера тот процесс резко ускорен. Зойтомара. Но – если он превращает быстрее – то, по всей видимости – он и быстрее изнашивается.

- Его требуется вымотать! – догадался Маливоргем. – Зергеровский пламя-воин... его еще почему-то называют Зачер Город... должен оказаться в условиях, где его будут бить настолько плотно, что он не успеет восстановиться. Должен же он делать перерывы, чтоб аккумулировать новую эту...

- Разумно. Как раз на примете у меня есть один такой район – где все планеты заполнены сплошь продажным отребьем. Они готовы драться везде, плати только денежки. И таких там миллионы. И они – это самое приятное – не смогут мне отказать.

- Посмотрите куда он идет.

Автомат выдал:

- Объект слежения идет как раз в упомянутый вами сектор, о Великий Вор-Юн-Гак.

Хитрый Змей вытянулся в струну.

- Хорошо, что мы так умны, Маливоргем. Мы способны сделать все – даже ничего не делая.

Зачер Город приближался к окраине неизвестной ему звездной системы. Почти все планеты не имели здесь оформленной литосферы и состояли в основном из низкомолекулярных соединений углерода, азота, серы. Их поверхность переливалась смесью холодных и теплых оттенков, плавно переходящих друг в друга; разноцветные облака плывут

над несуществующей землей, завораживают, заколдовывают. Высок уровень космического шума.

Среди планет много исполинов. В глубине системы есть голубой газовый гигант, с несколькими спутниками, чья поверхность открыта звездной бездне.

Все спутники пусты за исключением одного. Там также отсутствовала атмосфера и естественная жизнь, однако в течение уже долгого времени на нем располагалась крупная база. Она спрятана в складках горных пород, укрепленных каркасом, в пещерах, тянется вдоль серых равнин, проходя по идеально правильным, словно выдолбленным каналам. Вероятно, раньше здесь проводили добычу сырья, но оно давно уже израсходовано.

База была военная, но не имела флага и не принадлежала ни к какому государству. Все ее население состояло из однотипных существ, занятие которых так или иначе связано с войной. Врагов они не имели, но представляли свои услуги самым разным правительствам – если удавалось договориться в цене. Группами и поодиночке, они нанимались исполнять самые сложные предприятия.

Взрывать. Захватывать. Стрелять. Высматривать.

Стоять в обороне, служить в качестве личной охраны. Сокрушать любого соперника.

Если у правителя нет достаточно войск, но есть деньги на войну и на космические перелеты, он может отправить сюда запрос, чаще всего при помощи управляемых зондов.

Живых сюда не слали, поскольку вокруг спутника сложился крайне мощный радиационный фон, исходящий от изотопов кремния. Этот фон, по всей видимости, создавался искусственно, поскольку у других планет и спутников уровень свечения гораздо ниже; на базе не хотели, чтоб их тревожили чужестранцы. Это предельно закрытое общество, хотя о его услугах известно во многих Средних Мирах.

Запрос рассматривается верховным руководством: генералы анализируют объем и тип военных услуг, поданных в запросе, и – если их устраивает размер платы – поступает приказ командирам готовить наемные подразделения соответствующего профиля. Про них говорят, что это лучшие войска в космосе: они дерутся до конца и абсолютно не боятся смерти – им просто неизвестно само понятие «смерть».

Наемники воюют хорошо, но и они порой несут потери, иногда весьма существенные. Медицины у них нет – раненые вынуждены заделывать сами себя, а тяжелораненых никто даже не привозит. Восполнение потерь, а также набор резервов осуществляется здесь с помощью странного прибора, назначение которого – изготавливать копии. С учетом того, что тела наемников имеют кремниевую основу, им не требуется белков и других живых молекул. Воспроизводство идет весьма быстро – сначала сканируется структура, а потом создается ее копия – с возможными изменениями.

Не копируется лишь сознание, его требуется воспитывать.

- У командира Д-и перебило весь отряд, причем не только пехоту, с их мокрыми касками, но даже разведгруппу. Не понимаю, как можно потерять целое подразделение разведки, ведь там собраны исключительно высококвалифицированные агенты? Неужели они не сообразили, что в условиях полного окружения нельзя атаковать в лоб, а надо скрытно, малыми силами?

Генерал С-ж до предела разводил руки, чтобы воочию показать насколько командир Д-и некомпетентен.

- Еще бы. Он бандит. Умеет грабить и убивать, вероятно, умеет обманывать – но спланировать тактику не в состоянии. Да и рекрутов своих он воспитывает как типичных бандитов. Им бы только резать. – адъютант нажал кнопку. – А вот он, кстати.

От командира Д-и прибыл потрепанного вида субъект – «типичный бандит»: без выправки, без ловкости, с переломанной рукой. Он протянул кремниевую карту. На базе все пользовались такими картами в качестве переносчика информации.

- Что? Он требует не только возмещения, но и – расширения? Однако. Это... изрядная наглость со стороны Д-и: он не умеет сносно руководить даже ротой, а хочет получить полк! А если и его разобьют вдреизг?

- Вероятно, он хочет подзаработать.

- Какое подзаработать!! Вы, генерал, забыли, из чего складывается основной доход. До операции платят лишь началь-

ный взнос – да, он большой, но ведь основные-то средства мы добываем уже после того, как сделано дела. Последующая плата идет только полноценным воинам. А если их разнесут в самом начале – при таком-то командире – что мы тогда получим сверху? А?

- Сегодня господин Ю-х руководит воспроизведением. Что скажете, генерал Ю-х. Удовлетворить просьбу? Или оставить Д-и наедине с оружием? Тогда его надо будет приписать под чье-то руководство.

Ю-х поскреб лысину.

- Кому он нужен. Ладно. Тащите этого «бандита» к Умножителю структур.

Адъютант нажал на кнопку. Со страшным скрежетом распахнулись двери, ведущие в зал Воспроизводства. Согласно распорядку, они всегда закрыты, и открываются лишь по приказу лица с чином не ниже генеральского.

Дежурные (офицеры) осмотрели солдата от Д-и и толкнули внутрь.

- Чего смотришь? Лезь!

Бандит прошел в центральную часть Умножителя, состоявшую из одних экранов. Со всех стороны его тело пронзили сканирующие элементы, считывая подробности его структуры, они воссоздавали модель в цифровом виде. Эта информация поступала в синтетический цех, где воссоздавались уже полноценные объекты. В качестве главного материала использовались соединения кремния.

Бандит еще не добрал до выхода, а из блока конечной обработки, выезжали его копии, собранные попарно. Они были точь-в-точь идентичны той структуре, что сканировал прибор, но ковыляли гораздо больше.

- Тренироваться! Тренироваться! – напутствовал их дежурный офицер, надраенный до блеска.

- Да. Это полезно – подтвердил другой офицер, более старший.

Колонны новых наемников двинулись в сторону корпуса.

Генерал Ю-х, глядя на возглавлявшего их «бандита», по селектору сообщил.

- Просьба господина Д-и принять материал и получше его... обучить.

- А не то придется Д-и самого в умножитель запихивать – добавил он, уже отключив микрофоны. – В конце концов, агенты с бандитским мышлением тоже необходимы.

- А это не вредно – облучать свою кастрюлю? – сказал генерал И-д. – Материал же головной портится. Он совсем тупым станет, тот, кто туда лезет.

- Тупость – это непреходящее! – отмахнулся Ю-х.

- Да, но от облучения формируются ненужные ионы. А есть способ снизить их уровень?

- Нет.

- Плохо.

«Бандит» довел рекрутов, а после, сел прямо под стенами подземного корпуса, опустошенный. Его сознание выра-

батывало лишь примитивные образы, явно не соответствующие его мощи. Под собой он нащупал кусок стали толщиной в палец. Сталь была хромированная.

«Бандит» поднатужился и сломал кусок надвое, а потом еще раз и еще. Сделав так, он ощутил внутренней удовлетворение.

Часто лазить в Умножитель безусловно вредно. Но хитрый генерал Ю-х никогда не скажет всей правды. Лично он создавал свои копии исключительно после того, как принимал особые ионопротекторы, снижающие опасность мозгового облучения. Благодаря ионопротекторам, его ум повреждался гораздо меньше, однако Ю-х не торопится сообщать о них другим генералам. Он очень ценит свои секреты.

Ю-х был в курсе абсолютно всех событий, что происходили на поверхности спутника и даже над ним; недоступной для его глаз была только маленькая комнатка без окон, расположенная под самым куполом Верховного Штаба. Ее стены покрыты черным материалом, поверх которого идет тонкий серебряный рисунок. Он показывает основные звездные системы, из числа известных, а также маршруты между ними. Под потолком висят лампы, работающие в четверть силы, и поэтому внутри всегда полумрак.

В этой комнате располагался атаман – верховный начальник всех наемников, всех их сил.

Когда б ни заходили, атаман сидел на циновке, инкрустированной упрочненным золотом. У него было толстое, ши-

рокое тело и такие же толстые руки, увенчанные непропорционально маленькими кулачками. Его лицо хранило значительность и всегда было неподвижно

К нему тянутся многочисленные провода и автоматические переносчики.

Генерал Ж-ц, занимавшийся вопросами кадров и ресурсов, регулярно ходил к нему с докладом. Ж-ц был очень опытен и хитер, но каждый раз перед входом в комнату, покрытую черными плитами, он испытывает волнение. Что скажет атаман?

Ж-ц входит, делает полупоклон, начинает докладывать. У атамана работает особая аппаратура, различающая тексты; едва она слышит название планеты, или другую секретную информацию, она тут же издает сигнал «ззз!», чтоб никто не мог подслушать стратегических планов.

- В Море («ззз!») для полной победы требуется 100 тысяч воинов, из них 20 тысяч, способных водить бронированные машины. Платить будут по 5 больших единиц золота за каждого – это если в месяц; в год будет («ззз!»). Господин, в том мире еще требуются наводчики, мы пока раздумываем.

- Дать – беззвучно приказал атаман.

- Слушаюсь! А вот на операции в земле («ззз!») случилась небольшая заминка с истребителями. Они сгорели. Пилоты – или разбились или их взяла («ззз!»). В связи с этим правительство-заказчик просят помощи в поставке новых резервов. Не менее двухсот штук.

- Не давать.

- Но в том Море у нас есть острые интересы по линии полезных приборов...

- Не давать.

- Так точно! Пусть сами выкарабкаются! Господин, на планете («ззз!») нам удалось достаточно хорошо подкачаться гелием. Ваша мудрость бесподобна...

Атаман не двигал лицом.

- Еще – что?

- Еще? Все... так точно – все? Нет ли каких пожеланий по работе автоматических систем обслуживания? – Ж-ц согнулся.

- Нет.

- Слушаюсь! Разрешите идти?

- Идите.

- Слушаюсь!

Ж-ц убегает.

Атаман по-прежнему неподвижен.

Уже много лет он сидит в комнате, покрытой черным материалом (еще ее называют «комната Координации»), и никто, даже старейшие из генералов, не может вспомнить, когда же атаман выходил из нее в последний раз, и выходил ли вообще. Некоторые со временем начинали подозревать, что атаман несколько чудноват, но никто даже подумать не мог, чтоб говорить об этом вслух. И писать об этом нельзя. Ведь из «комнаты Координации» видно абсолютно все, что

происходит на базе. Кроме того, атаман имел официальное право казнить любого за неподчинение. Генералы тоже могли казнить, но лишь рядовых; на офицеров они могли составить донос, чтоб потом, через десятки кодирований, доставить в «комнату Координации» свои письменные рассуждения о чужих слабостях.

Но атаман уже давно ничего не читал. Он лишь одобрял или не одобрял представленные генералитетом планы – с помощью нескольких слов или дистанционно, благодаря скрытой связи («Координации»); иногда отдавал приказы – где наступать и какими силами.

В целом его текущий вид вполне устраивал генералов.

- Верховному руководителю следует быть солидным и непоколебимым, как скала. Слава мудрому атаману!

Но в незапамятные времена атаман сильно отличался от нынешнего состояния. Он был очень разговорчив; ругался не переставая. Он любил гонять на летательных объектах, особенно на тяжелых бомбардировщиках, и с высоты он любил «рассылать приветы». Приветам он называл бомбы – их страшная мощь всегда находила свои цели, даже под землей, даже в дыму. Атаман никогда не промахивался; его мелкие ладони нажимали на кнопку в самый нужный момент, не опаздывая и не торопясь ни на секунду.

Во время одной из операций, уже после победы, местный правитель пригласил уважаемого соратника на охоту, в заповедный лес с массой дичи. Атаман согласился, т.к. очень

любил стрелять и был очень тщеславен; он обожал демонстрировать всем свое превосходство.

Но правитель тоже превосходно стрелял; из-за этого едва не вышел скандал. Правитель, глядя на атамана сверху вниз (он был очень высокий), добродушно объявил, что позволяет достопочтимому гостю первые полчаса стрелять в одиночестве, поскольку свою «сотку» (т.е. сто убитых зверей) он настреляет в любые полчаса.

Атаман, кривясь лицом, сообщил, что выбьет сотку и за двадцать минут, а свои любезности достопочтимый правитель пусть оставит себе. Правитель презрительно плюнул, атаман тоже плюнул и достал тесак. У правителя тоже имелся тесак. Атаман посоветовал ему не «порезаться зубочисткой». Правитель вспыхнул, но его слова остались неслышны. Атаман попросил повторить – правитель, зная силу наемных войск, процедил, что незачем терять зря время и пора бы уж начать. Атаман согласился.

В качестве дичи были копытные – создания вроде оленей, стройные, легкие. В прыжке каждый из них словно парил и парил стремительно, на десятки шагов. Их рога напоминали ветви, сложенные в форме дивных узоров, и на теле тоже был узор. Это были очень красивые, грациозные животные. Однако правитель, атаман и все остальные пришли в заповедный лес не ради красоты, а чтоб охотиться. Чтоб похвастаться друг перед другом.

Через 10 минут правитель настрелял 49 животных, ата-

ман – 50, через 18 минут – 60 и 97. Никто не смотрел на возраст зверей, не слышал их крика. Все думали лишь о счете. Атаман стрелял очень часто, ему ужасно хотелось «обогреть» правителя. Больше, больше, чаще! Истекла 18 минута. До сотни оставалось всего три зверя, но к тому моменту весь лес, казалось, пришел в полное запустение. Целую минуту атаман проходил, не сделав ни выстрела – вокруг лежали тела убитых оленей, а живые все пропали. Вдалеке еще можно было слышать слабый шорох от прячущихся грызунов и птиц, недостойных атаманской пули. Вот пошла двадцатая минута; вот уже ее половина, вот три четверти; атаман метался по затихшему лесу и внутренне бушевал.

До конца 20-й минут осталось всего 9 секунд. Атаман громко икнул и помчался сквозь заросли не глядя. За 6 секунд до конца он влетел прямо в правителя; тот, застыв, глядел на освещенную площадку, за которой уже не видно было деревьев – в этом месте шел крутой склон, под которым снова был лес.

Перед обрывом, в желтом сиянии стояли три маленькие фигурки с узорами над головой. Это были совсем юные особи, вероятно, даже больше дети. Им почти удалось уйти; но у правителя и атамана было еще целых 3 секунды.

Моментально грохнули три пары залпов. Фигурки вскрикнули и пропали. Их больше не видно.

Только обрыв стоит.

Атаман и правитель стреляли одновременно, и неясно бы-

ло, кто из них попал. Вероятно, оба попали; однако атаман сразу же объявил, что «те три штуки – тоже его» и нет повода сомневаться в его выигрыше. Правитель резонно заметил, что сперва следовало бы посмотреть на дичь. Атаман пришел в ярость – выхватил тесак и пару раз махнул возле самой головы правителя. Потом он вогнал лезвие в ствол (по самую рукоять), и сказал, что, в общем, на дичь стоит посмотреть. Ему нестерпимо было думать о том, что он «проиграл».

На склоне тел не оказались – очевидно, они упали прямо в чашу. Склон был очень крутой, под 90 градусов, весь покрытый породой с острыми ребристыми краями и довольно-таки длинный. До верхушек самых высоких деревьев было шагов сто.

Правитель предложил послать слуг – атаман выругался и заявил, что сам установит «кто попал, а кто – слепой». Он согнулся перед обрывом, перекинул одну ногу, другую и полез.

Края склона резали довольно неприятно. Тогда атаман с силой оттолкнулся и полетел прямо на заросли. Его материал был достаточно прочен, чтоб выдержать столкновения с деревом на такой высоте. Атаман рухнул в заросли: наверху свистел ветер, а внизу из всех сил били зеленые плети, хлестали нещадно. Атаман не замечал. Он ударился оземь, перевернулся, посмотрел – ветви сходились настолько плотно, что полностью скрывали небосвод.

Атаман опять открыл рот – ругательство не получилось.

Он хотел подняться, но потом передумал и пополз, оглядываясь.

Он искал убитых оленей, с орнаментами на голове; но повсюду были только заросли, словно лес проглотил несчастных жертв и не хотел отдавать их ни атаману, ни правителю, ни кому-либо другому. Заросли все гуще, гуще.

Атаман искал, не догадываясь, что *его* уже нашли.

Мелкий предмет – кибернетическое тело, размером не больше песчинки – обнаружил атамана еще задолго до той операции, после которой началась охота. Предмет соткан из тончайших волокон, а внутри него сидит искусственная сущность, управляемая своим хозяином. Этот хозяин был никто иной как Вор-Юн-Гак, Хитрый Подлый Змей; он давно приметил brave атамана и решил, что командир наемников будет гораздо эффективнее, если будет выполнять его, Змеиные инструкции. Он всего две или три секунды контактировал с атаманом; после этого атаман ткнулся головой в живот и стал дрожать.

Наверху уже беспокоились.

- Господин верховный! Господин верховный! Посылать на поиск, что ли? Может, он что-нибудь повредил?

- Снизу он передавал, что все нормально. Не сейте панику.

- Да вон он!

Атаман стоял на другом краю склона. Непонятно, как он мог преодолеть такое большое расстояние столь быстро; никто не видел даже, как он поднимался. Он просто возник и

все.

Правитель поспешил выразить свое восхищение стрельбой и ловкостью атамана, но тот лишь вертел кулаками. Потом он велел собрать все заработанное и сворачиваться; правитель изъявил желание сотрудничать и дальше; атаман молчал. Он стал вдруг очень собранным, словно сдавленным изнутри.

Часть добычи он велел отправить в мир с непонятными координатами; там орудовали чудища – прихвостни Вор-Юн-Гака, посланные им собирать полезный продукт у доверчивых и богатых.

После возвращения на базу, атаман залез в свою комнату, и уж больше не выходил оттуда. Он прирос к золотой циновке. Управлял ли им Хитрый Змей издалека или сам атаман настолько проникся идеями Змея, что забыл все остальное – неизвестно; выяснить, что творится в атамановой голове, не смог бы даже старый ловкий Ю-х, а ведь его специальность – шпионаж. Он способен выведывать любые тайны, может своровать секреты из-под стоуровневой охраны. Правда, ему и его адептам далеко до талантов Вор-Юн-Гака, а кроме того, для работы им нужна большая аппаратура. Ее добывают различными путями в тех мирах, где проводятся операции; попросту говоря, наемники присваивают себе чужую технику. Создать свою они не могут за неимением технологической базы, к тому же, ни у кого из них нет ни малейшей тяги к исследованиям и опытам. Умножитель структур через

третьи руки им подарил Хитрый Змей.

Наемники не имеют большого разнообразия талантов. Но в мастерстве войны они преуспели ничуть не меньше чем Воблид; более того – благодаря четкой организации и многофункциональной ориентации боевые группировки наемников могут побеждать в любой ситуации. Почти в любой.

Иногда с ними происходят странные вещи.

...Один хозяин жил в большом поместье, куда входили поля, озера, реки, даже целые материки. Он имел огромную челядь, состоящую из живых и очень красивых существ, которым он ни на грош не верил. Он подозревал, что слуги лишь внешне кажутся покорными и работающими, а на самом деле – мечтают его ограбить. Хозяину требовалась надежная охрана, но поскольку в своем мире он никому не доверял, то пришлось послать просьбу в сторону голубого гиганта, на базу наемников.

На базе генералы посоветовались и решили: дать охрану. При этом они выставили цену, равную четверти доходов всей планеты. Но хозяин был очень богат.

Главным достоянием той планеты была красота ее жителей. В каждой области Космоса есть свои представления о красоте, однако всякий, кто посещал тот мир, признавал удивительную гармоничность и плавность тел ее обитателей. Правда, их жизнь нельзя было назвать гармоничной: хозяин, владевший почти всем миром, считал себя вправе относиться ко всем как к вещам и делал с ними что вздумается.

Мог запросто убить; ему казалось, что насилием он предотвращает возможные беспорядки, а кроме того, хозяин видел в этом нечто увлекательное.

Его дети были такие же – подозрительные и драчливые; разве что самая младшая дочь не имела еще склонности всех подозревать, она просто так хулиганила.

Поэтому главной задачей наемников было не допустить бунта.

Обвешанные автоматами и лазерами, они ступили на поверхность планеты, заняли все материки. Страх сковал жителей; им казалось, что хозяин взял на службу рыцарей из преисподней – у наемников для здешних мест была слишком необычная внешность. Поэтому никто даже посмотреть на них не мог.

- Думаю, дело здесь будет легкое – сказал командир-наемник. – Местные ничего не смогут нам сделать. У них даже нет ручных лазеров.

Команда согласилась:

- Да, у них ничего этого нет. Они не в состоянии добыть себе приличные пушки. Болваны.

Хозяин был очень доволен: он получил лучшую на свете охрану. На это нужно было тратить много средств, но чего не сделаешь для спокойствия. Это чувство хозяин ценил превыше всего – наряду с деньгами.

Наемники рассредоточились по планете и нельзя сказать, что они осуществляли активные действия. Происшествий не

было никаких, все боялись кремниевых исполинов.

Но однажды младшая дочь хозяина – та, что хулиганила просто так – устроила хорошую суматоху. Началось с того, что она сообщила, будто ночью к ней приходил «жутик в светящей маске» и сказал, что нехорошо бить сограждан. Еще он посоветовал ей побольше думать. На вопрос, как выглядел этот «жутик», девчонка лишь топала ножкой и корчила рожицы. Она сама его не разглядела.

Хозяин срочно созвал всех командиров наемников на совет – потому что испугался. Он вообразил, что некие враги хотят убить его через дочь.

- Что это еще за жутик? Что это такое? Из чего он состоит и зачем к нам притащился?! – кричал хозяин.

Дочь отвечала просто: жутик и жутик, а больше ничего.

Отец требовал ото всех объяснить ему, что же, в конце концов, видела его дочь.

Но наемники не умели анализировать прошедшие сны, и не умели моделировать. Они умели воевать.

Один офицер, разведчик, сделал предположение, что никакого «жутика» не существует, а просто к ним – странным образом – проник шпион-пропагандист. Вероятно, шпион ошибся и принялся воздействовать не на тех, кого следовало; но все же часть информации он выдал.

Однако аппаратура наемников не зарегистрировала никаких возмущений – вероятно, они были вне диапазона ее чувствительности. Следовательно, заключил разведчик, у шпи-

она была очень хитрая маскировка.

Хозяин завопил: разыскать, поймать, найти! Наемники перетряхнули все континенты, облазили все дома, но «жутика» не обнаружили. Вместо него они нашли много лиц, чье поведение можно было истолковать как подготовку к бунту. Местные жители, несмотря на тяжелые условия, шили красивые наряды, изготавливали разнообразные предметы быта, сочиняли. Все это они, как правило, делали коллективно, а хозяин всегда подозревал, что в тесной группе зреют самые злые заговоры. Теперь же он просто взбесился.

- Бунтовать решили?! Против кого?! Против меня!! адоры создания, да я в вас, да я к вам... разберитесь с ними, господа.

- Завтра всех вас уничтожат – скучным голосом казал командир-наемник.

Все жителей согнали на огромное поле, которое наемники со всех сторон окружили минами и боевыми установками. Убежать было нельзя – охрана открывала огонь из лазеров. Хозяин очень суетился.

Ночью в небе видели яркую бело-голубую звезду, испускавшую необычные волны. Аппаратура наемников портилась из-за этих волн, даже при малейшем контакте. Наемники злились, ведь они практически не умеют ничего чинить. Командиры дали приказ усилить охрану приговоренных и быть начеку.

Все, кто стоял на поле, видели, как от звезды шло посто-

янное мерцание с меняющейся частотой, словно звезда передавала сигналы. Она прошла по небосклону и погасла – совсем недалеко от земли. Многие чувствовали, что произойдет нечто неотвратимое, и плакали.

Прошла невыносимая ночь. Наступило утро. В свете его первых лучей выяснилось – поле больше никто не охраняет. Все наемники, составлявшие оцепление, испарились как по волшебству; мины и боевые установки также либо пропали, либо валялись разрушенные. Жители были свободны.

Командир-наемник велел срочно связаться с базой, но связь не работала; еще через 5 минут выяснилось, что корабли, доставившие наемников в этот мир, разнесло взрывом.

Когда же наступил день, на планете уже не было ни одного наемника. Все они *куда-то* делись.

(Этот случай нельзя назвать провалом, поскольку за время службы наемники заработали здесь весьма много, а это считается их основной задачей)

Тем временем на базе шла активная подготовка. У генералов были огромные планы по организации новых операций, суливших выгоды поистине фантастические. Предполагалась временно не принимать заказов, а всем вместе – всеми силами – осуществить бросок на ряд перспективных миров. В ходе этого планировалось не только получить непосредственно сами богатства, но и провести показательные акции – захват заложников, массовые бомбежки, иное запугивание. Наемники и раньше не отличались миролюбием, а

теперь их и вовсе распирало от злости. Но в чем причина такого озлобления? Она проста: Маливоргем – через атамана – намекнул генералам о том, что им могут угрожать. Он не сказал, как и кто именно, он всего лишь намекнул. Однако генералов охватила такая ярость и боевой задор, что они решили немедленно «устранить всякую угрозу». Решили единогласно, все, даже старых хитрый Ю-х согласился. Что может быть важнее безопасности?

В короткий срок была создана огромная военная группировка, способная обратить небольшую планету в прах своей огневой мощью. Основу механизированных корпусов составляли броневики, самоходные пушки и моностреги – аппараты, способные, как к дальнему полету, так и к бою на земле. При посадке из специальных пазов выдвигались подвижные элементы с тремя степенями свободы («ноги»), а сам корпус трансформировался так, что кабина пилота оказывалась наверху. Но большой нужды в пилоте нет. Монострег – автономный аппарат. Моностреги могут сами – стрелять и бегать, их можно использовать и в пехоте, и в разведке, как настоящих бойцов. Наемники очень гордятся этими аппаратами. Нигде в Космосе нет еще ничего похожего.

В экстазе от будущих грандиозных дел генералы носились почти подпрыгивая. Им очень хотелось начать поскорее. Но для начала такой операции нужен личный приказ атамана, а он все не поступал.

- Верховный мудр и великолепен, он просчитывает лю-

бую мелочь всякий раз... Но сколько можно ждать? Это даже вредно для аппаратуры – стоять на месте.

- Вредно, да. Ну и что? От меня-то вы что требуете, господа?

- Господин Ж-ц, а почему бы Вам не сходить к верховному? Ненавязчиво так...

- Намекнуть? А Вы знаете, куда он нас всех отправит, с этими намеками? Так что не говорите глупостей.

- Да не намекнуть, а просто... сообщить: дескать, разрешите доложить, войска полностью готовы, ждем лишь Вашего указания.

- Вы же знаете, атаман не любит разговоров, не им начатых. И потом, как я к нему пойду без вызова? Это же невозможно. Приказ гласит: на доклад к верховному являться только по вызову. В конце концов, вы же тоже не приветствуете чрезмерную прыть своих подчиненных.

- Да, копошиться вредно. Надо подождать.

Шли минуты, часы и сутки – приказа не было.

- Атаман мудр, мудр, мудр... Он велик, велик, велик... Но нельзя же так сильно испытывать наше терпение. Оно и без того испытано в бесчисленных боях.

- Может, надо спросить визу?

- Какую визу?

- Элементарную. Виза – символ, печать, заверяющий знак, который в цифровом виде передается по связи для утверждения нашего плана. Он же уже послан Верховному, верно?

Значит, не нужно ждать официального приказа, всей этой долгой писанины, а надо лишь получить визу. Это быстро, как свет.

- Быстро, вы правы. Но атаман почему-то все еще не заверил наших планов. Неужели нашел в них изъян?

- Навряд ли. Мы же не ослы, господа. Придаться можно к любой незначущей мелочи, однако смысл от этого не меняется. Все совершенно четко – как, когда и какие силы вводить в дело, какие части держать в резерве, какими атаковать. Все выверено до последней секунды, до последнего патрона.

- Я думаю, Верховный скоро одобрит...

В нетерпении войска выпускали в космос снаряды по проходящим вдалеке маленьким астероидам – тренировались бить по летящей цели с дальней дистанции. Астероиды разносило в клочья, в пыль; правда, некоторые проходили мимо, не задетые. Промахи заставляли всех – и солдат, и генералов – жутко нервничать и ругаться не стесняясь.

Командиры наемников били своих наводчиков титановыми касками – те отважно терпели.

Все ожидали приказа.

- Ну что – есть? Наступаем?

- Ну что – нет! Остаемся! Приказ не активирован. Нужна виза? А где она? Вы ее видите? Я тоже. Без визы невозможно начинать – или вы хотите, чтоб вас... Поэтому ждем.

Генералы тряслись и подпрыгивали. Они настолько были взвинчены ожиданием, что даже стали высказывать вслух

нечто запрещенное.

- Слушайте, а может атаман... не в себе. Может ему требуется физическая помощь? Надо войти в комнату Координации.

- Как вы туда пойдете – это же запрещено.

- Надо придумать предлог. Послать ему сообщение.

- Какое? О чем?

- Ну, например, о том, что произошла авария в энергоблоках и сейчас все взорвемся. О том, что метеорит размером с гору летит на нас. Что доход утроился. Да о чем угодно. Важно только обратиться.

Генералы хором заговорили:

- Да, пожалуй.

- Да, безусловно.

- Да, именно это я всегда имел в виду.

- Все согласны, господа? – спросил Ю-х. – Все? Превосходно. Я тоже согласен. Значит, активируем прямую линию с комнатой и говорим, говорим...

- Да это неважно, что говорить – главное, начать.

- Но где же сигнал, господа?

Сигнала активации не было.

- Опять трещина в проводке? Идиотизм! Я говорил, давно пора заменить те старинные волокна на более устойчивые к излучению...

- Что же – все это время мы не имели связи с Верховным?!

- Чьи-то головы отвалятся. Срочно!!! Послать отряд

для... ремонта. Господин генерал Ж-ц! это ваше дело.

- Но кто умеет ремонтировать?

Ж-ц убегает.

- Господа! Я запускаю обычную связь – связь со своей батареей. Ничего!

Генерал давил на кнопки портативного компьютера, но тот лишь потрескивал.

В генеральский зал ввалилась толпа офицеров. Они загалдели:

- Господа! Отключена система наведения! Отключено управление ракетами! Вся цифровая аппаратура вырубилась!

- Что – вся?!

- Не вся, но основанная на скором сигнале. Работает лишь простое электричество.

- Тихо! Тихо, господа!

В разреженной атмосфере зала едва улавливались слабые-слабые колебания и звуки. Шум исходил из той части базы, где располагались ангары с летательными аппаратами.

- Обвал породы, что ли?

- Связь! Связь! Наладьте же связь! Хоть по медному кабелю!

Появился генерал Ж-ц - руки его тряслись, голова дергалась как маятник, и весь вид его был крайне ошеломленный; пальцы левой рукой он сжимал и разжимал, словно хотел кого-то схватить.

- Ж-ц! Так что – будет связь?

- Господа!... Отряд для ремонта... накрылся. Всех их... разрезало. Я не знаю, что произошло, я лишь услышал выстрелы, крики – и все.

- Вы можете сказать толком? Кто стрелял? В кого? Верховный перебил ремонтеров, что ли? Так этого можно было ожидать – для него сидеть без связи, это...

- Господа! Я кого-то видел... Он возник и тут же исчез – весь в белой пламени, словно фосфор... ремонтеры открыли огонь, но их – прямо так! (он показывал рукой) так! Просто надвое!

- Вы бредите?

В этот момент в зале сверкнул яркий столб – белый в центре, исходящий бело-голубыми и синими лучами. Все остолбенели – со стороны стены, за которой был потайной ход в комнату Координации, возникла высокая тонкая фигура. На ней был синий плащ, но он тут же исчез. Это Зачер Город.

Его лицо неподвижно, но генералы отчетливо слышали его слова, проникающие в их голову с помощью ментальных волн.

Зачер Город говорил:

- Волноваться не стоит. Я лишь уничтожил систему, раздававшую подлые приказы. Вашего атамана больше нет. Впрочем, его нет уже давно, а то, чему вы подчинялись, была лишь его имитация, фальшивый образ, технически оснащенный. Через него вы получали извне указания грабить и

уничтожать. Однако, вы охотно следовали этим указаниям.

- Да разберитесь же с ним, наконец!! - заорал Ю-х.

Несколько офицеров бросились было на Зачера Города – он мигнул, и все покатились кубарем. Их словно сдавило.

Один наемник выхватил лазер, выпустил длинную струю – в руке Зачера Города возник клинок, рукоятка которого росла словно сама собой и крайне быстро. Поэтому клинок похож на молнию.

Лазер больше не стреляет.

«Вывести корабли в Космос!!» подумал Ю-х.

- Ваши аппараты не взлетят. – сказал Зачер Город. – Я нейтрализовал блоки, занятые подзарядкой ваших космодвигателей. Я вовсе не собирался уничтожить их целиком, однако ваши начали бить вверх, лопнул свод и порода обвалилась. Вы сами виноваты. В течение долгого времени вы занимались разрушением с целью лишь подзаработать – следовательно, вы еще недостойны полетов через космос.

До наемников доходит, что привычное существование стало невозможным. Но наемники не могут измениться.

Все – и солдаты, и генералы – открывают дикую пальбу; стреляют и в сторону стены, которая уже не ведет к комнате Координации. Возникает жуткий грохот.

Но Зачер Город уже покинул базу.

Его бело-голубой луч уходил прочь из этой части космоса – к другим неизведанным мирам, туда, где требуется помощь.

- Маливоргем – прошипел Вор-Юн-Гак, – этого оставлять нельзя. Бросай все. Лети туда. Подбери все, что там осталось. Мы не можем допустить, чтоб такой ценный материал – и боевые аппараты, да и наемники тоже – развалился от простого идиотизма. Я не Ничтов!

«Зачер Город – страшный тип! – думал Маливоргем, несясь по Вселенной. – Как мы смогли допустить его проникновение в комнату Координации? Ах! Ведь великий Вор-Юн-Гак сам приказал обложить ее таким материалом, сквозь который не проходит излучение. Он оставил лишь проводную связь – а она накрылась. Скверно»

Маливоргем – стремительный Змей, но база наемников была сильно удалена от Мира Вор-Юн-Гака. Требовалось огромное количество энергии, чтобы, многократно превышая скорость света, пронзить это пространство, да еще при этом не промахнуться. Из-за сильного свето-волнового давления система с газовыми гигантами меняла свои координаты чаще, чем другие системы.

Маливоргем мчался быстро, но медленнее, чем мог бы: ему приходилось тянуть за собой огромный корабль-ангар, с автоматами на борту, предназначенный для эвакуации боевой мощи наемников – той, что отыщется. От напряжения Маливоргема трясло; из его бело-золотых глаз градом сыпались античастицы, хвост полыхал открытой плазмой – он очень торопился. Вдобавок, его подгонял Хитрый Змей.

Маливоргем достиг голубого гиганта, когда на спутнике с

базой прошел один местный месяц.

Маливоргем кружил по орбите – никак не мог обнаружить, где находится вход в базу, и где зона вылета ее кораблей. Наконец он разглядел разлом в горе – маленькую, узкую щелочку.

В нее ринулась стая автоматов-разведчиков, снабженных картами базы.

«Вижу крупные разломы в горных породах. Высок уровень свечения изотопов кремния и свинца. Заявленных объектов не различаю»

«На месте корпусов – сплошные завалы»

«Колебания подвижных тел не регистрируются. Подвижные тела не регистрируются»

«Наблюдаю повреждения, нанесенные холодной плазмой. Повреждения имеют форму разрезов. Глубину разрезов установить не удастся».

- Он что – всех перебил? Или они сами себя перестукали? Нет, понятно, он – это **он**, но они-то себя – с чего вдруг? Свихнулись, что ли, все? Или **он** на них воздействовал? – бормотал Маливоргем. – Проклятье! Я все меньше могу понять его слабость!

Автоматы смотрели и передавали:

«Подвижные тела не регистрируются». «Подвижные тела не регистрируются»

- Ищите корабли! Осталось же там хоть что-нибудь... полезное!!

Автоматы передали, что вход в отсек с монострегами завален, но часть аппаратов не имеет видимых повреждений.

«Необходимо устранить препятствие»

- Вот вам – устранить!! – Маливоргем со злостью обрушился на базу, ворвался внутрь, пробивая горы и стены своим телом. Он увидел завал, указанный аппаратами – Маливоргем выпустил столб плазмы, ослепительной, раскаленной. От удара завал разрушился, но в стенах возникла вибрация.

- Возможен новый обвал. Зойтомара, так и будет. Что стоите?! – закричал он. – Вытаскивайте вещи!

Автоматы облепили моностреги и потянули их вверх, к кораблю-ангару. Моностреги имели очень гладкую поверхность, приходилось их слегка прокалывать, чтоб не вырывать.

Маливоргем успел вытащить тысячи полторы монострегов, когда произошел второй обвал. Огромная часть породы – такого размера, что была видна из космоса – рухнула на все внутренние части базы. Уже на орбите, Маливоргем сбросил вниз еще один плазменный заряд – чтобы уж точно никому другому не досталось.

После этого он сообщил Хитрому Змею:

- Все что могли – собрали, остальное – ликвидировали, а наемников найти не удалось.

- Какие неожиданные повороты преподносит нам судьба – сказал Вор-Юн-Гаку. – Огромная, мощнейшая организа-

ция, занимавшаяся исключительно профессиональным делом, оказалась бессильна перед творением одного какого-то фантазера. Зойтомара. Впрочем, узкие специалисты часто очень ограничены. Но. Маливоргем! В той системе еще найдется один шарик – один такой бесплодный мирок, где жители занимаются исключительно воровством и кознями. Они обожают устраивать засады и мстить. Эти лица были б нам полезны в этом деле.

- Да, я знаю этот Мир – мир любителей чужого. Я сейчас отправлюсь.

Вор-Юн-Гак подумал: если Зачера Города не остановили профессиональные воины, то, возможно, его остановят профессиональные террористы, которых невозможно одолеть, поскольку они действуют исключительно скрытно. Их почти никто никогда не видел. Так же как и наемники, ради денег они проникали во многие миры, и остановить их удавалось разве что отдельным героям, появлявшимся раз в тысячу лет. Но героев мало, а террористы многочисленны, и у всех них был высок запас ненависти – чисто Вор-Юн-Гакской.

Маливоргем облетел систему, отыскал нужный Мир, завис над ним. Через некоторое время он открыл рот – и потом долго шевелил им, не закрывая, словно пережевывал звездные волны. Он смотрел. Он смотрел и поражался. После этого он связался с Вор-Юн-Гаком.

- Великий. – Маливоргем закрыл рот и не мог его распах-

нуть. Его стиснуло удивлением.

- Ну что там еще? – крикнул Змей.

- Великий. Я провел анализ. Досконально. Все проверил. Ошибок быть не может. Все достоверно. Да.

- Ты смотрел записи?

- Да, у нас тут была камера... Камера. Она все запечатлела. Согласно ей, Зачер Город перебил всех террористов.

- Как – всех? Что, и сопляков тоже?

- Да; он прямо с них и начал. Они занимались привычным делом – над кем-то издевались – а он сошел и уничтожил одну такую группу. Потом другую. Потом появились взрослые террористы – он прикончил и их. А потом – вообще всех прикончил, и вся деятельность прекратилась. Ветер ходит по земле один, вот так. Великий?

Хитрый Подлый Змей погрузился в молчание.

«Зойтомара. Этого космического скитальца не выматывают битвы. Он преобразуют материю для быстрой аннигиляции, не останавливаясь и не думая, а в качестве источника энергии может использовать любой предмет. Это отвратительно. Действие не мешает ему возобновляться. А бездействие?»

Хитрый Змей думал, перебирая в себе знания, которые он собирал бесчисленное множество лет, из бесчисленного множества миров. Знания не давали ему ответа – они лежали, как беспомощные. Зато прыгала и извивалась Хитрость.

Хитрый Змей прищурил глаз.

- Говорят, с появлением Цветка на планете балалаечника произошел некий дисбаланс энергий?

(Он имел в виду Взмокинский Мир)

- Да, Господин, начиная с точки отсчета, на поверхности того Мира наблюдался интенсивный исход волновых массивов с ультранизкой частотой. Эти массивы были представлены главным образом малоструктурированной энергией, в виде широких фронтов или разделенной на сгустки. Среди сгустков отмечена неоднородность, которая, однако, не позволяет говорить о ее высокой организации. Подобный исход активно отмечался в течение первых 20 полных циклов, затем он заметно ослабел, сейчас практически не регистрируется.

«Что ж – они изгнали то, что мешало им существовать на волновом уровне. Проклятье, ведь мне совсем не нужно улучшение жизни взмокинских ушастеров. Очень вероятно, что там по-прежнему торчит Зергер... тьфу, Зойтомара. Одно имя – уже противно. Он придумал космического скитальца и его теперь не тревожит злая мощь... Но куда пошла та мощь?»

- Определите локализацию тех малоструктурированных волн. Обнаружьте хоть один объект, где они собраны в значительном объеме.

Автоматы защелкали, застрекотали.

- Господин, образец таких волн находится на поверхности астероида ЕК-ВК-23000061-3; спектральный анализ го-

ворит, что данный астероид почти целиком состоит из железа, содержит значительные вкрапления очень редких элементов высочайшей ценности. Общий анализ указывает на искусственное происхождение данного астероида... Точные координаты: район 1/0001...

- Понятно. Замечательно. Маливоргем. – заговорил Вор-Юн-Гак. – Приготовим нашему скитальцу небольшой сюрприз. Пошлем для него – ложный сигнал бедствия, направленный из того места, на которое я укажу. Пусть он летит оказывать помощь там, где она не требуется. Думаю, мы его сковырнем – *таким образом*.

- Конечно – согласился Маливоргем, хоть он и не понял толком, что задумал Вор-Юн-Гак. – Там будет хитрая ловушка?

- Нет, кое-что получше. Там будет... ничего!

«Жалко, что во мне нет еще мудрости Великого Змея, подумал Маливоргем. Если там нет ничего, то зачем вообще возиться? Или там все-таки есть... нечто?»

Бледно-золотой стрелой мчится Змей на дело, потрясая, привлекая, разнося по мирам злые искры, и остановить его способна разве что другая такая же стрела.

...

Однажды Ведя Вздокин сочинил песню про спокойных. Бури, грозы, ураганы, засухи и бунты, эпидемии и революции нисколько не пугают таких созданий и, самое главное, ничем не могут повредить. Это крайне устойчивые создания

– спокойные.

Я не пишу любовных писем;
Я не грызу чужих костей;
Я совершенно независим
От обывательских страстей.
Кругом обиды и тревоги,
Повсюду буря и война;
И только камню у дороги
Судьба спокойная дана.
Что могло бы быть любезней?
Что могло бы быть полезней?
Нет ни страха, ни болезней
И волнений никаких.
Разве что в безумной бездне
Вся действительность исчезнет –
Просто так, совсем исчезнет
И оставит нас одних.
Уходят в прошлое эпохи,
Ничто не вечно под луной
Седая Смерть роняет вздохи,
Жизнь накрывая пеленой.
Живое заново родиться
Его куда-то вновь несет.
А мне не нужно торопиться:
Я существую – вот и все.
Что могло бы быть любезней?

Что могло бы быть полезней?

Нет ни страха, ни болезней

И волнений никаких.

Разве что в безумной бездне

Вся действительность исчезнет —

Просто так, совсем исчезнет

И оставит нас одних.

Как гласит Вздокинская легенда, бессмертие стоит совсем недорого — надо лишь навсегда отказаться от настоящей жизни. Многие бы на это согласились, но отказаться от жизни значит резко и одномоментно изменить свою природу. А на это способны лишь поистине легендарные создания.

Ложный сигнал тревоги увлекал Зачера Города вглубь астероидных роев, не теряясь и не ослабевая. Зачер Город вспомнил, как он однажды получил послание такой же силы и качества: образующие его волновые композиции сохранилась при любом уровне космического шума, словно в них изначально была заложена защита от помех. Такой сигнал могли послать только представители одного Высокого Мира, обладающие поистине передовыми технологиями и способные написать сложнейшие программы. Но в том Мире умели не только создавать виртуальные модели, но и переводить их в реальное состояние, материализовывать. Таким образом, их реальность включала в себя множество других маленьких реальностей.

«Это было бы любопытно дорогому товарищу Зергеру»

– подумал тогда Зачер Город. – «Стоит порасспросить тех товарищей. Но это потом. Их призыв горит отчаянием»

Название того Мира можно перевести просто как «земля». Из сигнала следовало, что в процессе эксперимента была создана некая реальность, имитирующая искаженную Вселенную, населенную сплошь чудовищами. Ее создали для научного эксперимента, проектирующего всевозможные типы Вселенных, и задача исследования заключалась в том, чтобы установить: велика ли вероятность реального существования Вселенной, «аналогичной аду».

Моделирование затянулось – аппаратура не могла дать однозначно ответа, а среди ученых возникли споры. Одни утверждали, что такое возможно – другие говорили, что измерение, по свойствам равное Вселенной, и основанное исключительно на деструктивных началах приведет к элементарному физическому коллапсу, поскольку любая существующая система основа на балансе синтеза и распада. Если в ней идет один распад, то очень скоро такая система необратимо распадется – но суть даже не в этом. Главное противоречие заключается в том, что у «распад-вселенной» даже нет возможности к самообразованию. И их можно создать лишь искусственным путем.

- Так давайте создадим – предложили академики – и проверим, распадется она или нет. Опыт – высшая форма истины.

Удивительно, но никто в том Мире даже не подумал воз-

разить. Авторитет научного знания стоял очень высоко и любая неточность устранялась, едва возникнув.

Экспериментаторы решили не воссоздавать всю «вселенную распада» в виде малой копии, а создать лишь отдельные ее объекты. Пусть они проявят свои реальные свойства, по которым можно легко экстраполировать особенности всей системы.

- Начали! – провозгласил президент-академик. – Активируйте систему реализации. Выпустим сперва небольшую модель. Раз! Два...

На счет «три» – словно из ниоткуда – на ученых выпрыгнуло маленькое существо. Оно целиком состояло из красного материала, и горело красным огнем; из его глас летело жесточайшее ультрачастое свечение. От него исходили звуки «зюлгва», «зюлгва», «зюлгва».

- Создали? Прекрасно. Пусть оно... – президент не договаривал. Существо-«зюлгва» накинuloсь на ученых. Их тела были сплошь закрыты сверхпрочными комбинезонами, но пальцы этой твари оказались из редкого плазменного материала: они могли проходить даже сквозь алмаз. Президент опомниться не успел, как свет в лаборатории погас; и никто ничего не видел. Опыт проходил в сверхсекретном режиме.

Приборы контроля издали тревожный сигнал. Когда сбегались молодые ученые, они увидели: из материализатора лезут отвратительные твари самых разных форм и типов, малые, средние, огромные и бормочут: «зюлгва», «зюлгва»,

«зюлгва». Они уничтожали все, что вставало у них на пути. Попытка заблокировать материализатор привела к конфликту разных систем управления. Из «распад-вселенной» продолжали лезть твари, жаждущие разрушать.

Наскоро собранный штаб решил уничтожить и лабораторию, и весь научный комплекс в тысячи строений с помощью фотонных бомб. Последствия? – возможны землетрясения, оползни, гигантские смерчи по всему миру. Возможен высочайший уровень облучения. Но другого выхода никто не видел. Сверкающий и тонкий, как луч, объект поднял ввысь и обрушил на проклятую зону белый вихрь. Сгорело все: дома, дороги, камни – все распалось на атомы; сгорел и тот материализатор. Вход в «распад-вселенную» исчез, однако ее творения выскочили из огня. Их не брало тепловое оружие. Тварей было не так много – восемь или десять тысяч, – но их злость текла бесконечной рекой и они множились; поодиночке или сбиваясь кучами, они принялись атаковать планету.

Жители «земли» хотели провести хотя бы простейшие наблюдения над «зюлгвами», чтобы понять их природу и способ борьбы с ними; однако простое прикосновение к «зюлгве» вызывало серьезные раны.

Герои вступали в открытый бой с «зюлгвами» и гибли. Фотонное оружие могло лишь отогнать или отбросить «зюлгву», но не уничтожить.

В поисках хоть какой-нибудь зацепки исследователи пы-

тались расшифровать этот ключ пришельцев из «распад-вселенной», поскольку информация порой кодируется в простых словах и цифрах.

Оказалось, «зюлгва» – искаженное и прочитанное наоборот слово «авгелез», что означает «жизнь» на языке той планеты. Неудивительно, что «зюлгвы» так себя именовали.

А тем временем группа молодых ученых сумела создать и разослать по Вселенной сигнал, который мог идти вечно. Он не распадался и не портился от космического шума, его структура имела способность к самовозобновлению.

Они также обнаружили убежище внутри высокой горы, и со всего мира свозили туда уцелевших. Вокруг горы стояло силовое поле, образованное генерирующими кристаллами, такое, что «зюлгвы» не могли его преодолеть. Однако структура кристаллов позволяла образовать поля лишь внутри их линии, на некотором расстоянии, и сами кристаллы были вне защиты. «Зюлгвы» могли уничтожить их в нескольких атаках.

Все силы уходили на противостояние с «зюлгвами», бесконечное, выматывающее; в головах у всех висела лишь одна мысль – не победить, но... устоять, удержаться до некоего момента, время которого неизвестно. Мало кто уже помнил о посланном сигнале, но такие были. Они сражались с мыслью:

- Может, кто-нибудь откликнется? Ведь найдется же во Вселенной мудрость, способная одолеть неодолимое...

Именно этот призыв слышал Зачер Город.

Когда он прилетел, в районе горы шел жестокий бой. «Зюлгвы» собравшись в гигантский шар, набрасывались на исследователей, а если тем удавалась увернуться, из шара – красной отвратительной массы – вылетала «зюлгва».

Исследователи отстреливались фотонным оружием. «Зюлгвы» отскакивали, а потому вновь ползи. Они хотели уничтожить всех.

- Вот оно! – закричал Зачер Город сверху. – Чистое зло!

Часть «зюлгв» уже пробила щель в убежище, отведенное для детей, но на их пути встал отряд. Фигуры бойцов словно светились в ореоле вспышек. Там была одна девушка... она выскочила вперед и ослепила тварей, они попадали; но тут сверху обрушилась крылатая «зюлгва». Девушка не успела бы пригнуться – «зюлгва» вихрем летела прямо в нее. На пути ее выпрыгнул исследователь, друг девушки – его отшвырнуло вниз. Девушка бросилась к нему – он был жив, но без сознания.

Над обоими опять возникла «зюлгва», с тысячей огненных щупалец. С них летел злой свет.

Девушка зажмурилась от внезапной вспышки.

- Крышка съехала с кастрюли. Чердак полетел!

Это крикнул Зачер Город: он рассек «зюлгву» надвое.

- Ничего, товарищи, сейчас мы их всех обезвредим. Эй вы, твари!

Он пустил ментальный луч.

Масса, полная чудищ и огня, застыла – на мгновение; а потом бросилась на Зачера Города, чтобы пронзить, порвать, уничтожить его, противоположного им по структуре.

И обрушил Зачер Город на них свой гнев. Он рубил их клинком, обращал в ничто, в осколки энергии. «Зюлгвы» орали и били пламенем, но им не по силам плащ Зачера Города. Он быстр, стремителен, он бесстрашен. Опасность его лишь усиливает.

«Зюлгвы», обладавшие сознанием, поняли, что им не устоять перед Зачером Городом; воя и треща, они понеслись прочь, прочь от горы, подальше от стремительного клинка. Зачер Город бросился в погоню и нескольких «зюлгв» рассек, но вскоре вернулся к исследователям.

- Этих негодяев побеждает холодная плазма. Ее я вырабатываю изнутри, однако она может быть получена и технологическим путем... – он стал быстро объяснять принципы организации.

Наступил коренной перелом. Инфраструктура мира была сильно повреждена «зюлгвами», однако часть промышленности удалось спрятать; используя свою способность к моделированию, исследователи создали новые фотонные ружья, и могли уже сами побеждать зло.

Отдельные твари попрятались, но их всех обнаруживали отряды героев и сокрушали по методу Зачера Города.

После того, как последняя из «зюлгв» сгинула, все стали уговаривать Зачера Города не уходить сразу.

- Ведь мы Вас даже толком не поблагодарили! даже не знаем как вас зовут. Вы потратили столько энергии, побеждая плоды наших фантазий, но у нас пока нет технологи для ее восполнения. Вероятно, через год или два...

- Ничего, ничего; я сам.

- Но, может, вы останетесь с нами... хоть ненадолго.

- Зачем?

- Будем создавать, строить новое... замечательное!

- Спасибо, товарищи, но я плохо умею создавать. – признался Зачер Город. – Я умею бороться, я умею побеждать, но для чистого творчества мне не хватает вдохновения. Моя внутренняя сущность изначально рассчитана для других целей. Но, товарищи, останусь я с вами – на некоторое время. Надо же помочь вам навести порядок.

Почти весь мир лежал в руинах, а число специалистов, да и просто живых существ, резко упало – «зюлгвы» не щадили никого. Процесс восстановления мог идти лишь на небольших участках планеты, но там, где он начинался, возрождение шло колоссальными темпами. Ведь исследователи могли материализовывать любые схемы, и могли создать многое – летательный аппарат, станок или даже город.

Зачер Город присматривался к их мастерству, однако так и не смог понять, как это получается – как из ничего создается полноценная вещь. Безусловно, первоначально формируется представление о вещи, а потом она воссоздается, в соответствии с точно выверенным планом. Но откуда берет-

ся сам материал? И что движет той силой, способной реализовывать мысли. Вероятно, там действовали особые, совершенно уникальные технологии. Только Зачер Город не увидел ни малейшего следа какой-либо особенной аппаратуры. Там были большие и очень сложные механизмы, но они не уникальные. В разных Мирах они есть, но ведь там нет таких эффектов.

Сами исследователи говорят, что в основе всего лежит идея.

- Это я всегда знал. В том, что идея движет созиданием, известно мне с самого начала, это общий принцип Вселенной и наш великий товарищ Зергер действует точно так же. Но должны же быть *механизмы*, с помощью которых мысль превращается в реальность. Наверное, они есть.

Зачер Город решил, что уйдет, едва только порядок по всей планете восстановится. На планете, помимо развалин, появилось много мутировавших объектов – растений, грибов и особенно бактерий. Эти бактерии, повинуясь внутренним часам, размножались с огромной скоростью – из одной клетки получалось две всего за пять секунд. Эти бактерии заполнили все свободные пространства и уже стали угрожать эпидемией.

Девушка-исследователь – та, что сражалась у горы – сумела найти органическое вещество, блокирующее бактериальный геном. Это вещество, а не аппарат, но способно выпускать волны, пробивающие весь бактериальный матери-

ал, независимо от состава. Для выделения этого вещества она целый месяц не покидала лаборатории, а когда вышла, то сразу же потеряла сознание. Она не заболела, но сильно ослабла. Два дня она провела не двигаясь, одна, а потом к ней все-таки пробились товарищи. Она им что-то сообщила.

Зачер Город был в то время на другом конце планеты – сжигал бактериальные пласты, опутавшие целый остров. Он слышал про открытие девушки, и ему стало даже неловко, что он лично не помогал ей в работе.

- Но хоть посмотреть, как это выглядит. К тому же, знать биологические средства борьбы со злом весьма полезно, даже если мы сами их не делаем.

Тут Зачер Город услышал, что в священной области планеты собирается произойти нечто удивительное и необъяснимое, говоря иначе – чудо.

Зачер Город никогда ни видел настоящих чудес (с его точки зрения), поэтому он очень заинтересовался. Священная область располагалась вблизи экватора, на вершине плато и была сплошь застроена храмами, в которых находится мудрость.

Когда Зачер Город подлетел – живое море окружало храм со всех сторон, а выше всех, стояла девушка. Рядом с ней был исследователь-академик, один из наиболее заслуженных. Он что-то сказал и все замолчали. Девушка сказала то же самое, и заплакала, и все заплакали.

Зачер Город не мог понять, отчего все плачут. Смысл ска-

занного был ему неясен даже на уровне ментальных волн. Очевидно, слова были построены на терминах, которых он не знал. Зачер Город стал размышлять; в это время исследователь поднял руку и приставил ее почти к самому лицу девушки, не касаясь. Она была спокойна. Исследователь молчал и все молчали, оцепенев; Зачер Город мог двигаться, но он почувствовал, словно некая сила просит его подождать.

- Да я и не тороплюсь – сказал Зачер про себя.

Девушка закрыла глаза – от них, от ее рук, волос пошел теплый прозрачный свет. По толпе пробежал шум, слышались крики, стоны. Зачер Город ощутил вибрацию. Девушка стала медленно и плавно клониться назад, не меняя позы; ее тело внезапно оторвалось от земли, приняло горизонтальное положение и медленно-медленно поплыло вверх, приблизительно до уровня головы исследователя. Он убрал руку – свет стал гораздо ярче; девушка чуть улыбнулась и вся наполнилась светом. Через мгновение свет превратился в луч, луч ударил о землю и в небо. Потом все погасло. Лишь небольшая искра в небе мигнула Зачеру Городу.

- Думаю, мне стоит удалиться. Здешние товарищи умны, но кто знает, какие у них тут еще... правила и обычаи.

И Зачер Город оставил тот Мир. Двигаясь через Космос, он прокручивал в памяти все произошедшее с целью найти объяснение.

- Она двигалась по моему принципу? Это не исключено, хотя в таком случае я заметил бы волны соответствующей

частоты, при том, что у меня очень низкий порог чувствительности. Это была телепортация? – вероятно, но цель ее не дано установить. Мне показалось, что свет не ушел, а спрятался, сохраненный. Вероятно, таким способом они сберегают свою мудрость. Но ведь она не умерла? Не знаю. Во всяком случае, она замечательное лицо.

Эту историю Зачер Город вспомнил еще раз, когда перед ним возник астероид ЕК-ВК-23000061-З – глыба радиусом 19 тысяч 598 шагов. Вокруг видны другие астероиды – целый набор больших и маленьких камней, которые плывут, парят, вертятся, и во все стороны от них летит наэлектризованная космическая пыль.

Несмотря на малые размеры, астероид имел сильное магнитное поле благодаря высочайшей насыщенности железом. Этот элемент составлял почти 95% всего материала; в отдельных участках он перемешан с платиной и золотом.

Зачеру Городу неинтересно золото, он пришел помогать, но кому? Облетев вокруг астероида, он не обнаружил никаких признаков бедствия или катастрофы. Да и могло ли произойти что-то на этом обломке железа? Он медленно режет космос, не угрожая никому. В сообщении говорится «нет возможности взлететь», что указывает на крушение корабля, и сигнал шел не устывая; однако сам корабль нигде нельзя обнаружить. Зачер Город подумал, что источник волн может находиться в тени, отброшенной рельефом астероида. Значит, надо спускаться? – внутренний голос говорил ему, что

спешить не стоит. С поверхности исходило свечение – очень слабое, малооформленное, но странное, непонятное Зачер Городу. Значит, надо подождать. Но если там действительно нужна помощь? Надо решать скорее, подумал Зачер Город, тем более что злой космический ветер хлестал его нещадно.

Он дождал немного и сошел.

Сила притяжения оказалась значительной, в ногах сразу возникла слабая дрожь, но Зачер Город не придал этому значения. С силой отталкиваясь от железа, он шагал по астероиду в поисках источника сигнала. Сигнал не ослабевал и не уточнял свою локализацию; он имел одинаковую силу на вершинах и впадинах. На астероиде множество выпуклостей с абсолютно черной тенью, внутри которой не было ничего, никаких космических аппаратов. Размеры корабля могут быть крошечными, подумал Зачер Город, а его экипажа – еще меньше, и им не преодолеть силы притяжения; но почему же тогда не улавливаются ментальные волны? Или экипаж погиб и спасть уже некого? Астероид цепко хватался за ноги и требовались усилия, чтобы перемещаться.

В процессе поиска Зачер Город обнаружил, что во многих районах астероида имеется слабое, неструктурированное поле, которое дает свечение – тоже слабое, идущее изрезанным фронтом. Временами свечение принимает более упорядоченный характер и даже напоминает ментальные волны, характерные для незатейливых умов. Но на поверхности нет природных объектов, а для мыслящих существ эти вол-

ны слишком примитивны.

- Сигнал не ослабевает, куда бы я ни пошел – сказал Зачер Город, – независимо от точки поверхности, его структура и уровень остаются неизменными. Складывается впечатление, что источник сигнала находится внутри астероида, что именно оттуда вылетает это бесконечное «нет возможности взлететь», «нет возможности взлететь». Здесь повсюду фоновое свечение. Что же – прячась от него, они забыли все остальные слова?

С размаху Зачер Город ударил клинком по железу. Во все стороны брызнула окалина, по астероиду прошла дрожь. Часть свечения стало объединяться в плоскую вертикальную фигуру с неровными краями – они сжимались и растягивались, словно ламелла одноклеточных животных. От фигуры шли слабые волны – Зачер Город сравнил их с исходящим сигналом и обнаружил полное различие, хотя те волны были структурированы. Вероятно, в них даже имелся смысл.

Фигура пододвинулась к Зачеру Городу и смысл стал яснее:

- Червоныло-червонуло... вечность прекрасна... Зачем вы стучите?

- С целью исследования. А позвольте спросить, с кем я имею случай говорить?

Фигура задрожала:

- Я Садэб, сберегатель сокровищ. Это мое великое призвание; сберегая, я оказываю великую услугу вечности...

- Ну, сокровища ваши меня не интересуют. Но скажите, потерпел ли здесь крушение какой-либо объект?

- Много был крушений – и здесь, и там – сказал Садеб. В центре его появился выступ, похожий на пухлый нос. – Корабли порой заходят в эту сокровенную часть космоса, беспокоя ее, и в наказание разбиваются. И на этом астероиде, и на всех других. Глупые корабли гибнут. Какое мне дело до них?

- А где же тогда обломки аппаратов?

- Какое мне до них дело? Меня не волнует приходящая мелочь. Все это пустое и ненадежное.

- Но ведь не вы послали сигнал бедствия?

Садэб удивился:

- Как же можно отсюда послать сигнал? Это невозможно, ибо он затеряется в невидимом лабиринте. Разве вы не видите? Здесь кругом лабиринт для посторонних колебаний. Мудростью Космоса это место сотворено так, чтобы отсюда не исходило ничего, и не тревожило бы сокровища...

Волны, созданные плазменным клинком, полетели вверх, но едва оставив магнитное поле, астероида, они вдруг стали резко изгибаться, пульсировать – и очень скоро просто рассеялись, поглощенные другими астероидами.

В замешательстве Зачер Город пошел с клинком в руке вперед. Садэб поплыл следом, и от близости с ним дрожь в ногах усиливалась.

- Вы что-то от меня хотите?

- Ах, – ответил Садэб – я уже давно ничего не хочу. Червонуло-червоныло. Зачем чего-то хотеть? Зачем вообще что-то делать? Зачем все разумные существа носятся сквозь космос, возмущая его своим колебанием? И зачем вы здесь?

- Я сюда прибыл, чтоб оказать помощь.

- Но ведь это глупо! Глупо, глупо помогать, тратить свою мощь на то, что рано или поздно кончится. Ведь все кончается – и плохое, и хорошее, и не лучше ли. Кто вас надоумил поступать столь неправильно?

- А это, знаете ли, не ваше дело! Сберегайте свои штуки. И потом, с чего вы решили, что мой образ действия неправильный?

- С точки зрения вечности.

- Я вижу, она вас научила многому. Ладно – если помогать не надо, тогда я пойду.

- Куда? – спросил Садэб.

- Куда? Вверх.

Зачер Город приготовился к взлету, но странная тяжесть наполнила его тело. Он провел самоанализ и почувствовал огромные бреши в своих защитных полях. Энергия – образованная быстрым распадом – уходила куда-то под ноги, словно через решето и этот процесс не прерывался ни на миг.

Зачер Город подскочил; сотворенным плащом он опутал ноги и туловище. Утечка энергии ослабела, но не исчезла; тоненьким ручейком она продолжала бежать вниз, сквозь железную поверхность астероида и рассеиваться в космосе. Он

попытался обратиться в луч, но не сумел – для этого уже не хватало мощи.

- Я растратил свой потенциал, пока ходил по этому магниту, развалился он вдребезги! Безусловно, так и есть. Мощь рассеялась туманом. Безобразие, что же делать? Энергии во мне еще достаточно, но взлететь уже не получается. Понятно, почему здесь все разбиваются. Надо думать... и действовать.

- А зачем, вам куда-то идти – прошелестел Садэб. – Не лучше ль здесь остаться? Сберегая богатства, я нашел здесь великое наслаждение.

У Зачера Города уже болела голова

- Ну и что же вы нашли?

- Великое равновесие. Покой.

«Для меня покой – конец» подумал Зачер Город.

Сверкая плащом, он бродил по Астероиду; боль не проходила, она проникла уже повсюду, колкая, но неспособная победить Зачера Города. Он посылал в космос мыслительные волны – они сразу же затухали. Тогда Зачер Город начал вспоминать, вспоминать все подряд – события, приключения, содержание книг. Это требовалось не только для поиска решения, но и ради самого действия.

Сама страшная вещь для Зачера Города – ничего не делать.

- Скиталец попался! – сказал Маливоргем. – Ему не выбраться из магнитной западни без посторонней помощи, а

она, как известно, прийти не сможет, поскольку все сигналы там рассыпаются. И как это его не удивило, что источник сигнала находится там, где он не может находиться?

- Такие не удивляются – проговорил Вор-Юн-Гак, щурясь.
– Такие только действуют. Их сущность представляет собой лишь одну голую функцию и ничто другое им не интересно. Зойтомара, *такие* были б очень полезны для нас – но. Но.

- Но ваша мудрость бесконечна, о великий Вор-Юн-Гак!
Хитрый Змей щурился от удовольствия.

...Зачер Город бродил по железному астероиду, залезал на вершины в виде черепов, спускался в низины, он бродил, думал, вспоминал. Он перебрал в уме уже все когда-либо прочитанные тексты, особенно нравилось ему вспоминать стихи. Зачер Город не умел сочинять, но гармония и ритм стихов, легкое звучание их слов способствовали его самовозобновлению. Он вспоминал произведения Веди Вздокина.

Мы не видим нынче звезд –

Перерыв у них, возможно.

Черен мир, как черный дрозд,

Что в сирени придорожной

Пред ромашкой и осокой

Рассуждает о высоком.

Стихи помогали Зачеру Городу заделывать мелкие бреши, возникавшие в его внутренних полях; но получить новые заряды энергии он не мог, поскольку быстрая аннигиляция запускалась лишь во время действия и сознания этого

действия.

Зачеру Городу просто необходимо чем-нибудь заниматься и он не мог понять тех принципов, по которым существовал Садэб-«сберегатель». У того на «лице» постоянно возникали отдельные складки – иногда по две в ряд, иногда по три – две кривые наверху и одна внизу, словно закрытый и изогнутый дугой рот. Иногда появлялось два ряда складок, под углом друг другу. Но все эти изменения не означали ровным счетом ничего. Энергия Садэба не прибавлялась и не расходовалась.

- Песни? Я тоже порой слагаю песни. Червонуло-червоныло... я слагаю песни о том как хорошо существовать, как хорошо быть, как хорошо что я есть... Или пою просто: червонуло-червоныло, червонуло-червоныло...

- А что означают эти ваши фразы?

- Червонуло-червоныло. Не знаю. А зачем что-то значить? Достаточно просто существовать.

«Моя голова раскалывается от подобных глупостей. И самое скверное то, что этот тип находится куда в более выгодном состоянии, чем я».

Садэб выпячивает складку как губу:

- Поговорите со мною.

- Это еще зачем? – зрачок Зачера Города темнеет.

- Чтобы наполнить вечность словами.

- Я не обязан вас развлекать! Вообще, летите-ка вы в другое место! – резко говорит Зачер Город. Он понимал, что

сердясь, лишь теряет энергию, но не мог не сердиться.

Садэб исчезает, а через некоторое время появляется снова.

Он преследовал Зачера Города по астероиду, не имея явной цели; вероятно, «сберегатель» страдал от скуки или у него просто была такой прилипчивый характер. Несколько раз он затевал долгие диспуты с Зачером Городом, доказывал, что единственная цель существования – само существование, что любая борьба напрасна, и лучше оставить все как есть. Зачер Город замахивался на него клинком – у клинка вырастала длинная рукоятка, почти в полный рост, – Садэб прятался, но сокрушать его Зачер Город не собирался. От Садэба не исходило зла, а лишь безразличие ко всему, да еще:

- Червнуло, червоныло...

Однако Зачер Город чувствовал, что если он не придумает способа оторваться от астероида, то когда-нибудь распадется.

Маливоргем следил за ним с огромного расстояния.

- Скиталец не ослабел окончательно. Подождем еще некоторое время. У нас же оно есть, не правда ли?

Зачер Город взошел на самый высокий выступ и глядел вверх. За тот срок, что он провел на астероиде, узоры на его одежде сильно потемнели и сделались черно-синими; сияние вокруг зрачка тоже стало синим, а не сине-голубым как обычно. «Мощь, мощь покидает нас, думал Зачер Город,

и каким бездарным образом! Не обидно умереть – обидно умереть, осознавая, что ты не сделал того, что мог бы». Его бледное, белое как у Зергера, лицо застыло. В нем уже не было видно рта – только глаза. Голова наклонилась к груди. Зачер Город, стоял, опираясь то одной рукой, то двумя на рукоятку клинка; синий плащ опутывал ноги и в его изгибах прятались и возникали очертания самых невероятных формул.

Никому не хочется прекращать существование, подумал Зачер Город. Допустим, я знаю способ жить бесконечно долго; при этом, моя природа такова, что для самообновления мне постоянно необходимо действовать. Наверное, я буду всегда сражаться со злом и несправедливостью, побеждая их в разных местах Вселенной, и такое состояние будет обновлять меня без конца. Но – если я буду вечно бороться против зла – не означает ли это, что зло в целом непобедимо? и пока я устраняю его в одном месте, оно будет появляться в других двух, трех, четырех, десяти местах, и Миров, зараженных злом, в любом случае окажется больше, чем освобожденных мною? Какая грустная перспектива. Предположим, что я буду действовать не один, или, в конце концов, стану побеждать мерзость быстрее, чем она сможет размножаться. Тогда, в условиях бесконечности, я уничтожу рукотворное зло в этой Вселенной – а потом и в других. А что делать дальше. Кого я буду побеждать, если нигде не останется врагов? Моя природа требует постоянного движения,

действия; любая остановка неприятна, а очень долгое безделье приведет меня к концу. Но что поделать. Пусть исчезло зло, а потом и я исчез, исчез безвозвратно, не возродился – а где уверенность в том, что зло не возродится? Ведь оно имеет подлое свойство не только проникать повсюду, но даже возникать там, где его раньше не было. Предположим, оно возродилось – значит, я его опять не победил. Не победил до конца. Получается, что с точки зрения вечности вообще не имеет принципиального значения, боролся я с ним или нет. Что же мое существование было логически неоправданным. Это ужасно.

Зачер Город стоял, согнувшись, глядел на звезды и думал, думал, думал.

Но почему я должен все измерять с позиций вечности, именно ее брать за абсолютную меру? Вечность – не предмет, и не смысл, а всего лишь логический термин; она – как реальный объект – вообще не существует; даже если рассмотреть Вечность как закон Вселенной, то этот закон ни на что не влияет. Вечность безразлична ко всему, и ей не важно вообще, есть что-то или нет. А что реально? – Развитие. Именно оно дает возможность всему окружающему нас существовать. Но развитие – физических сил, жизни, творчества – возможно лишь в том случае, когда нет целенаправленного разрушения, или оно идет слабее, чем созидание. Моя цель – не допустить управляемых разрушений, превращающих смысл в пустоту. Пусть я не умею создавать по-на-

стоящему, но я умею помогать! Я умею помогать двигаться – не вверх, с целью самоудовлетворения – а вперед, к будущему. А у будущего тоже нет конца. Движение вперед может идти всегда в бесконечной череде вселенных, и не остановиться ему помогут, в том числе, и мои усилия.

Следовательно, я помогал другим не зря. А Садэб просто дурачок.

И решив так, Зачер Город ударил клинком в поверхность. Астероид разошелся трещиной. Все же он был не настолько крепок, чтоб считаться абсолютно вечным.

У Зачера Города внезапно возникла идея. Он стал очень часто бить по металлу в одном и том же месте, и трещина быстро увеличивалась.

Сразу же возник Садэб – с двумя буграми на «лице»:

- Что вы делаете?! Это же!!!!... Там же!!!!... Оно же!!! Сокровищница!!!

- Это не сокровищница, а вечная тюрьма – говорил в ответ Зачер Город. – Ничего, скоро она перестанет быть вечной. Расколом астероид, и его траектория резко измениться, и пойдет в сторону. И поле его резко ослабнет. И сила тяжести – тоже. Как же я раньше не догадался?

Зачер Город размахнулся и волна энергии отбросила «сберегателя» на сто шагов.

- Еще раз! Глубже!

Плазменный клинок прожигал железную массу. Железо окислялось и теряло магнитные свойства; его было очень

много, но Зачер Город рубил не переставая.

«Лучше умереть, чем сидеть бездействуя!»

Садэб ничего не мог поделаться. Он сжимался и разжимался.

- Вы прогневаете Вечность!! Вы прогневаете Космос!!
Смотрите, он уже горит!

В рое астероидов были уже видны всполохи – белые, зеленые, желтоватые. Какие-то внешние лучи попали в магнитный лабиринт и теперь носились там. Их рисунок показался Зачеру Городу знакомым – он захотел вспомнить, но лишь упал на руки. Астероид относил в сторону от роя.

Зачер Город очень устал, но заставил себя вскочить. Дрожь шла по все телу, очень настойчивая дрожь. Не думая о ней, Зачер Город стал изо всех сил вспоминать о тех лучах, что играли над головой, и ему показалось, что он разбирает в них фрагменты знакомых слов.

....Тов...рищает....Заче... Дро... Кукиш им всем!

- Это поразительно! – пробормотал Зачер Город.

Прямо к нему летел вытянутый корабль с тремя стабилизаторами в задней части. Стабилизаторы располагались на одной замкнутой линии, под углом в 60 градусов и их взаимное перемещение позволяло кораблю резко маневрировать. Из сопла вырывался огонь, рожденный быстрой аннигиляцией, а от самого корабля шли ментальные волны, похожие на те, что испускал Отец Смерти Зергер. Но он сейчас должен быть совсем в другом месте. Разве что...

«Ведя! Ведя Вздокин!! Наши здесь!»

«Зачер! Товарищ! Поднимайся!»

«Не могу!! Ведя!! Ни в коем случае не садись!! Пройди рядом!! Я схвачусь!»

Один из стабилизаторов стал отклоняться, менять свой угол по отношению к продольной оси корабля. Когда он встал почти перпендикулярно, корабль резко пошел вниз.

Он приблизился почти вплотную к поверхности. Зачер Город подпрыгнул.

- Вечность может подождать. У нас еще так много несделанного.

«Ведя! Жми!»

«Зачер!! Ты как!!!»

«Ничего. Я залезу. Не снижай скорости, Ведя!»

Зачера Города трясло и било, но он полз, с силой вжимаясь в стабилизатор. Едва он добрался до основания, в корпусе корабля на мгновение возникло отверстие – не больше зернышка. Но Зачеру Городу этого достаточно – он обратился в луч и юркнул внутрь.

Астероид относил в сторону; его железо все еще окислялось от рассеянной энергии холодной плазмы. Огромное тело – невидимое в этой части космоса – притягивало к себе тот гигантский сгусток металла, где в расположился, в чаяние существовать вечно «сберегатель сокровищ» Садэб. Едва ли ему хватило смелости улететь с астероида.

- Тот субъект, о котором ты рассказывал, по описанию

очень похож на логга – бесформенное создание в виде слабоэнергетического сгустка. Логги долго шатались по нашей планете, портя ее и мешая всем; их удалось изгнать совсем недавно, этих болтунов и бездельников. Ты их сам мог видеть, друг Зачер. Но я думал, что, покинув наш Мир, логги попросту развалятся, ведь они всегда плохо соображали. Они не умели строить планов и выбирать долгих путей. А этот вон куда забрался.

- Да, по всей видимости, это был логг. Надо сказать, он устроился неплохо: собрался существовать всегда, не работая при этом. Его наглость очевидна. Впрочем, он не был явно вредным и потому недостоин обсуждения. Каково общее состояние корабля?

Ведя потер лицо.

- Нос наш целый – все в порядке, только вот время нельзя оценить достоверно. Проводка местами сгорела, а чинить нельзя – она внутри.

Зачер Город сунул руку под приборную панель: в его руках провода срослись, и счетчик времени заработал.

- Это просто здорово, Зачер! В твоих руках металл молодеет. Вот и время завертелось... хотя надо признаться, что я уже изрядно соскучился по нашим товарищам и по нашей земле. Зачер, но не думаешь ли ты, что тот проклятый магнитный осколок был кем-то специально превращен в ловушку – хотя бы вредным Вор-Юн-Гаком?

- Я видел змея похожего – не исключено, что они заод-

но. Но я имел столько призывов в Космосе... что совершенно позабыл о нем. Меня тянуло вдаль, тянуло помогать; это было прекрасно и совсем не тяжело. Но сейчас мне нужно несколько подзарядиться. А ты уже долго летишь, Ведя?

- Не знаю, Зачер; сначала я не смотрел на время, а потом оно погасло. Но могу сказать точно, что за все время пути я вообще не спал. Ты же знаешь, при нашей системе управления спать означает куда-нибудь врезаться. Я не спал, не спал, не спал; потом передо мной стали появляться какие-то объекты – похожие на воспоминания; сквозь них я увидел нашего друга Зоя – того, что облетал наш Мир. Это был точно Зой или его изображение; я летел ему вслед и не мог догнать, потом мне показалось, что Зой шлет мне некие сигналы – я их принял за координаты Зоя и пошел по ним...

Корабль-исследователь Вздокиных – далевест – рассекал полотно космоса. В отличие от берестона (первого корабля Веди) далевест имел цельно-металлическую конструкцию, мог быстрее двигаться и маневрировать. В условиях гипер-скорости далевест обгонял лучи любого света.

Один из ромбов на майке Зачера Города сильно потемнел. Стал почти черным.

- Ого, это что, сигнал?

- Да, Ведя, ментальные волны попали в мой анализатор. Это сообщение.

- Настоящее?

- Да, на этот раз... говорят о неких механических исполни-

нах с множеством лап, которые... взяли кого-то в плен. Этот сигнал исходит как раз от них, от пленников. Судя по уровню, это где-то совсем недалеко.

Впереди находился Мир с желтой, маслянистой атмосферой, перемешанной с копотью.

- Вот, вот, это там! Там источник сигнала. Надо выручать. Я, правда, только начал восстанавливаться – колени трясутся – но оставлять в беде кого-то нельзя.

- Конечно нельзя; тем более, что я пойду с тобой, товарищ Зачер. Неужели мы не одолеем злющую аппаратуру?

Зачер Город щупал свою грудь и думал, что мощи хватит на пятнадцать минут настоящего боя. Дальше придется рассчитывать только на смекалку.

- Одолеем, пусть не сомневаются.

Далевест пошел на спуск.

Планета, с которой пришел сигнал, почти целиком представляла один сплошной завод, который не только захватил всю землю, но и зарылся глубоко под нее, куря смрадом. Воздух атмосферы был забит частицами масла и гари, в которой нередко проскакивали активные ионы.

Далевест приземлился на крышу одного из цехов. Кругом стоял дым коричневого цвета. Это и старые, и новые выбросы; видимость была очень плохой, но в других местах воздух чернел еще. Металлический сор крошился, взлетал ввысь, его ловили бурые облака.

Ведя высунул голову из далевеста и едва не потерял со-

знание. Зачер Город втянул его обратно.

- Ведя, чихни – я сожгу вредные элементы.

Из носа полетел вихрь масляных везикул.

- Ох, как тут вредно дышать. Но ведь мы можем и не дышать... некоторое время. Зачер, ты можешь точно определить расположение сигнала?

- Безусловно. Он в десяти верстах от нас.

- Тогда бежим!

Зачер Город и Ведя Вздокин помчались в клубах коричневых выбросов. Через десять шагов они совсем пропали.

Сигнал шел откуда-то из глубины здания, забитом конвейерами и станками, а коридоров в нем нигде не было. Ведя и Зачер Город перемахивали прямо через гудящие объекты и постоянно натыкались на углы, рычаги, механические консоли. Ноги Зачера все еще дрожали – он порой спотыкался на ровном месте. Ведя бросался его поднимать, и нередко задевал что-нибудь. Повсюду желтели кнопки, неизвестно для кого предназначенные. Завод работал в автоматическом режиме – все аппараты управляли сами собой или подчинялись программе, исходившей из удаленного центра. Завод производил детали для огромных насекомовидных роботов, а также самих роботов, назначение которых не вызывало сомнений. Зачер Город спотыкался, Ведя поддерживал Зачера, прыгал, попадал ногой в какие-то лужи, скользил – Зачер Город ловил Веду и они продолжали бежать. Всего за 20 минут они достигли участка, где сигнал был максималь-

ным.

Впереди механическая дверь. Она запаяна. Зачер Город выдернул клинок и рассек ее; дверь провалилась, Зачер Город с Ведей кинулись внутрь и сами чуть не провалились – сразу за дверью оказалась отвесная стена, которая шла вниз на сто шагов, под которой был решетчатый пол – разные его сектора поднимались на разную высоту, подобно ступеням. Сигнал исходил как раз из-под тех ступеней.

По ступеням, скрежеща и повизгивая, двигался автомат, с паукообразным телом, но очень длинной шеей, разделенной на сегменты. Голова была сплюснутая, рот открыт – на нижней челюсти Веда разглядел зубы чуть поменьше его самого.

Робот опирался на 6 ног, а переднюю пару держал навесу. Каждая нога заканчивалась огромным клинком, действующим и как меч, и как пила. Зачер Город вспомнил, что многоглавый узурпатор (Воблид) имел такие же меч-пилы, но они были куда симпатичнее.

Очевидно, внизу шла отладка управления. Вращая пилами, робот выискивал цель. К нему со стороны противоположной стены манипуляторами доставлялись огромные металлические брусья – шагов пять в диаметре. Робот рассекал их с двух ударов. Потом посыпались мелкие бруски – он разбивал их в полете. Он скрипел, хрипел, дрожал – и вместе с тем был очень силен и имел быструю реакцию.

- Знаешь, Веда, как-то не хочется связываться с этой шестеренкой напрямую, тем более что я не очень уверен в себе.

- Что же – лишить его управления?

- Да, надо постараться. Возле одной ступени я вижу дверь – на ней изображен треугольник, за которой имеется комната. Оттуда аппарат получает сигналы к действию, я чувствую это. Думаю, надо лишить его тех сигналов. Те, кто просил о помощи, сидят внизу, и до них не добралась пока эта штука, но она очень настойчива. Я удивляюсь – вроде разумные существа, а залезли в такое место... Впрочем, это неважно.

Ведя и Зачер Город осторожно пошли по узенькому выступу, на котором не умещались полностью даже пятки. Как мухи, подумал Ведя. Выступ тянулся вдоль стены, над полом и над роботом и его пилы не могли туда дотянуться. Правда, было неизвестно, умеет ли робот прыгать; если умеет, то операция становится еще более сложной, но ни Ведя, ни Зачер Город об этом не думали. Сигналы о помощи шли не переставая.

Оставалось еще четверть пути, когда робот вдруг начал топтать. Неизвестно, заметил ли он Зачера с Ведей или его управление велело ему ударять по полу – робот поднял такой грохот, что стены зашатались. Ведя почувствовал, как кусок пластика отходит от стены, как раз рядом с ним.

- Зачер, кажется, меня сейчас...

Кусок рухнул вниз, прямо на ступень с роботом-«пауком». Ведя еще не поднялся, а рядом уже был Зачер Город. Вихрем они подлетели к двери с треугольником. Зачер Город разнес ее еще сильнее, чем «паук» свои бруски. Комната

располагалась в самой нижней ступени и робот не смог бы туда просунуть пилу – он не умел ложиться плашмя. Кажется, он даже ничего не заметил.

- Противная шестериха! Стучит так, будто сваи вбивает. Сигнал от граждан еще есть, Зачер?

- Есть, Ведя. Поэтому действуем.

В комнате почти все пространство занимали большие процессоры и блоки. Впереди располагалась огромная панель с множеством кнопок, при этом все они были черные, одинаково измазанные липкой пылью. Совершенно не ясно, на которую нажимать.

Зачер Город нажал на что-то для проверки – сверху на него свалилась некая коробка. Он отскочил – коробка исчезла, зато сбоку вылетела другая – прямо в голову.

- Ничего – пробормотал Зачер Город, потирая глаз – этот агрегат нас не напугает.

Они с Ведей стали жать на все кнопки подряд – робот двигался то быстрее, то медленней, размахивал пилами, крутил гибкой шеей, но остановить его не удавалось. Внезапно Зачер Город сообразил – он выхватил клинок и вогнал его по самую рукоять. От панели посыпались крошки.

Робот остановился.

- Вот вам!! Простое решение тоже может быть верным. Ведя, бежим вытаскивать... – Зачер споткнулся при выходе.

Робот простоял не двигаясь секунды две, а потом снова стал ходить еще быстрее, и еще чаще махал пилами.

Ведя и Зачер снова ринулись в комнату и не могли поверить: панель работала снова. На ней не было и следа от глубокого разреза, оставленного клинком. Зачер Город занес клинок – удар был такой, что две половинки панели разлетелись к стенам. Но тут же – на их месте возникла новая панель, потом еще и еще. На смену предыдущей сразу же появлялась новая панель. Очевидно, действовала автоматическая система защиты управления. Зачер Город ударил еще раз – вместо одной появились сразу две новых.

- Ах чтоб вас так!! Это что же, защита дошла до умножения? В следующий раз будет четыре? Нет, все еще две. Ведя! Делает так – вот этим клинком разбивай здесь все что можешь – пусть система придет в замешательство. Я же между тем попробую разрубить ту гремющую махину!

Клинок оказался Веде до пояса.

- Дивный мир, какой солидный! И тяжелый. Зачер, может, нам вместе пойти? Блоки меняются почти мгновенное, а ты там будешь один...

- Ничего, Ведя – это совсем обычное дело.

Зачер бросился на робота и отсек ему одну ногу. Робот – шестиногий паук с длинной шеей – заскрежетал и стал двигаться так быстро, что Зачера Города опутало вихрем. Робот атаковал – пилы разрубали остатки брусков в клочья и лишь чудом не пробивали ступени. Зачер отбивался – он не мог атаковать из-за бешеной скорости паука. В самый неожиданный момент паук останавливался (Ведя разбивал панели),

замирал секунды на две, а потом опять атаковал, ускоряясь. Слабость внутри стала расти, Зачер велел ей замолчать. Он бежал, прыгал, спотыкался, отскакивал, рубил, снова бежал и спотыкался. Зачер Город горел отвагой.

Он сумел отсечь еще одну ногу роботу. Паук замер – но через секунду противоположная стена раскрылась, и из нее вышли еще три таких же паука!

- Мы рискуем... завозиться! – прошептал Зачер Город и сам удивился своей мысли. Впрочем, было отчего удивляться. Пауки скрежеща, двигались вперед; их пилы царапали стены так, что не только обшивка, но и сам каркас трескался. Пауки шли на Зачера Города, стоявшего неподвижно со своим клинком. Зачер Город был спокоен. Но тут он вспомнил про Ведю Вздокина и хотел крикнуть – он и сам не знал что кричать, – но пауки вдруг застыли. На секунду, на две, на три. На пять секунд. На десять. Они стояли не шелохнувшись, и Зачер Город опять удивился. Но он удивился лишь на один миг – всего на один. Зачер Город – пламенный боец – никогда не теряет времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.